

МИР ЕВРАЗИИ

Научный журнал. Издаётся с мая 2008 г. Выходит один раз в три месяца

2009. №3(6) ИЮЛЬ—СЕНТЯБРЬ

Главный редактор

Н.С. МОДОРОВ — доктор исторических наук, профессор, академик РАГН (г. Горно-Алтайск)

Первый зам. главного редактора

В.Г. БАБИН — кандидат исторических наук, проректор ГАГУ по научной работе (г. Горно-Алтайск)

УЧРЕДИТЕЛЬ ЖУРНАЛА

Горно-Алтайский государственный университет

НАУЧНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Ю.В. ТАБАКАЕВ (председатель совета) — доктор философских наук, профессор, академик РАЕН, ректор ГАГУ (г. Горно-Алтайск)

А.Н. АЛЕКСЕЕНКО — доктор исторических наук, профессор (г. Усть-Каменогорск, Республика Казахстан)

В.Г. ДАЦЫШЕН — доктор исторических наук профессор (г. Красноярск)

Н.Ф. ИВАНЦОВА — доктор исторических наук, профессор (г. Москва)

А.Б. КАМЕНСКИЙ — доктор исторических наук, профессор (г. Москва)

В.Д. КУБАРЕВ — доктор исторических наук профессор (г. Новосибирск)

О. ЛХАГВА — доктор исторических наук, профессор (г. Улан-Батор)

А.И. МАРТЫНОВ — доктор исторических наук, профессор, академик РАЕН (г. Кемерово)

В.Я. РУШАНИН — доктор исторических наук, профессор (г. Челябинск)

Л.И. ШЕРСТОВА — доктор исторических наук, профессор (г. Томск)

М.В. ШИЛОВСКИЙ — доктор исторических наук, профессор (г. Новосибирск)

Э.М. ЩАГИН — доктор исторических наук, профессор (г. Москва)

НАУЧНАЯ РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

М.И. ПАКЛИН (зам. главного редактора) кандидат исторических наук, доцент (г. Горно-Алтайск)

А.П. АДЛЫКОВА — кандидат исторических наук (г. Горно-Алтайск)

О.М. ГАНБОЛД — профессор (г. Ховд, Монголия)

Э.П. ДВОРНИКОВ — кандидат исторических наук (г. Горно-Алтайск)

Д.М. КАРАЧАКОВ — доктор исторических наук, профессор (г. Абакан)

Подписано в печать 03.09.2009. Формат 60x84/8. Усл.печ.л. 11,57. Тираж 150 экз. Зак. №1023

Отпечатано в типографии Горно-Алтайского Государственного университета

649000, Горно-Алтайск, ул. Ленкина, 1

© Горно-Алтайский государственный университет, 2008.

Ответственность за аутентичность и точность цитат, имен, названий и иных сведений, а также соблюдение законов об интеллектуальной собственности несут авторы публикуемых материалов

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Арыкова Н. Г.</i> РАЗВИТИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В СТРАНЕ В 60-НАЧАЛЕ 80-Х ГГ. XX В.: ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ ОБРАЗОВАНИЯ.	2
<i>Бабин В. Г.</i> РОССИЙСКОЕ ШКОЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX — НАЧАЛА XX ВВ.: ОГРАНИЧЕНИЯ ПО НАЦИОНАЛЬНОМУ И РЕЛИГИОЗНОМУ ПРИЗНАКАМ	6
<i>Белозёрова М. В.</i> ПРОБЛЕМА БИЛИНГВИЗМА У КОРЕННЫХ НАРОДОВ ЮЖНОЙ СИБИРИ	15
<i>Газдюк Е. В.</i> СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ КИТАЙСКОЙ МИГРАЦИИ В КРАСНОЯРСКОМ КРАЕ	18
<i>Гордон Э. В., Мезенцев Р. В., Страшников П. А.</i> ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В РОССИИ В 1917-1922 ГГ.	21
<i>Денчик С. В., Модоров Н. С.</i> К ВОПРОСУ О ГРАЖДАНСКОМ ПРОТИВОСТОЯНИИ В ГОРНОМ АЛТАЕ В 1921—1922 ГГ. И ЕГО УЧАСТНИКАХ	28
<i>Завьялов А.А.</i> РАЗРАБОТКА ПРОЕКТОВ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА НА АЛТАЕ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ: ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА И ЧАСТНАЯ ИНИЦИАТИВА.	30
<i>Захарова Т. В.</i> ИЗ ИСТОРИИ СТАНОВЛЕНИЯ СОВЕТСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ГОРНОМ АЛТАЕ	37
<i>Ложкина Н. Н.</i> СОЦИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ ГОРНО-АЛТАЙСКОЙ АВТОНОМНОЙ ОБЛАСТИ В 1965—1985 ГГ. (ИСТОРИОГРАФИЯ ВОПРОСА)	45
<i>Мамаева С. Я.</i> СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ РЕГУЛЯРНОГО РАДИОВЕЩАНИЯ В ГОРНОМ АЛТАЕ (20—60 ГГ. XX В.)	49
<i>Модоров Н. С. Попов, А. В.</i> МЕМУАРЫ МИТРОПОЛИТОВ ЕВЛОГИЯ (ГЕОРГИЕВСКОГО) И ВЕНИАМИНА (ФЕДЧЕНКОВА): СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ	52
<i>Павлова Н. А., Пустогачева Т. С.</i> ОБРАЗОВАНИЕ АВТОТРАНСПОРТНОЙ КОНТОРЫ В ОЙРОТСКОЙ АВТОНОМНОЙ ОБЛАСТИ И ЕЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В 1937—1940 ГГ.	63
<i>Скубневский В. А.</i> ПОЛЯКИ В АДМИНИСТРАЦИИ И ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА АЛТАЕ В XVIII—НАЧАЛЕ XX ВЕКА	66
<i>Тарасов М. Г.</i> ФОРМИРОВАНИЕ ИНСТИТУТОВ САМОУПРАВЛЕНИЯ ЕНИСЕЙСКОГО КАЗАЧЬЕГО ВОЙСКА: БОЛЬШИЕ КРУГИ (СЪЕЗДЫ) ЕНИСЕЙСКОГО КАЗАЧЕСТВА	72
РЕЦЕНЗИИ	78
ИНФОРМАЦИЯ	79

АДРЕС РЕДАКЦИИ: 649000, г. Горно-Алтайск, ул. Ленкина, 1, Университет, редколлегия Журнала «Мир Евразии»,
Тел.: 8 (388-22) 2-62-33. Факс: 8 (388-22) 2-67-35. E-mail: mns@gasu.ru

УДК 902

*Н. Г. Арыкова***РАЗВИТИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В СТРАНЕ В 60-НАЧАЛЕ 80-Х ГГ. XX В.: ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ ОБРАЗОВАНИЯ.**

В статье, на основе опубликованных материалов, предпринята попытка осветить процесс развития профессионально-технического образования в стране в 60-начале 80-х гг. XX в., в том числе и в Горном Алтае.

Советское общество, социально-экономическое развитие страны, народное образование, профессионально-техническое образование, квалифицированные кадры, профессионально-техническое училище.

Новые задачи в области народного образования, в том числе и профессионально-технического, были определены в свое время XXVII съездом КПСС. В контексте ускорения социально-экономического развития страны, советского общества, особое внимание он уделил проблеме подготовки кадров, воспитания молодой смены рабочего класса и колхозного крестьянства. Иначе говоря, XXVII съезд партии обязал профессионально-техническую школу обеспечить потребности производства — промышленного и сельскохозяйственного — необходимыми квалифицированными кадрами. Решая эту непростую, во всех отношениях задачу, протехшколу должна была построить учебно-воспитательный процесс таким образом, чтобы ее выпускники — молодое поколение в целом — вступало в жизнь подготовленным политически и нравственно, психологически, а главное — профессионально [1, с. 28].

Взятый партией и правительством курс на развитие страны и советского общества, не был — в принципе — новшеством для системы народного образования, он логически продолжил те «начинания», которые нашли свое отражение в новой Программе партии, принятой XXII съездом КПСС, планировавшей претворить их в жизнь в ближайшей перспективе. Применительно к системе профессионально-технического образования она планировала обеспечить в ближайшие годы «сочетание производственного обучения с повышением общеобразовательной подготовки молодежи» [2, с. 124]. И, надо сказать, государство, реализуя намеченное партийным форумом, вполне преуспело: за годы, прошедшие после XXII съезда КПСС, в стране заметно возросла сеть вечерних (сменных) профессионально-технических училищ (ПТУ), была создана весьма действенная система подготовки механизаторов для сельского хозяйства, а для промышленных предприятий и строек — рабочими кадрами. Сказанное в полной мере просматривалось и в жизни Горного Алтая. Конкретные примеры того и другого будут приведены в соответствующих разделах данной статьи.

Начатое XXII съездом партии дело продолжил последующий ее форум, состоявшийся в конце марта — начале апреля 1966 г. В числе важнейших социально-экономических задач, рассмотренных им, значились и вопросы подготовки кадров в учебных заведениях профтехобразования. Согласно Директивам восьмого пятилетнего плана развития СССР на 1966—1970 гг., ПТУ обязаны были подготовить

более 6 млн. квалифицированных молодых рабочих. Чтобы успешно решить эту задачу, учебные заведения профтехобразования должны были ежегодно принимать до 1,8 млн. человек, что в 1,8 раза было больше, по сравнению с уровнем приема в ПТУ в седьмой пятилетке [3, с. 29]. И это решение съезда не было формальностью или пустой фразой. Оно было обусловлено жизненной необходимостью. Дело в том, что средняя общеобразовательная школа переходила в 1966 г. с одиннадцатилетнего на десятилетний срок обучения. В связи с этим, в 1966 г. она одновременно выпускала X и XI классы. Чтобы обеспечить выпускникам дальнейшее их обучение и трудоустройство, ЦК КПСС и Совет Министров СССР приняли на этот счет специальное постановление. В соответствии с ним, профтехучилища должны были увеличить в 1966 г., по сравнению с 1965 г., прием абитуриентов и принять их в количестве 131 тыс. человек [4].

Если же говорить об основном типе учебного заведения системы профтехобразования на данном этапе, то им, как и в предыдущие годы, оставалось городское и сельское профессионально-техническое училище со сроком обучения от одного до двух лет обучения, которые, как и раньше, готовили для промышленного и сельскохозяйственного производства квалифицированных рабочих широкого профиля. Но теперь они обязаны были делать это с учетом одного, важного требования: научно-технический прогресс с каждым годом предъявлял все возрастающие требования к производственной подготовке специалистов, выходявших из стен городских и сельских ПТУ.

Однако данные высокие требования к производственной подготовке молодежи были лишь отправной точкой в процессе ее обучения, поскольку возрастающая с каждым годом роль общего и экономического образования на производстве, появление на нем новых специальностей, ставших следствием поступления на фабрики, заводы и стройки новой, современной техники, а также расширение производственных функций рабочего — все это до минимума сократило на производстве ручной труд, что, в свою очередь, и накладывало свой отпечаток и на подготовку молодого специалиста. Все это — перечисленное выше — и нашло свое отражение в постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по дальнейшему улучшению подготовки квалифицированных рабочих в учебных заведениях системы профессионально-технического

образования», принятом ими в апреле 1969 г. [5, с. 201-210]. В соответствии с ним, в стране началось постепенное преобразование профессионально-технических учебных заведений в специализированные училища с трех — четырехлетним сроком обучения [6, с. 16-25]. Согласно «Положению» о них, они должны были готовить из числа бывших выпускников восьмилетних школ квалифицированных рабочих со средним образованием [6, с. 16-25]. Их появление было связано с тем, что отныне в производстве на первый план стал выдвигаться новый тип квалифицированного рабочего, основу производственной подготовки которого стали составлять не навыки ручного труда, а широкий технический кругозор, высокий уровень общего образования и творческое отношение работника к труду. На смену рабочему, владевшему одной профессией, узкому специалисту, приходил отныне рабочий широкого профиля. Иначе говоря, подготовка квалифицированных рабочих со средним образованием должна была быть не механическим соединением в одном учебном заведении профессиональной подготовки и общего среднего образования, а единым учебно-воспитательным процессом, в ходе которого общеобразовательные предметы должны были служить не только базой для изучения специальных дисциплин, но и быть фундаментом для повышения профессиональной подготовки учащихся. С другой стороны, изучение специальных предметов должно было способствовать не только закреплению знаний по общеобразовательным предметам, но и углублять их в связи с рассмотрением научных основ техники, технологии, организации и экономики производства. Таким образом, в этом типе профессиональных учебных заведениях учащиеся могли познавать не только прогрессивные виды организации труда (бригадный и арендный подряды, договорные отношения, хозрасчетную и кооперативную деятельность и др.), но и получать по их окончанию общее среднее образование, открывавшее им путь в высшие учебные заведения.

Первые такого рода учебные заведения, в которых наиболее полно реализовывалась идея соединения обучения с производительным трудом появились в СССР еще в конце 50—начале 60-х гг. XX столетия в крупных промышленных центрах. В 70-х гг. они (учебные заведения промышленного и сельскохозяйственного профиля — *Н. А.*) уже имелись и успешно функционировали во всех республиках, краях и областях [7, с. 93]. Появился такой тип учебных заведений и в Горном Алтае. Одним из первых им стало Горно-Алтайское торгово-кооперативное училище, преобразованное вскоре в торгово-кооперативный техникум. Вслед за ним в городе появилось и профессионально-техническое училище №28 [8, с. 112], а в Майме — первое сельское профессионально-техническое училище, ставшее готовить квалифицированных рабочих для сельскохозяйственного производства [9, с. 108].

Наряду с вопросами улучшения подготовки квалифицированных рабочих в учебных заведениях страны, вышеназванное постановление партии и правительства предусматривало и комплекс мер по расширению сети ПТУ, укреплению. Их учебно-материальной базы, а самое главное в этом — оно

«привязало» к решению этого вопроса хозяйственные органы, которые — отныне — были «полностью ответственны» за состояние подготовки квалифицированных рабочих в учебных заведениях системы профессионально-технического образования. Вся эта сложная и многоплановая работа, как подчеркивалось в данном постановлении, должна была проводиться под руководством местных партийно-советских организаций [5, с. 201-210].

Однако создание такого рода профтехучилищ было неоднозначно оценено в стране. Противники их рассматривали появление данного вида учебных заведений как «механическое соединение» профессиональной подготовки и общего образования за счёт увеличения срока обучения в ПТУ. Конец этой дискуссии положила сама жизнь, воочию показавшая, что появившиеся средние профтехучилища, действительно, дают молодежи возможность не только получать профессию, но и среднее образование, а потому они получили всеобщее признание и ныне «быстро развиваются» [7, с. 103].

Однако даже «быстрое развитие средних профтехучилищ», не успевало за темпами развития народного хозяйства страны, «широко и стремительно вбравшего в себя достижения науки и техники» и требовавшего в силу этого «роста культурно-технического роста рабочих» [7, с. 18].

Широкая программа дальнейшего развития и совершенствования системы профессионально-технического образования была начертана XXIV съездом КПСС. Подводя итоги восьмой пятилетки, он, не без оснований, подчеркнул, что «современное производство предъявляет всевозрастающие требования не только к машинам и технике, но, прежде всего, к самим работникам, к тем, кто эти машины создает, кто этой техникой управляет; непременным условием успешного труда становятся отныне общая культура, образованность, профессиональная подготовка все более широких слоев населения» [10, с. 85]. Основываясь на этом, съезд предусматривал в своих решениях увеличение подготовки квалифицированных рабочих в девятой пятилетке до 9 млн. человек [10, с. 86]. Чтобы успешно решить данную задачу, он предусматривал не только активизацию деятельности средних профессионально-технических училищ, но и увеличение числа учащихся в них. Согласно решениям съезда, данный показатель предполагалось поднять к 1975 г. до 300-400 тыс. человек [10, с. 87].

Особое внимание при решении выше указанной задачи, партия и правительство уделяли работе сельских профессионально-технических училищ. Вышедшее в связи с этим — в июне 1972 г. — постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР («О дальнейшем совершенствовании системы профессионально-технического образования»), особо подчеркнуло, что «эта система становится основной школой профессиональной подготовки молодежи и формирования достойного пополнения рабочего класса» [11, с. 276].

Наиболее перспективной формой в решении данной образовательной задачи партия и правительство признавали средние профессионально-технические училища. Чтобы они могли успешно решать поставленные перед ними задачи, постанов-

ление ЦК КПСС и Совета Министров СССР предусматривало улучшить перспективное планирование, а также осуществлять своевременное комплектование учащимися профессионально-технические учебные заведения, последовательно наращивать их контингенты и систематически укреплять учебно-материальную базу ПТУ. Не оставило без внимания постановление и ранее допущенные ими «недоработки и промахи»: не до конца реализуемый учебными заведениями принцип единства обучения и воспитания учащихся, который не всегда ими учитывается в процессе изменения содержания труда рабочего, а также медленная разработка теоретических проблем профессионально-технического образования и др. [7, с. 94].

Поднятые июньским (1972 г.) постановлением партии и правительства проблемы не были обойдены и сессией Верховного Совета СССР, состоявшейся летом 1973 г. Принятые ею «Основы законодательства Союза ССР и союзных республик о народном образовании», четко определили функции и задачи профессионально-технических учебных заведений [11, с. 20-22], которые после окончания сессии легли в основу совместных мероприятий, выработанных ВЦСПС, ЦК ВЛКСМ и Государственным комитетом по профессионально-техническому образованию и предусматривавших пути дальнейшего развития и совершенствования системы подготовки рабочих кадров, организацию шефства профсоюзов и комсомола в деле строительства новых профтехучилищ. Взяли на себя обязательство данные организации оказывать ПТУ помощь и в деле набора ими абитуриентов. Особенно проявил себя на этом поприще комсомол. По его путевкам ежегодно приходили на учебу в профессионально-технические училища до миллиона юношей и девушек [7, с. 94].

Не обошел своим вниманием XXIV съезд КПСС и вопрос о необходимости повышать роль ПТУ и в деле подготовки своих выпускников к жизни, к труду и — особенно — проблему обеспечения профессионально-технических учебных заведений квалифицированными педагогами и мастерами. Касаясь последнего, он справедливо подметил, что ныне во всех областях нашей жизни идут настолько быстрые преобразования, что наших знаний, образования в целом, полученных в молодости, явно становится явно недостаточно. Поэтому то образование, которое мы получили когда-то, — это лишь база, нуждающаяся в постоянном и планомерном пополнении. В связи со сказанным, подчеркнута в материалах съезда, большое значение приобретает в новой ситуации систематическое повышение квалификации педагогических кадров. При этом немаловажный акцент был сделан им на «идейную зачатку молодых рабочих, на воспитание у них чувства гордости за принадлежность к рабочему классу» [12, с. 168-169].

Горный Алтай, как известно, давно и традиционно считался аграрным регионом. Но, несмотря на это, и здесь нашлись сферы, на развитие которых ориентировали его тружеников решения вышеуказанного партийного форума, в частности, на развитие в области системы профессионально-технического образования. В количественном отношении ее

учебные заведения не выросли: как их было до этого четыре, так это число их и осталось. В них получали профессионально-техническое образование полторы тысячи юношей и девушек. Их образованием и воспитанием занимались 42 высококвалифицированных педагога [13, с. 85]. Чтобы поддерживать их профессионализм на должном уровне, педагогический коллектив каждого ПТУ имел (в соответствии с требованиями партийного съезда): а) перспективный план его пополнения квалифицированными кадрами; б) план повышения квалификации педагогов и мастеров; в) план совершенствования профессиональной ориентации молодежи и др.

Подобный подход к делу способствовал тому, что педагогические коллективы наших ПТУ, страны в целом, смогли, в конечном итоге, справиться с решением задач, поставленных XXIV съездом партии перед ними, государственной системой профессионально-технического образования. За годы пятилетки (1970-1975 гг.) количество учебных заведений профтехобразования выросло в стране с 5,3 до 6,2 тыс., а число учащихся в них — с 2,4 до 3,0 млн. человек [7, с. 95]. Этому прогрессу в немалой степени содействовали, без преувеличения, коренные изменения, происшедшие в сельскохозяйственном производстве, в частности, перевод его на индустриальную основу, а также значительный рост капитальных вложений в материально-техническое оснащение сельского хозяйства. Все это вместе взятое не только подняло его на небывалую до этого высоту, но и поставило одновременно, причем достаточно остро, вопрос о подготовке высококвалифицированных механизаторов, животноводов и мелиораторов. Это нашло свое отражение в появлении специального — на этот счет — постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР («О мерах по расширению сети средних сельских профессионально-технических училищ и улучшению их работы»), увидевшее свет в январе 1975 г., в котором были предусмотрены меры по дальнейшему развитию на селе профессионально-технических училищ, оказанию им помощи в оснащении современным оборудованием и техническими средствами обучения, а также в создании в ПТУ учебных хозяйств и в совершенствовании подготовки данными учебными заведениями квалифицированных рабочих для всех отраслей сельского хозяйства. Значительный акцент в данном постановлении был сделан на увеличение приема девушек в средние сельские профессионально-технические училища (ССПТУ) [6, с. 336-339].

Значительно шире и конкретнее положения, нашедшие отражение в вышеуказанном постановлении партии и правительства, развил XXV съездом КПСС, состоявшийся в феврале-марте 1976 г. Главная задача десятой пятилетки (в соответствии с планами социально-экономического и культурного развития народного хозяйства СССР на 1976—1980 гг. — *Н. А.*), как подчеркивалось в утвержденных им «Директивах», состояла в неуклонном подъеме материального и культурного уровня жизни народа на основе динамичного и пропорционального развития общественного производства, повышения его эффективности, ускорения научно-технического прогресса, роста производительности труда, всемерного

улучшения качества работы во всех звеньях народного хозяйства [14, с. 37]. Решения партийного съезда были — по традиции — с энтузиазмом были встречены на местах. Руководствуясь ими, партийно-советские организации и органы профтехобразования разного уровня, преодолевая возникавшие трудности (особенно, связанные с демографическими процессами — *Н.А.*), активно включились в работу по претворению в жизнь «предначертаний партии». И, надо сказать, небезуспешно. К примеру, уже к началу 1980 г. в стране насчитывалось более 1600 средних сельских профтехучилищ, т.е. вдвое больше, чем их было в 1976 г., которыми было выпущено в период с 1976 по 1980 г. свыше 3 млн. рабочих для всех отраслей сельскохозяйственного производства [7, с. 96]. Если говорить о Горном Алтае, то успехи у нас в этом плане тоже были, но были они, более чем скромными. Дело в том, что число ССПТУ в Горно-Алтайской автономной области за указанное выше время — не возросло. Их у нас, как было два (Ининское и Майминское — *Н.А.*), так два и осталось. Остался примерно в тех же пределах и набор учащихся в них. Расширился в годы десятой пятилетки только перечень специальностей, по которым готовили данные училища квалифицированных рабочих для сельского хозяйства, да заметно укрепилась, по сравнению с прошлыми годами, их учебно-материальная база [15].

Но, наряду с очевидными успехами в развитии наших профессионально-технических училищ, присутствовали в их деятельности и «недоработки». К примеру, в Горном Алтае, по-прежнему, продолжала превалировать узкая специализация механизаторов. Нередко выпускник училища мог управлять лишь одним типом машин, в силу чего он был не в состоянии обслуживать другие механизмы. Это, естественно, затрудняло создание постоянных кадров и рациональное их использование, особенно в сельском хозяйстве, где многие работы имели сезонный характер. Именно по этой причине из хозяйств уходили комбайнеры, часто использовавшиеся в них не по назначению. Поэтому на селе нужны были «механизаторы-универсалы». В числе наших «огрехов» значилось и почти «ежегодное невыполнение» ССПТУ плана комплектования их учащимися, поскольку колхозы и совхозы области почти постоянно проявляли «нерадивость и недостаточную заботу» об училищах, обеспечивавших их квалифицированными кадрами. Не проявляли хозяйства «должного внимания» и к вопросу укрепления учебно-материальной базы училищ, а также к обеспечению их инженерно-педагогических работников жильем, топливом и т.д. [15].

Говоря о подобном рода «недостатках» в работе ПТУ, в их взаимоотношениях с хозяйствами, следует отметить, что они регулярно фигурируют в отчетах тех лет. Но особенно обострилась эта ситуация с момента, когда проблема всестороннего раз-

вития сельскохозяйственного производства соединилась с широким культурно-бытовым и промышленным строительством на селе. Повторим, что именно на решение этой проблемы и было направлено в свое время постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР (от 28 января 1975 г.) «О мерах по расширению сети средних сельских профессионально-технических училищ и по улучшению их работы» [6, с. 336-339]. Отметим медленный рост средних училищ в сельской местности (и Горный Алтай в этом плане не составлял исключения — *Н.А.*), оно назвало и главную причину их «столь неудовлетворительного развития» — это «неподготовленность базы, на которой можно было создавать новые и расширять старые училища» [6, с. 336-339]. Учебно-материальная же база последних, действительно, оставляла желать много лучшего, в то время как в хозяйствах имелись уже новые трактора, комбайны, другая сельскохозяйственная техника.

Дальнейший виток укрепления государственной системы профессионально-технического образования был связан с решениями XXVI съезда партии. Согласно «Основным направлениям развития экономики страны на одиннадцатую пятилетку (1981—1985) и на период до 1990 г.», ПТУ должны были увеличить подготовку квалифицированных рабочих в 1,6 раза, а выпуск из средних профессионально-технических училищ довести до 13 млн. человек [16, с. 182]. Руководствуясь утвержденными им «Направлениями», трудящиеся СССР приступили к реализации всего намеченного XXVI съездом партии. Была продолжена и работа по дальнейшему развитию и совершенствованию системы профессионально-технического образования, в том числе и в Горном Алтае. К началу 80-х гг. здесь функционировало уже 7 профессионально-технических училищ, материально-техническая и учебно-методическая база которых целенаправленно расширялась и укреплялась, продолжала совершенствоваться работа профессионально-технических училищ по подготовке квалифицированных рабочих и специалистов для фабрично-заводского, сельскохозяйственного производства края и бытового обслуживания населения. Однако «новые веяния», вмешавшиеся в середине 80-х гг. прошлого столетия, сначала в нашу общественно-политическую, а затем в хозяйственную жизнь страны, на долгое время приостановили ее поступательное продвижение вперед, в том числе и в сфере народного образования и подготовки квалифицированных кадров и специалистов среднего звена для отраслей ее народного хозяйства. Не избежал этих «преобразований», естественно, и Горный Алтай. Однако освещение того, как это происходило, — составляет тему уже другого разговора.

Библиографический список

1. Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. — М., 1986.
2. Программа КПСС. — М., 1961.
3. Материалы XXIII съезда КПСС. М., 1966.
4. Собрание постановлений правительства СССР. — М., 1966.
5. Справочник партийного работника. — М., 1969. — Вып. 9.
6. КПСС в резолюциях, решениях съездов, конференций и пленумов. — М., 1987. — Т.10.
7. Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР. 1961—1986 гг. — М., 1987.

8. Арыкова Н. Г. Из истории подготовки в Горном Алтае квалифицированных кадров швейного производства в послевоенный период // Вестник Томского государственного университета. Бюллетень оперативной научной информации. №95. Ноябрь. 2006.
9. Арыкова Н. Г. Развития профессионального образования в Горном Алтае в 60-х гг. XX в. // Коренные народы Саяно-Алтая: в прошлом, настоящем и будущем. Материалы Международ. науч. конференции. — Горно-Алтайск, 2006.
10. XXIV съезд Коммунистической партии Советского Союза: Стенограф. Отчет. Т. 1. — М., 1971.
11. Основы законодательства Союза ССР и союзных республик о народном образовании. — М., 1973.
12. Журавлев Б. Формирование у современного рабочего профессионального мастерства и высоких моральных качеств. — М., 1976.
13. Республика Алтай в цифрах. Юбилейный статистический сборник. — Горно-Алтайск, 2006.
14. Материалы XXV съезда КПСС. — М.: Политиздат, 1976.
15. Текущий отчет отдела профтехобразования Горно-Алтайского облисполкома. 1971-1976 гг.
16. Материалы XXVI съезда КПСС. — М.: Политиздат, 1981.

Горно-Алтайский государственный университет
Получено 25.07.09

N. G. Arykova

THE DEVELOPMENT OF PROFESSIONAL EDUCATION IN COUNTRY IN 60 — BEGINNING 80 YEARS XX CENTURY: THE SUCCESSION SOCIAL AND ECONOMIC OF FACTORS OF EDUCATION

In article, on the basis of publish materials analyzed the process development of professional education education in country in 60 — beginning 80 years XX century and in Gorny Altai.

Soviet society, social and economic development of country, people education, professional education, skilled workers, professional secondary

УДК 902

В. Г. Бабин

РОССИЙСКОЕ ШКОЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX — НАЧАЛА XX ВВ.: ОГРАНИЧЕНИЯ ПО НАЦИОНАЛЬНОМУ И РЕЛИГИОЗНОМУ ПРИЗНАКАМ

В статье, на основе документальных источников (опубликованных и архивных) анализируется российское школьное законодательство второй половины XIX — начала XX вв.

Российская империя, польское восстание, национальные окраины, шовинизм, народное образование, школьное законодательство

На протяжении всего XIX в. серьезное влияние на школьную политику российских властей оказывал этноконфессиональный фактор. Дело в том, что школа на окраинах страны, помимо чисто образовательной цели, призвана была выполнять и очень важную политическую функцию: спланировать их с центром посредством внедрения в массу нерусского и не православного населения русского языка и русской культуры. С этой точки зрения школа должна была подготовить, в определенной степени, благоприятные условия для проведения дальнейших интеграционных мероприятий российского правительства, которые оно не спешило форсировать в первой половине XIX в.

Нарушить сложившуюся политику его понудило лишь польское восстание 1863—1864 гг. После его подавления власти впервые прибегли к услугам школы, причем не только в сфере образования, но и в деле решения национального вопроса. Этот поворот в правительственной политике был более решительным, нежели в предшествующие десятилетия. Отныне власть активно интегрировала национальные окраины в общеимперское административно-правовое поле. Проводимые в этом направлении интеграционные мероприятия сопровождалось усилением культурно-языковой унификации (в форме

русификации), что должно было, по мнению властей, упрочить и ускорить процесс объединения центра и окраин. Столь радикальная перемена правительственного курса, конечно же, была небеспричинной.

Главная причина вышеозначенного «радикализма» состояла в необходимости унифицировать (после реформ 60-х гг.) все сферы административной, культурной, правовой и социальной жизни Российского государства с тем, чтобы выйти на уровень европейских стран. Необходимо было интегрировать и общество: по вертикали — через прежние сословные барьеры и по горизонтали — через национально-религиозные границы, а также укрепить связи между всеми частями госаппарата (независимо от их местонахождения) и всеми жителями страны (независимо от их сословной и национальной принадлежности). Через это «горнило» прошли, как известно, практически все страны Европы. Для этого достаточно вспомнить хотя бы политику «культуркампа» О. Бисмарка, которая, в общем-то, и служила примером для России.

Другой причиной являлось то, что власти после польского восстания 1863—1864 гг. разуверились в возможности эволюционной интеграции. В стране утвердилось мнение, что либеральная на-

циональная политика ведет лишь к мятежам и грозит в перспективе российскому государственному единству.

И если русификация (как одно из средств решения задач модернизации) не предполагала в качестве основной цели ассимиляцию нерусских подданных и ограничение их прав в пользу русских, то борьба с развитием национальных движений породила издержки, которые в значительной мере извратили объективную необходимость повсеместного распространения русского языка, унификации системы управления.

Наиболее ярко это проявилось в сфере народного образования. Школьная политика на национальных окраинах была направлена, начиная с 60-х гг. XIX в., на решение не столько образовательных, сколько политических задач. В связи с этим, школьные системы на окраинах страны были коренным образом перестроены. Начавшись в западных губерниях и Царстве Польском, интеграционные процессы были распространены в течение последующих 30 лет на все национальные регионы империи, не оставив без внимания ни одну из существовавших в ней школьных систем. Последней крупной акцией в этом направлении являлся закон 12 июня 1903 г., изъывший в пользу казны имущества армяно-григорианской церкви, что привело в дальнейшем к ликвидации автономного существования армянской церковной школы.

С появлением закона 1903 г., вектор правительственной школьной политики в национальных регионах был направлен на усиление государственного контроля над школой, в т.ч. и частной, на ликвидацию автономности положения конфессиональных школ. Русский язык стал обязательным предметом в школах всех типов, а местные языки — были переведены в разряд факультативных дисциплин, а кое-где они и вовсе были ликвидированы. В соответствии с этим, осуществлялось и замещение в школах учительских и административных должностей, т.е. приоритет был отдан лиц русского происхождения и православного исповедания.

Перечисленные направления национально-школьной политики были общи для всех регионов страны. Правда, в отдельных регионах, где имелась своя специфика, определявшаяся национальным и религиозным составом населения, а также исторически сложившимся характером социальных, межэтнических и межконфессиональных отношений, наличием или отсутствием в прошлом своей национальной школы, письменности, литературы, интеллигенции и т.д.

Но решающее влияние на характер национальной политики, в частности, школьной в отдельном регионе и в отношении конкретной национальности, оказывал, безусловно, религиозный фактор. Россия, как известно, являла собой государство, обязывавшее своих подданных принадлежать (в обязательном порядке) к какому-либо вероисповеданию. Господствовавший в империи закон провозглашал нерушимость принципа веротерпимости. Но, несмотря на это, в стране существовал приоритет православия, в силу чего, Православная Церковь считалась «первенствующей» и «господствующей».

Степенью ниже после православия располагались вероисповедания, находившиеся под покровительством императора: римско-католическое и армяно-католическое, протестантские и армяно-григорианское.

Следом за ними шли нехристианские вероисповедания (караимское, иудейское, мусульманское и буддистское), находившиеся под «сенью общих законов Российской империи».

И самую низшую ступень «вероисповедной лестницы» занимали «дозволенные законом язычники и идолопоклонники».

Отличительной чертой российского законодательства и повседневной практики являлось тесное переплетение религиозного и национального компонента. Так, православие прочно ассоциировалось с русскими, католицизм — с поляками, протестантство — с немцами, а ислам — с татарами. И подобные ассоциации, надо сказать, не были плодом воображения чиновников и публицистов, а являлись следствием исторического развития конкретных регионов, в разное время вошедших в состав России. К, примеру, дворянство, католическое духовенство, интеллигенция в западных губерниях (Западные губернии, Западный край), под таким названием имелись в виду: три северо-западных белорусско-литовских губернии — Виленская, Ковенская и Гродненская; три западных белорусских — Минская, Могилевская и Витебская и три юго-западных малорусских — Киевская, Волынская и Подольская губернии. В учебном отношении шесть первых губерний последний составляли Виленский учебный округ, а последние — входили в Киевский учебный округ вместе с Черниговской и Полтавской губерниями — В. Б.) состояло, в большинстве своем, из поляков, крестьянство же — из украинцев, белорусов и литовцев. Поэтому в этом крае безраздельно доминировала польская культура. Если смотреть с этих позиций на Прибалтийские губернии, то здесь господствовала немецкая культура, а в Поволжье и Приуралье — татарская. Потому-то, русификация этих регионов встретила сильное сопротивление со стороны господствовавших в них культур.

К примеру, в Царстве Польском и западных губерниях центрами ее средоточия являлись дворянская усадьба, костел и находившиеся под их влиянием учебные заведения. Именно против них и было направлено острое правительственной политики, провозглашенной законом 1903 г. Проследим ее претворение властями, к примеру, в Польше.

Здесь, как уже упоминалось выше, все началось после подавления восстания 1863 г. В течение нескольких лет после него там были ликвидированы все остатки былой автономии. Польские чиновники, согласно секретному постановлению 1866 г., заменились благонадежными русскими, в крайнем случае, немцами-лютеранами. К 1905 г., в судебном ведомстве, к примеру, из 590 служащих поляков было всего 23 чел. В Люблинской и Седлецкой губерниях, населенных украинцами, бывшими униатами, «возвращенными» в 1875 г. в православие, все должности занимали только русские православного исповедания [1, л. 50, 77]. Согласно «Высочайшему повелению» от 27 марта 1867 г., запрещалось назначать поляков на должности начальников учебных заведе-

ний и инспекторов гимназий, преподавателей истории, русского языка и словесности. В дальнейшем это «повеление» было распространено и на преподавателей частных учебных заведений. Лишь 10 января 1904 г. появился министерский циркуляр, разрешавший назначать поляков на должности преподавателей русского языка в частных учебных заведениях [2, л. 304-307]. Тогда же русский язык был введен в делопроизводство в административных и судебных органах вплоть до низшего уровня.

Коренное преобразование всех польских учреждений, направленное на полное единение с метрополией, внесло существенные изменения и в учебную систему. В 1867 г. в Польше была упразднена Правительственная комиссия народного просвещения и восстановлен Варшавский учебный округ, подчиненный на общих основаниях Министерству народного просвещения (МНП). Административная интеграция национальной учебной системы в общероссийскую не предусматривала ликвидацию на начальном этапе польского языка в преподавании. Более того, рескрипт 30 августа 1864 г. сохранял Устав 1862 г. и даже предписывал принять меры, не превращавшие школу в «орудие» для достижения политических целей. «Предоставляя возможность польскому юношеству обучаться на его природном языке, — говорилось в нем, — надлежит, вместе с тем, принять во внимание, что население Царства состоит из лиц, принадлежащих к разным племенам и вероисповеданиям. Каждое из них должно быть ограждено от всякого насильственного посягательства, и в этих видах необходимо озаботиться об образовании отдельных для каждой народности училищ, а в школах общих, особенно же в низших, ввести обучение на природном языке большинства населения» [3, с. 38].

Однако с момента воссоздания Варшавского учебного округа, начались отступления от основных положений рескрипта. Административная интеграция стала сопровождаться ярко выраженной культурно-языковой русификацией системы образования в Польше. Тогда же воссозданный в 1869 г. Варшавский университет, был превращен в чисто русский вуз, как по языку преподавания, так и по составу профессорско-преподавательских кадров. Статья 655 «Свода уставов ученых учреждений и учебных заведений ведомства МНП» устанавливала, что в Варшавском университете, как в преподавании, так и во всех вообще испытаниях, сочинениях, на публичных актах и в делопроизводстве, употребляется [только] русский язык [4, л. 10 об.]. Исключение в отношении языка преподавания допускалось лишь для лекций по польскому языку и словесности, которые могли читаться на польском языке. Однако в 1871 г. польская словесность, в качестве составной части, была включена в обязательный для историко-филологического факультета курс славянской филологии, который стал читаться на русском языке. Само же преподавание польского языка было поручено не вузовскому профессору, а внештатному лектору [1, л. 170]. В силу произведенных преобразований, в Варшавском университете из его 59 кафедр, только две были заняты поляками, в Варшавском ветеринарном институте — работал всего один поляк, а в Ново-Александрийском институте сельского хозяйства и лесоводства не было ни одного профессора поляка [5, с. 2].

дрийском институте сельского хозяйства и лесоводства не было ни одного профессора поляка [5, с. 2].

5 февраля 1869 г. свет увидело «Высочайше» утвержденное положение Комитета по делам Царства Польского, которым отменялись наименования учебных заведений по «национальностям». Им же был утвержден (с 1 мая) в средних учебных заведениях русский язык языком преподавания всех предметов, кроме Закона Божия. В дальнейшем эта мера распространилась и на частные учебные заведения. Польский же язык сохранялся в качестве предмета преподавания, но мог, по распоряжению местных учебных властей, заменяться русским языком.

Очередные изменения в сфере народного просвещения последовали после проверки графом Д. А. Толстым Варшавского учебного округа в 1868 г. Среди недостатков в его системе начального образования, министр особенно «раскритиковал» выбор учителей гминными и сельскими обществами, что, по его мнению, «приводило» на преподавательские должности политически неблагонадежных лиц. В связи с этим, он издал в 1871 г., в соответствии с которым, учителя стали назначаться «властью начальников учебных дирекций». Тогда же было «постепенно введено» в начальных училищах преподавание на русском языке. Очередное «ужесточение» для них последовало в 1879 г.: им было предложено не допускать к преподаванию вероучения в начальных училищах. Впоследствии попечитель учебного округа добился, чтобы преподавателями в них были светские учителя, православные или лютеране.

К середине 80-х гг. польское общество было полностью устранено от какого-либо влияния на народное образование. На русском языке стали преподавать всех предметов, в т.ч. польский язык и католический Закон Божий. Правда, в отношении последнего 13 августа 1880 г. было «Высочайшее повелено» разрешить в будущем преподавание Закона Божия римско-католического исповедания в средних учебных заведениях Царства Польского «на природном языке учащихся», за исключением учебных заведений в бывших греко-униатских местностях [3, с. 93]. Однако ученикам, по-прежнему, запрещалось говорить на польском языке в стенах учебных заведений и даже во внеурочное время.

В 1889 г. свет увидел «Всепопданнейший доклад», в котором принципиальный сторонник русификации Польши, генерал-губернатор И. В. Гурко констатировал, что проводимая учебными властями в Царстве школьная политика не достигает поставленных целей и способствует не сближению, а отчуждению поляков от всего русского [6, с. 734]. Одной из главных ошибок в школьном вопросе, по его мнению, было устранение ксендзов от преподавания вероучения, что привело к падению в глазах населения авторитета правительственной школы, но не устранило, как того добивались учебные власти, влияния католической церкви на воспитание подрастающего поколения. В силу этого, в 1890 г. Особое совещание под председательством министра народного просвещения И. Д. Делянова предложило руководствоваться при назначении ксендзов на «законоучительские должности» не только существующим законом, но и ходатайствами сельских

обществ. Однако учебные власти на местах проигнорировали это мнение Особого совещания. И, как результат, этот вопрос был рассмотрен в 1892 г. уже в Комитете министров. Согласно приведенным И. В. Гурко данным, в 1891—1892 учебном году в 58 сельских школах Закон Божий римско-католического исповедания преподавался учителями евангелическо-лютеранского исповедания, а в 44 школах — православными. Итогом подобной деятельности учебных властей, утверждал он, явилось сокращение числа сельских школ с 1882 по 1892 г. на 303, а числа учащихся — на 3000. Поэтому, говорил генерал-губернатор, устранение ксендзов это большая политическая ошибка, так как официальное преподавание менее опасно, чем тайное. В ответ на это, И. Д. Делянов говорил, что «недопущение ксендзов в школу — это печальная необходимость», вызванная крайним фанатизмом католического духовенства, которое всеми силами противодействует правительственным мероприятиям в крае. Лучше, утверждал он, совсем не иметь школы, чем допустить школу, руководимую ксендзом. В этой полемике И. В. Гурко поддержал Обер-прокурор Синода К. П. Победоносцев, заявивший, что при возникновении разногласий последнее слово должно принадлежать генерал-губернатору, а не учебному начальству. С таким утверждением согласился и Комитет министров, «мнение» которого было «Высочайше утверждено 16 марта 1892 г. [7, л. 68-75].

Сложившуюся ситуацию в школьной политике в Польше не изменило и восшествие на престол Николая II. Более того, он с полным одобрением отнесся в 1896 г., к предложению Варшавского генерал-губернатора графа Шувалова о целесообразности постепенного сокращения, а потом и полного прекращения преподавания польского языка в средней школе [8, с. 10].

Словом, польский вопрос занимал на протяжении всего XIX столетия видное место в политике российского правительства. Его специфика в Западном крае заключалась в том, что подавляющую часть помещиков составляли поляки, а крестьянами были преимущественно украинцы, белорусы и литовцы. Решение польского вопроса осложнялось еще и тем, что значительная часть крестьянского населения края исповедовала католичество. В силу вышеуказанных причин, 82,6% имевшихся в крае земель находились в 1865 г. во владении поляков и католиков. Благодаря национальной школе, польская культура в крае, с успехом конкурировала с русской. Более того, с 1865 г. польский язык вновь стал преподаваться во всех средних учебных заведениях края, вне зависимости от национального состава учащихся. Если говорить о преподавателях, то из 240 учителей гимназий и прогимназий две трети были поляками и лишь 80 — русские и немцы [9, с. 39]. Это обстоятельство дало возможность сказать попечителю Виленского учебного округа, князю А. П. Ширинскому-Шихматову еще в 1862 г., что в округе «все образованное и все мыслящее сословие принадлежит к явным противникам правительства, желающего вызвать к жизни и укрепить подавленное чувство русской национальности» [9, с. 463].

Иначе говоря, польское дворянство и католическая церковь стремились все взять в свои руки, в

т.ч. и образование крестьянства. Они старались убедить власть, что в крае могут быть только польская грамотность и польское народное образование. В марте 1861 г. генерал-губернатор Северо-Западного края В. И. Назимов доносил, что минское дворянство повсеместно заводит школы, привлекая в них крестьян, и повсеместно среди православных распространяет польскую грамоту и польский язык. Не менее энергично действовали и ксендзы, открывая школу при каждом костеле. Чиновничество в крае, в большинстве состоявшее из поляков, не препятствовало такому развитию ситуации в сфере народного образования. В 1863 г. В. И. Назимов писал, что, «если со стороны русского правительства не будут приняты меры к ограждению русской народности в Западном крае, то [скоро] надлежит ожидать, что чуждое этому краю польское направление волеется в плоть и кровь здешнего русского народа и со временем устами его заговорит в пользу польского дела» [1, с. 62-64].

Таким образом, объединенными усилиями дворянства, польского чиновничества, костела и школы в Западных губерниях шел в начале 60-х гг. довольно интенсивный процесс «полонизации» украинцев, белорусов и литовцев, особенно той их части, которая исповедовала католичество. Русское правительство им на этот счет вплоть до восстания 1863—1864 гг. почти не препятствовало. Ситуация в корне изменилась, как уже упоминалось выше, только после его подавления. С этого момента власти сразу же взяли курс на «интеграцию края с Империей». Было провозглашено, что Западный край — это искони русский край, «оторванный в свое время от общерусского тела». И, наконец, настала пора возратить ему «русский облик», утвердить здесь «господство русской народности, русской культуры и православной церкви».

В отличие от Царства Польского, где «русификация» не предполагала ассимиляции поляков, в Западных губерниях началось полное их «слияние» с внутренними российскими губерниями, в т.ч. и в этническом смысле. Иначе говоря, властями был взят курс на «растворение» украинцев, белорусов и литовцев в «русском море».

Первым шагом к этому стала ликвидация экономического господства польского дворянства в крае и усиление русского землевладения. Для этого полякам было запрещено, начиная с 1865 г., приобретать и арендовать земли в 9 западных губерниях. Это ограничение распространялось на всех католиков, за исключением крестьян. Но и они не могли приобретать свыше 60 дес. Русские же дворяне получали в этом плане значительные льготы [11, л. 8, 66, 68].

Еще одной «русификационной» мерой русских властей в крае стало «недопущение» ими поляков к государственной службе. В соответствии с «Положением» от 26-27 мая все должности начальников, а также высшие служебные места в крае должны были замещаться только русскими чиновниками православного исповедания и женатых не на поляках. Со временем был закрыт доступ на государственную службу для всех католиков. Последние допускались только в городское самоуправление и

то только в качестве гласных. Такого рода «табу» распространялось на все западные губернии. К примеру, в 1885 г. Киевский земельный банк, руководствуясь «Высочайшими повелениями», имел в составе правления и оценочной комиссии только «лиц русского происхождения». За этим строго следил генерал-губернатор, взявший подписку с директоров банка в том, что все должности в их учреждениях не будут замещаться лицами польского происхождения [1, л. 31, 69-74].

Политика запретов и ограничений, проводимая правительством в Западном крае, коснулась и католической церкви. После подавления польского восстания, в западных губерниях было закрыто 313 католических церквей и часовен [12, л. 55]. Католические священники были ограничены в праве передвижения вне своего прихода, покинуть его они могли только с разрешения губернатора. Этой мерой власти намеревались свести до минимума как общение ксендзов между собой, так и возможность их пребывания в местностях с православным населением. Были также введены ограничения на установку католиками крестов и священных изображений на полях, дорогах и других местах вне костелов, запрещено было совершать крестные ходы вне церквей в городах, а в селах — вне церковной ограды. Запрещалось пение молитв на польском языке во время погребальных процессий, а сами они должны были совершаться без «особой торжественности» [13, л. 28 об., 31-38].

Ограничения в отношении католической церкви, безусловно, ослабили ее влияние, но, в то же время, придали ей и ореол гонимой церкви. Но, несмотря на все старания, «располячить» костел властям не удалось. А без этого, по заявлению Н. Х. Бунге, «деполонизация» края была невозможна. Одна из главных ошибок российских властей состояла, по его мнению, в отождествлении католицизма с польским языком. И пока проповедь и молитва, подчеркивал он, не будут допускаемы на русском языке, «дотоле польский язык сохранит свое господство в семье, и послужит даже к ополячению непольского населения» [14, с. 221].

Натолкнувшись на энергичное сопротивление католического духовенства и пассивное отношение к этому вопросу католиков не поляков, власти прекратили попытки административными мерами «располячить» костел. С одной стороны, это говорило о прочности традиции и сильном влиянии в них ксендзов. С другой стороны, украинцы и белорусы — католики русскими себя, как того не добились власти, еще не осознавали. Развитию такого самосознания (чтобы они почувствовали необходимость отстаивания своих национальных интересов, в т.ч. и в религиозной сфере) власти всячески препятствовали. Мешал этому и бытовавший в империи стереотип, что католик и поляк одно и то же. Поэтому во властных кругах сильно было убеждение, что раз православные белорусы и украинцы довольно легко русифицируются, то и католики, «усвоив русскую народность, постепенно обратятся в православие» [15, л. 13]. Потому-то из всего комплекса мер, направленных на достижение поставленной цели, приоритет отдавался перестройке системы народного образования в крае.

Основа же последней была изложена в «Записке о некоторых вопросах по устройству Северо-Западного края», которая была представлена генерал-губернатором 14 мая 1864 г. на рассмотрение Западного комитета. Для «возвышения русской народности и православия в крае» ее автор предлагал, в первую очередь, заняться устройством быта крестьян и распространением общественного образования. При этом главное внимание, по его мнению, необходимо было сосредоточить на открытии значительного числа народных школ, руководить которыми должно православное духовенство. Светские же народные училища предлагалось открывать там, где «невозможно учредить церковно-приходские школы». Последние обязаны были давать человеку самые элементарные знания, главным образом, русский язык и догматы православной веры. Изучению же польского языка и на селе, и в городе ставился заслон. Относительно среднего образования, которое давали гимназии и прогимназии, то число этих учебных заведений «Записка» ограничивала, ибо она рассматривала их как «рассадник польского сепаратизма». Исходя из этого, она предлагала, оставить их только в губернских городах. Предлагала «Записка» обновить и преподавательский состав в гимназиях. Средства, высвободившиеся после их закрытия, предлагалось направить на поддержание народных училищ [16, с. 187, 189]. Обсудив представленный документ, Западный комитет одобрил его положения, которые были «Высочайше утверждены 28 мая 1864 г.» [16, с. 189-191].

Однако реализация вышеуказанного положения столкнулась с немалыми трудностями, особенно в части замещения учителей поляков русскими. Чтобы осуществить это, генерал-губернатору потребовалось добиться у правительства в 1864 г. 50% прибавки к учительскому жалованию. Кроме того, в Московском, Казанском и Харьковском университетах были учреждены 60 стипендий для подготовки преподавателей для средних учебных заведений Северо-Западного края. Благодаря этим и другим стараниям Н. М. Муравьева, Северо-Западный край «преобразился духовно и нравственно» и «сделался исключительно русским и православным» [9, с. XIII].

Преобразование государственной системы народного образования затронули также домашнее и частное образования, в котором наличие преподавателей — поляков тоже не приветствовалось. Сложившуюся в Западном крае систему образования решено было закрепить на высоком уровне: в 1868 г. попечитель Виленского учебного округа направил в Министерство просвещения соответствующее ходатайство. Последнее было поддержано графом Д. А. Толстым, предложившим не допускать лиц польского происхождения и католического исповедания ни на какие должности в учебных заведениях не только Виленского учебного округа, но и в прочие учебные округа, кроме Варшавского и Дерптского. Однако эта мера не должна была распространяться на преподавателей университетов, законоучителей римско-католического Закона Божия и лиц польского происхождения, находившихся уже на службе [17, л. 70]. «Уточнение» министра особенно затронуло Киевский учебный округ, где в учебных заведениях, на разных должностях, находилось 106

поляков. Их теперь необходимо было заместить лицами русского происхождения. И эта замена была произведена в соответствии «Высочайшим соизволением» от 20 сентября 1868 г. [18, л. 62-64]. Однако замещение преподавателей — поляков русскими, тут же породила проблему нехватки необходимых кадров. В силу этого, правительство вынуждено было в 1874 г. отступить от «своего правила» и разрешить прием на работу поляков — католиков на должности врачей при учебных заведениях. Годом позже на работы в них стали принимать преподавателей математических наук и физики [11, л. 145].

Однако эти изменения не касались Западного края. Здесь, по-прежнему, все шло так, как предложил это в апреле 1864 г. М. Н. Муравьев: польский язык не преподавался во всех средних учебных заведениях, в т.ч. и в частных, молитвы перед уроками в гимназиях читались на русском языке, римско-католический Закон Божий преподавался на русском языке, не отмечались в учебных заведениях католические праздники, не употреблялись в стенах учебных заведений местные языки даже во внеурочное время [10, с. 49-50, 56].

Лишь в 1882 г. на Виленский учебный округ распространилось, с некоторыми изменениями, общее положение о городских училищах. Согласно ему, в числе учебных предметов должен был преподаваться римско-католический Закон Божий, но на русском языке.

Если говорить о начальном образовании, то Западный комитет еще в марте 1863 г. одобрил «Временные правила для школ 6 северо-западных губерний», в которых преподавание всех предметов должно было вестись на русском языке, за исключением католического вероучения. Этот предмет мог изучаться на «местном языке», но не на польском. В 1892 г. попечитель Виленского учебного округа докладывал, что в округе имеется достаточно лиц инославного исповедания, чтобы преподавать этот предмет на русском языке. Местные же языки (жмудский, литовский, латышский и немецкий), допускаются лишь по мере необходимости, в первый год обучения [18, с. 163].

Учителями в школах всех 9 западных губерний могли быть только русские православного исповедания. Удаление в связи с этим в начале 1864 г. 135 учителей поляков, вызвало большой спрос на русских учителей. В силу этого, М. Н. Муравьев обратился к 10 архиереям внутренних губерний с просьбой направить воспитанников подведомственных им духовных семинарий на учительские должности в Западный край. И они откликнулись на эту просьбу: течение года в Виленский округа прибыли 120 семинаристов. Но этого было мало, ибо школам требовались специалисты с профессиональной подготовкой. Чтобы готовить их у себя, 8 ноября 1864 г. в округе была открыта Молодеченская учительская семинария, которая принимала на учебу только русских православного вероисповедания. Однако и ей не суждено было решить «всей задачи воспитания народного» [8, с. 538]. Ее деятельность убедила власти, что с помощью одних русских и православных невозможно решить проблему образования многочисленных российских народностей. Осознав это, они вынуждены были открыть в мес-

тах с нерусским и неправославным населением доступ к получению профессии учителя начальной школы «иноверцев» и «инородцев». Но в западных губерниях вплоть до 1905 г. не допускали католиков к учительским должностям. Единственное отступление в этом плане было сделано в 1872 г. при учреждении Поневежской учительской семинарии: для облегчения работы русским учителям в литовских школах ее программу был введен литовский язык. В школу могли поступать и литовцы, но лишь приняв православие.

Итак, к середине 60-х гг. вся система народного образования в Западных губерниях была коренным образом перестроена. Русский язык, в качестве языка преподавания, стал господствующим на всех ступенях школьного обучения. Польский язык был полностью устранен из школы и как предмет изучения, и как язык преподавания католического Закона Божия даже для учащихся поляков. Другие местные языки, за исключением белорусского и украинского, были сохранены лишь в качестве вспомогательного средства при преподавании в начальной сельской школе католического вероучения.

Эта «муравьевская» система народного образования не претерпела каких-либо изменений вплоть до первой российской революции. Она лишь дополнялась мерами, усилившими ее антикатолический характер. Так, в 1887 г. в Ковенской гимназии, по распоряжению попечителя округа была введена общая для всех учеников христианского исповедания молитва по православному требнику, с чтением и толкованием повседневногo Евангелия под руководством православного священника. Это нововведение сильно обеспокоило католическое население. Вскоре оно было отменено Виленским генерал-губернатором. Взамен общей молитвы под руководством православного священника была введена отдельная по классам молитва, совместная для учеников всех христианских исповеданий. Однако и на этот раз, она должна была производиться с соблюдением православного чина (поклоны, обращение лицом к классной православной иконе). Аналогичный характер носила молитва и перед началом занятий, так называемая предклассная молитва [8, с. 538].

Это начинание «виленцев», а также введенное ими обязательное посещение учениками-католиками православных храмов в «Высокоторжественные дни» было одобрено Александром III в октябре 1889 г. Эта мера, по общему признанию, должна была способствовать более прочному «скреплению местного населения с остальной Россией». Правда, о обязательном посещении православных храмов освобождались литовцы католики, обучавшиеся в народных училищах Ковенской губернии, в силу «неразвитости среды, к которой принадлежат родители учеников, так и по отдаленности в некоторых случаях православных церквей от селений» [2, л. 101]. Однако этим мероприятиям властей «открыто противодействовали некоторые римско-католические священники», причем, в «присутствии воспитанников-католиков в православных храмах». Об этом писал в своем отчете Ковенский губернатор Куровский в 1888 г. [11, л. 149].

Непримирение католическим духовенством подобных методов «скрепления» с Россией приводило его

к естественным конфликтам с учебными властями, заканчивавшиеся для ксендзов административными взысканиями. Но «гонения» властей на них, указывал в 1896 г. Ковенский губернатор С. Суходольский, свидетельствовал, лишь еще больше «повышают их авторитета среди населения», придавая им «ореол страдальцев за веру». Поэтому губернатор призывал действовать не авторитетом православия, всегда отличавшееся от католичества духом терпимости ко всем исповеданиям, а чисто педагогическими средствами, избегая всего, что может болезненно задеть религиозное чувство простолюдина-католика и подорвать в нем доверие к школе, к учителю и к правительству. Прочтя отчет, Николай II резюмировал: «Совершенно верно. Я разделяю вполне этот взгляд» [19, с. 10-11].

Подобной резолюции, надо полагать, могло бы не появиться, если бы не постоянные волнения на религиозной почве в стране. Для их прекращения МВД ходатайствовало в июле 1897 г. перед царем об отмене обязательного посещения католиками православных храмов, а также о замене общей предклассной молитвы отдельной молитвой по исповеданиям [20, л. 69 об.]. И царь пошел на предложенные «послабления». Отныне, извещал министр народного просвещения И. Д. Делянов попечителей учебных округов, в комнатах, где будут молиться католики, может быть поставлена католическая икона. Но в сообщении митрополиту римско-католических церквей, он подчеркнул, что входящая в состав предклассной молитвы молитва за Государя императора должна читаться на русском языке [11, л. 149].

Однако «послабления», призванные погасить имевшиеся «распри» не только не утихли, а, наоборот, в силу нерасторопности учебных властей, обострили их. К примеру, в Ковенской губернии «Высочайшее повеление» ввели в действие в городских учебных заведениях лишь 22 сентября, а в уездных — 7 октября. Ксендзы же, осведомленные о нем из сообщений в прессе, не дожидаясь формального его объявления, демонстративно уводили учащихся католиков из помещений, где должна была совершаться молитва. Первым это сделал ксендз Рымейко в Шавельской гимназии Ковенской губернии 20 августа, он обратился к директору гимназии за разъяснениями относительно нового порядка проведения молитвы. Услышав в ответ, что у дирекции нет на этот счет никаких инструкций ксендз увел католиков с общей молитвы. Возникли недоумения также из-за несогласия ксендзов помещать католические иконы рядом с православными и даже на одной с ними стене. И как следствие этого, католики становились спиной к православной иконе, что вызывало новые конфликты [2, л. 102 об.]. Подлил «масла в огонь» и вопрос о языке, на котором должна была совершаться молитва. Учебное начальство настаивало на русском языке, т.к. Закон Божий и молитва за царя изучались на русском языке, ксендзы настаивали на польском. Лишь после согласования вопроса с митрополитом римско-католических церквей в России было решено, что предклассная молитва, в т.ч. и молитва за царя, будет совершаться на латинском языке. Лишь к декабрю 1897 г. был согласован вопрос о том, что тексты молитвы могут составлять-

ся епископами самостоятельно по установленному ими образцу [20, с. 5, 7]. Однако и после этого были нередкими случаи, вызывавшие «нежелательные осложнения» [11, л. 150-151].

Однако вышеназванные «послабления» властей в их многолетнем противостоянии с католическим духовенством, в частности, о предклассной молитве и посещении учениками-католиками православных храмов, завершившееся их отменой, было воспринято ксендзами, как победа католицизма над православием. В этой ситуации представители учебного ведомства, не проявив должной гибкости, попытались любой ценой сохранить старые порядки, чем в немалой степени содействовали подрыву авторитета русской школы, давая тем самым новые аргументы для антирусской пропаганды среди католического населения, что, естественно, негативно сказывалось на отношении католического населения, как к русской школе, ко всему русскому вообще.

Политика, проводимая властями в сфере народного образования в Польше и Западном крае, была распространена в дальнейшем все регионы России, правда, с некоторыми «уточнениями», в частности, для восточных губерний. Так, в 1884 г. Комитет министров, по представлению МВД, запретил замещать должности по сельскому и волостному управлению «фанатикам-мусульманам». Это было сделано, якобы, для ограждения православного населения, а также мусульман, желавших перейти в православие, от воздействия «фанатиков-мусульман» [2, л. 102 об.]. В 1889 г. «Особыми правилами» были ограничены все нехристиане, желавшие стать присяжными и частными поверенными. Этим шагом власти намеревались не допустить «преобладания нехристианских элементов в правительственных и общественных учреждениях, служащих интересам христианского населения» [21, с. 227]. По тем же мотивам были внесены в 1900 г. изменения в «Городовое положение» 1892 г., уменьшившие число гласных-мусульман в городских Думах. Отныне их число не должно было превышать 1/5, а в городах Кавказа — половины общего числа гласных [22, л. 102]. В Туркестане и Степном крае все нехристиане, за исключением туземцев, были лишены права приобретать землю и иную недвижимость [4, л. 6 об.], а в 1890—1891 гг. была отменена существовавшая до этого выборность Оренбургского и Таврического муфтиев [4, л. 15-16].

Свою лепту в «ограничения» мусульман внесло и министерство просвещения. В 1888 г. оно подняло вопрос об устранении лиц нехристианского исповедания от руководства начальными училищами. Согласно «Положению об училищных советах» 1874 г., их председателями являлись уездные или губернские предводители дворянства. Нередко им было лицо нерусского происхождения и не православного исповедания. Этот факт попал в 1887 г. в поле зрения проф. Н. И. Ильминского. Об этом он не замедлил сообщить Обер-прокурору Синода К. П. Победоносцеву. В Белебеевском уезде, Уфимской губернии, — писал он, где «господствует магометанское население» и где имеется много миссионерских крещено-татарских и чувашских школ, училищный совет возглавляет магометанин.

По мнению Н. И. Ильминского, в условиях, когда православные «инородцы» подвергаются сильному влиянию магометанства, а многие из «коих...ныне совсем отатарились», недопустимо, чтобы столь важным делом, как народное образование, руководил иноверец. На его взгляд, необходимо сделать в законе оговорку, не допускающую предводителя иноверца до должности председателя училищного совета [21, с. 228]. Это «справедливое замечание» профессора было учтено и предводители-нехристиане были отрешены от какого-либо участия в школьных делах [23, с. 218-219]. Правда, Государственный совет сохранил за предводителями дворянства из нехристиан «общее попечение о начальном народном образовании», но устранив их от «участия в училищных советах». Тогда же было узаконено, что в их состав, в качестве представителей от земств и городов, должны избираться только христиане. Если предводитель дворянства оказывался не христианином, то председателем становился старший из заседающих членов от гражданских ведомств. 19 декабря 1888 г. это положение было утверждено императором [ ]. В эти же годы было установлено, что свидетельство на звание домашних учителей может выдаваться только христианам. Согласно ему, мусульманин не имел права преподавать в казенных средних учебных заведениях. Что касается домашнего обучения, то в 1900 г., то он мог заниматься этим делом только в домах своих единоверцев. При этом он был лишен служебных прав и преимуществ, которыми обладали домашние учителя — христиане [4, л. 8 об.].

Не был обойден властями и вопрос об установлении образовательного ценза для кандидатов на мусульманские духовные должности. В 1887 г. министр просвещения И. Д. Делянов предложил ввести в курс мусульманских мектебов и медресе обязательное изучение русского языка, грозя иначе закрыть их. Однако преобразование программ мусульманских школ, МВД сочло преждевременным. Признавая, что принятие мер к обрусению татар является делом, не терпящим отлагательства, оно все же высказалось за соблюдение осторожности и постепенности всех правительственных мероприятий в этом направлении. Признав причину безуспешности распространения русского языка среди татар-мусульман в сопротивлении этому духовных лиц, он предложил сосредоточить все усилия на поднятии их образовательного уровня. Это обстоятельство и отразили «Правила» 16 июня 1888 г. установившие, что заседатели Оренбургского магометанского духовного собрания должны выдерживать испытания в объеме городского училища; кандидаты на высшие приходские должности (ахунов и хатыпов) в городах — по программе одноклассного начального училища; кандидаты в сельские муллы — представлять свидетельство уездного училищного совета о знании ими разговорной русской речи и умения читать по-русски. Эти правила должны были вступить в силу с 1 января 1891 [24, с. 922-923].

Их обнародование вызвало недовольство населения, усмотревшего в них (под влиянием духовенства) посягательство на неприкосновенность мусульманской религии. В МВД начали поступать

многочисленные прошения об их отмене. Однако оно пошло лишь на одну уступку: отсрочив, октябре 1890 г., введение «Правил» для членов Духовного собрания до 1 января 1896 г.

Но, наряду с «неприятностью», принесли «Правила» и положительные результаты. Так, Казанский губернатор докладывал в 1892 г., что они заставили не менее трети учащихся медресе в Казани «заниматься русской грамотой и языком». Эта тенденция была характерна и для последующих лет. Однако на пути приобщения мусульман к русской грамоте, языку и православию стоят, по заявлению губернатора, «фанатики-муллы», запрещающие детям посещать русские классы [25, л. 243-245]. Это противодействие отметил в 1904 г. и новый Казанский губернатор П. Хомутов. Оно, по его мнению, не прекратится до тех пор, пока сами муллы не будут обязаны иметь определенного образовательного ценза [26, с. 6]. Это лишнее раз говорило о том, что правила об образовательном цензе мусульманским духовенством, несмотря на заметное ужесточение правительственной политики в отношении мусульман, не исполняются.

Безрезультатными оказались усилия властей и по установлению ими контроля над конфессиональными школами. В 1886 г. МВД, опасаясь возможного усиления религиозного фанатизма в Крыму, протестов и волнений татар, как это было в Восточных губерниях, воспротивилось предложению Одесского генерал-губернатора об изъятии мектебов и медресе из ведения Таврического духовного правления и передаче их учебному ведомству [27, с. 3]. В 1891 г. МНП напомнило, что мусульманские школы в Крыму, по-прежнему, находятся вне всякого правительственного контроля. Но МВД посоветовало в январе 1892 г. «просвещенцам» не предпринимать «резких шагов», а ограничиться сбором статистических сведений о школах, их посещаемостью, без каких-либо руководящих указаний [28, с. 59-59 об.].

Ситуацию с надзором за конфессиональными школами не изменило и правительственное разъяснение, направленное 30 июня 1892 г., попечителям Казанского и Оренбургского учебных округов. Оно предлагало им руководствоваться статьей 6 «Правил 1870 г.», возлагавшей главный надзор за мусульманскими школами на инспекторов (директоров) народных училищ. В связи с этим, попечители должны были издать распоряжение, обязывавшее содержателей уже существующих школ, предоставить директорам сведения о них [29, с. 112]. Однако ни мусульманское духовенство, ни Оренбургское духовное собрание не выполнили правительственных указаний. Поэтому в 1902 г. последовал специальный циркуляр МВД, предписавший губернаторам, оказать содействие чинам учебного ведомства в сборе сведений о мусульманских школах [29, с. 21]. Однако и после этого циркуляра, мусульманские школы действовали по своему усмотрению, но в отличие от западных губерний и Царства Польского, их учредители и содержатели не несли за это никакой ответственности.

Этот откровенный подрыв правительственной политики понудил центр принять решительные меры к конфессиональным школам и мусульманс-

ким духовным лицам. В 1892 г., МНП издало циркуляр, запретивший использование в подведомственных министерству мусульманских школах рукописных книг религиозного содержания и книг, изданных за границей. К употреблению допускались лишь печатные издания, одобренные русской цензурой. Одновременно с этим, было запрещено и преподавание подданным других государств в мусульманских школах. Отныне это могли делать только русские подданные, получившие образование в России. Эти запреты были обоснованы тем, что в рукописных и заграничных книгах имеются сведения, «проникнутые враждой к России», а также проводятся мысли «враждебные русским государственным началам» [25, л. 246 об.].

Руководствуясь циркуляром, учебные власти, при содействии органов МВД, начали изъятие запрещенных книг. Эти акции вызвали волнения в среде мусульман. Население усмотрело в них действиях возможность принудительного крещения мусульман. В силу остроты ситуации, МВД, опасаясь, как это бывало и раньше, эмиграции мусульман рекомендовало в 1894 г. МНП отменить изданные им распоряжения. Последнее согласилось временно приостановить изъятие книг из мусульманских школ, вручив при этом им список из 62 иностранных книг, допущенных к использованию в школах [30, с. 21].

Активизация усилий МНП по установлению контроля над мусульманскими школами вытекала из общей направленности правительственной политики в отношении иноверных конфессиональных учебных заведений. В 80—90-х гг. он мало чем отличался от мероприятий, осуществлявшихся, к примеру, в Царстве Польском, по отношению к имевшимся там духовным учебным заведениям. Однако эти меры, направленные на установление контроля государства за конфессиональными учебными заведениями, не всегда можно признать ограничениями по религиозному признаку, но часто они являлись следствием установленных ранее ограничений. Вследствие этого, в глазах и иноверного, и инославного духовенства, да и населения данные меры воспринимались как продолжение ограничительной политики, а потому и вызывали резкое неприятие и сопротивление.

Лишь незадолго до начала первой российской революции властями были предприняты решительные шаги по отказу от политики ограничений по национальному и религиозному признакам. Это произошло после принятия 12 декабря 1904 г. «Предначерта к усовершенствованию государственного порядка», всецело связанных с именем главы МВД П. Д. Святополком-Мирским, служившего до этого Виленским генерал-губернатором, т.е. был человеком, хорошо знавшим интересующую нас проблему. Поэтому его отчет о состоянии Западного края в 1902—1903 гг., критические замечания в адрес российской национальной и вероисповедной политики, были позитивно восприняты Николаем II. Ознакомившись с ним, он поручил Комитету министров «подробно обсудить и неотлагательно представить царю свои окончательные заключения по поднятым здесь общим вопросам» [31, л. 4-4 об., 14-14 об.]. И, надо сказать, многие предложения, высказанные Мирским в отчете, нашли свое отражение в указе 12 декабря. Его пункт 6 всецело вообрал в себя вероисповедный и национальный вопросы. «Для закрепления выраженного Нами неуклонного... желания охранять освященную Основными Законами Империи терпимость в делах веры, — гласит он, — подвергнуть пересмотру узаконения о правах раскольников, а равно лиц, принадлежащих к инославным и иноверным исповеданиям, и независимо от сего принять ныне же в административном порядке соответствующие меры к устранению в религиозном быте их всякого, прямо в законе не установленного стеснения». Исходя из сказанного, следующий, 7 пункт указа предписывал «произвести пересмотр действующих постановлений, ограничивающих право инородцев и уроженцев отдельных местностей Империи, с тем, чтобы из числа сих постановлений впредь сохранены были лишь те, которые вызываются насущными интересами Государства и явною пользою Русского Народа» [21, л. 3]. В течение 1905 г., по мере разработки основных положений указа 12 декабря были пересмотрены и отменены многие из ограничений по национальному и религиозному признакам, в т.ч. и в сфере школьного образования.

Библиографический список

1. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1276. Оп. 1. Д. 105.
2. РГИА. Ф. 1284. Оп. 190. Д. 90а.
3. Коллекция печатных записок НСБ РГИА. № 2931. Справки к делу об исполнении Комитетом министров Указа 12 декабря 1904 г. (по пунктам III, VI, VII, VIII). Третья дополнительная справка по пункту VI Указа.
4. РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 215.
5. Дымша Л. Доклад по польскому вопросу, читанный в Санкт-Петербургском клубе общественных деятелей 24 ноября 1905 г. СПб., 1906.
6. Государственная дума. Созыв третий. Сессия четвертая. Стенографические отчеты. Часть 1. — СПб., 1908.
7. Справка ко внесенной, по Высочайшему повелению, всеподданнейшей записке Варшавского генерал-губернатора за 1897 г. Составлена Канцелярией Комитета министров // Библиотека РГИА. Отчеты Варшавского губернатора.
8. Свод Высочайших отметок по всеподданнейшим отчетам за 1896 г. генерал-губернаторов, губернаторов, военных губернаторов и градоначальников. — СПб., 1898.
9. Корнилов И. Русское дело в Северо-Западном крае. Материалы для истории Виленского учебного округа преимущественно в муравьевскую эпоху. СПб., 1901.
10. Миловидов А. Деятельность графа М. Н. Муравьева по народному просвещению в Северо-Западном крае (1863-1865 гг.) по архивным материалам // Журнал Министерства народного просвещения. 1905 г. Июль.
11. РГИА. Ф. 1276. Оп. 1. Д. 106.
12. РГИА. Ф. 821. Оп. 150. Д. 139.
13. РГИА. Ф. 821. Оп. 150. Д. 5.
14. Судьбы России. Доклады и записки государственных деятелей императорам о проблемах экономического развития страны (вторая половина XIX в.). — СПб., 1999.

15. РГИА. Ф. 1284. Оп. 190. Д. 846.
16. Записка о некоторых вопросах по устройству Северо-Западного края. 14 мая 1864 г. // Четыре политические записки графа М.Н. Муравьева Виленского. Русский Архив. 1885. №6.
17. РГИА. Ф. 733. Оп. 177. Д. 267.
18. Чарнолуцкий В.И. «Свод законов, циркуляров и справочных сведений по народному образованию в переходный период». М., 1908.
19. Библиотека РГИА. Отчеты о состоянии Ковенской губернии. 1888 г.
20. РГИА. Ф. 1282. Оп. 3. Д. 240.
21. Общий обзор деятельности Министерства внутренних дел во время царствования Императора Александра III. — СПб., 1901.
22. РГИА. Ф. 1276. Оп. 2. Д. 12.
23. Письма Н. И. Ильминского к обер-прокурору Святейшего синода К. П. Победоносцеву. — Казань, 1895.
24. Лаурсон А. М. Справочная книга для учебных заведений и учреждений ведомства Министерства народного просвещения. Второе издание. — Пг., 1916.
25. РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 800.
26. Библиотека РГИА. Отчеты о состоянии Казанской губернии. 1899 г.
27. Библиотека РГИА. Отчеты о состоянии Казанской губернии. 1904 г.
28. Отчеты о состоянии Одесского генерал-губернаторства и Одесского градоначальства. 1886 г.
29. Дякин В. С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX в.) // Вопросы истории. 1995.
30. Фальборк Г., Чарнолуцкий В. Иностранные и иноверческие училища. Систематизированный свод законов, распоряжений, правил, инструкций и справочных сведений об училищах: колониальных, протестантских, католических, армянских, для раскольников и сектантов, иностранных, магометанских, караимских и еврейских. — СПб., 1903.
31. РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 823.

Горно-Алтайский государственный университет
Получено 27.07.09.

V. G. Babin

THE RUSSIAN SCHOOL LEGISLATION OF SECOND HALF XIX — BEGINNING XX CENTURY: THE LIMINATION BY NATIONAL AND RELIGIONAL THE SIGNS

In article, the paper written on the basis of analyse publications and archive materials the Russian school legislation of second half XIX — beginning XX centuries.

Russian empire, Poland rising, national frontier areas, chauvinism, people education, school legislation

УДК 902

М. В. Белозёрова

ПРОБЛЕМА БИЛИНГВИЗМА У КОРЕННЫХ НАРОДОВ ЮЖНОЙ СИБИРИ

В статье, на основе анализа опубликованных материалов, рассмотрен процесс развития билингвизма у коренных народов Южной Сибири.

Российское государство, полиэтничный мир, Южная Сибирь, Хакассия, Горная Шория, Горный Алтай, коренные народы, национальные языки

В полиэтничном и поликультурном обществе одним из важнейших вопросов является взаимоотношение национальных языков. Россия не является исключением, для многонациональной среды которой, остра проблема разумного «языкового» соотношения: русского языка, как государственного, как средства межнационального и межкультурного общения, и национального языка, который является средством сохранения традиционной культуры, истории, этнического самосознания и идентификации. Тем более, что в межкультурном общении, несмотря на то, что его участники владеют языком титульного народа (в данном случае русским), всегда присутствуют конфликты между знанием и незнанием национального языка, между «чужими и своими». В значительной степени решение данной проблемы зависит от проводимой государством политики, и, главным образом, в сфере образования.

Форсированные темпы интеграции национальных меньшинств в советский период в структуру модернизируемого общества, так называемое «выравнивание культурного уровня» всех слоев

населения имели как положительные, так и негативные последствия. Положительные результаты были в достаточной степени полно рассмотрены в историографии. Именно в этот период были сделаны существенные успехи в создании системы образования, формировании слоя советской интеллигенции, повышении образовательного уровня населения страны, в том числе и, так называемых, «бывших национальных окраин», в частности и сибирского региона.

В 1920-е гг. проблемы доступности и всеобщности образования решались путем создания сети национальных школ, национальных алфавитов, подготовки кадров из среды коренных народов. Однако уже в 1930—1950-е гг. государство отошло от данной линии. В этот период определилась тенденция на «интернационализацию» образования. Ряд законодательных актов, принятых в этот период оказал негативное влияние на развитие национальных школ и изучение национальных языков. Так, не отменяя принципа «школа на родном языке», они предоставили право родителям учеников выбора языка обучения. Результатом стал массовый

перевод большей части национальных школ на русский язык обучения [1, с. 391] в национальных районах Сибири, например, в Хакасии, Горной Шории и Горном Алтае. Введение принципа «интернационализации» образования было связано с несколькими причинами: не только с отсутствием необходимых образовательных ресурсов (подготовленных кадров, учебников и литературы на национальных языках и т.д.), что является немаловажным и в настоящее время. Например, в Таштагольском районе Кемеровской области даже в конце 1980-х — начале 1990-х гг. из 28 учителей-шорцев общеобразовательных школ только 6 человек владели своим национальным языком и могли вести кружки и факультативы по изучению родного языка [2, л. 16]. Ситуация с тех пор не улучшилась. Но также это связано с ростом межнациональных браков, что ведет к усилению ассимиляционных процессов, а также со сложившимся мнением коренных народов о достаточности для своих детей знания только разговорного родного языка. Последнее формировалась под воздействием факторов, во многом связанных между собой:

- так, знание русского языка было более значимым для автохтонных этносов, в частности для получения дальнейшего образования; а также
- с формированием в 1960-е гг. у представителей коренных этносов отрицательного отношения к изучению родных языков в школе. Так, по мнению горно-алтайской исследовательницы Е. П. Кандараковой, современное поколение школьников в Горном Алтае воспитывается родителями, получавшими образование в 1960-е — 1970-е гг. Они не желают, чтобы их дети в школах обучались родному языку, т.к. не владеют или плохо владеют им сами; считают, что он не пригодится им в будущем; в школах все активнее пропагандируется изучение иностранных языков [10].

Результаты «интернационализации» и приоритетного изучения русского языка проявились уже в 1950—1970-е гг. и особенно в конце 1980-х — 1990-е гг., когда в среде коренных народов Сибири обозначилась тенденция частичной утраты родного языка. Он в лучшем случае превращался в средство бытового общения, в худшем — национальная молодежь его утрачивала практически полностью. Углубление этой тенденции наблюдается вплоть до настоящего времени и не только в среде коренных народов, проживающих в регионах, в которых они составляют незначительную часть населения и не имеют автономных образований, например, в Кемеровской области, где эта тенденция проявилась более ярко. Так, у шорцев и телеутов к середине 1980-х гг. родной язык сохранился лишь на уровне бытового общения. При этом дети дошкольного и школьного возраста им почти не владеют [3]. Но она была отмечена и в автономных образованиях — например, в Республиках Хакасия и Горный Алтай. В Хакасии в советский период хакасский язык изучали только до 50% школьников-хакасов. Вплоть до настоящего времени в школах хакасский язык изучают не как родной язык, а как второй.

При этом количество детей, изучающих его, уменьшается. В результате к началу 2000-х гг. в хакасских семьях хакасский язык стал «вторым языком» в отличие от русского, которым дети владеют с раннего детства [4, с. 615].

Сложившаяся ситуация вызывает беспокойство у национальной общественности и части коренного населения. Именно это стало одним из факторов дестабилизации общественно-политической ситуации в национальных районах Южной Сибири в конце 1980-х — начале 1990-х гг., формирования и усиления сепаратистских тенденций. Частичная утрата родного языка вплоть до настоящего времени представителями коренных народов Южной Сибири рассматривается как фактор, влияющий на процесс исчезновения национального самосознания и идентификации.

Одним из средств регуляции в целом межнациональной обстановки на региональном уровне могут выступать различные проекты и программы, разрабатываемые представителями коренных народов и поддерживаемые органами власти и органами образования. В них значительное место отводится изучению родного языка в сочетании с воспитанием межэтнической толерантности, начиная с детского возраста. В течение 1990-х — начале 2000-х гг. они разрабатывались и в ряде регионов Южной Сибири. К таким проектам, например, относится организация культуротворческих школ и дистанционного обучения для школьников — представителей автохтонных этносов, проведение «уроков этнической толерантности», Кратко остановимся на их характеристике.

Организация культуротворческих школ предполагает интеграцию родного языка, традиционной культуры, религиозных знаний в систему школьного образования. Общеобразовательная школа должна формировать у ученика целостную систему знаний, умений и навыков. Этнический компонент, по замыслу кураторов эксперимента, предполагает развитие творчества, системы ценностей личности, самообучения и самовоспитания, формирование национального самосознания [5, с. 7, 9, 11; 6, с. 14]. В настоящее время программа реализуется на базе 5 средних общеобразовательных школ в Республике Алтай (Онгудайский район, ООТП «Каракольский этно-природный парк «Уч-Энмек»).

Программа проведения «уроков этнической толерантности» в рамках гражданско-правового образования поддержана Европейской Комиссией ЮНЕСКО и реализуется на базе гимназии №3 г. Новосибирска, а также апробирована в ряде регионов Сибири, в том числе в Республиках Алтай и Хакасия, в Кемеровской области (Горной Шории). Ее цель — содействие формированию и развитию умений и навыков межкультурного диалога и толерантного межкультурного, в том числе языкового и межнационального, взаимодействия у детей и молодежи в полиэтничном обществе. Один из основных элементов этой программы — изучение особенностей традиционной культуры (языка, религиозных верований, фольклора, истории и т.п.) и обычного права различных этносов Сибири [7, с. 2, 7].

Технология организации дистанционного обучения («Антенны») для школьников — представи-

телей автохтонных этносов была разработана и апробирована на базе Новосибирского госуниверситета в начале 2000-х гг. Структура дистанционного обучения: ВУЗ, как организатор образовательного процесса (аналог приемопередающего центра) — *обучаемые* (аудитория, на которую и для которой осуществляется вещание) — *образовательная среда* (аналог радиоэфира, в котором распространяются радиоволны). При такой организации обучаются не менее 300 студентов. К 2005 г. действовало 9 таких «Антенн», в том числе в Республике Алтай и Кемеровской области (пос. Шерегеш Таштагольского района), планировалось охватить все территориально-национальные образования, в том числе и Республику Хакасия. Основными направлениями работы с молодежью были: оказание помощи старшеклассникам — представителям коренных народов в получении образования в области точных и естественных наук, поддержка программ, ориентированных на сохранение национальных языков, культуры, этнической памяти коренных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока, подготовка и осуществление льготного набора в группу по изучению языков народов Сибири на гуманитарном факультете НГУ [8, с. 275, 278, 283, 288].

Тем не менее, в заключение, следует отметить, что несмотря на все предпринимаемые меры, ситуация с изучением родного языка в национальных районах Южной Сибири остается сложной. Вплоть

до настоящего времени в ряде регионов, например, в Хакасии, Горной Шории не было разработано и введено в учебный процесс каких-либо программ, которые могли бы способствовать обучению родному языку [1, с. 395; 9, с. 108]. В лучшем случае его изучение ведется на факультативной основе. У представителей коренных народов сохраняется и суждение о том, что русский язык более значим для детей в их будущей жизни. Данное положение консервируется и на уровне государственной политики, даже при создании нормативно-правовой базы на региональном уровне, как, например, в Хакасии, где хакасский язык получил статус государственного. Однако вплоть до настоящего времени ни органы местной власти, ни сами дети и их родители этого субъекта РФ не выражают особого желания изучать «второстепенные» предметы, к которым относится и хакасский язык [1, с. 394]. Продолжает оставаться сложным и положение в Горном Алтае, хотя там и организовано обучение родным языкам. Однако эти программы не затрагивают ряд малочисленных народов, например, тубаларов, кумандинцев, так как в настоящее время они не проживают компактно и не имеют населенных пунктов, в которых можно было бы организовать школы [10, с. 414].

А значит, конфликт между «своим» языком и русским в межкультурном общении продолжает сохраняться, как продолжают существовать и факторы для обострения межэтнической напряженности.

Библиографический список

1. Боргояков, С. А. Развитие национальной школы Республики Хакасия в условиях модернизации образования / С. А. Боргояков // Образование и устойчивое развитие коренных народов Сибири. Материалы Международной научно-практической конференции (г. Новосибирск, 26-28 апреля 2005 г.). — Новосибирск: Нонпарель, 2005.
2. ГАКО. Ф. П-75. — Оп. 63. — Д. 114.
3. Доклад Ассоциации телеутского народа «Эне-Байат» «Телеуты на грани веков: быть или не быть...» / Личный архив М. В. Белозёровой.
4. Боргоякова, Т. Н. Языковой материал и его представление в учебно-методических комплексах / Т. Н. Боргоякова // Образование и устойчивое развитие коренных народов Сибири...
5. Жерносенко, И. А. Опыт реализации культурологической парадигмы образования в условиях реформирования школы / И. А. Жерносенко // Культуротворческие школы Каракольской долины: поиск, эксперимент, опыт. — Барнаул : Мастер-Принт, 2006.
6. Мамыев, Д. И. Роль национальной духовной культуры в формировании ценностных критериев личности школьника / Д. И. Мамыев // Культуротворческие школы Каракольской долины: поиск, эксперимент, опыт. — Барнаул : Мастер-Принт, 2006.
7. Новак, О. Ю. Методические рекомендации по проведению уроков этнической толерантности / О. Ю. Новак. — Новосибирск, 2005.
8. Образование для коренных народов Сибири: социокультурная роль Новосибирского государственного университета / Н. С. Диканский, Ю. В. Попков, В. В. Радченко, И. В. Свиридов и др. — Новосибирск : Нонпарель, 2005.
9. Тенешева, О. Н. Шорская народная культура в системе дополнительного образования / О. Н. Тенешева // Кай — культурное наследие шорского народа. Материалы Первого симпозиума по изучению форм шорского народного эпоса. — Кемерово : ОАО «Кузбасс», 2006.
10. Кандаракова, Е. П. О сохранении языков и культуры малочисленных народов северного Алтая / Е. П. Кандаракова // Образование и устойчивое развитие коренных народов Сибири. Материалы Международной научно-практической конференции (г. Новосибирск, 26-28 апреля 2005 г.). — Новосибирск : Нонпарель, 2005.

Кемеровский государственный университет
Получено 25.06.09.

M. V. Belozerova

THE PROBLEM OF POLYGLOT AT NATIVE PEOPLES OF SOUTH SIBERIA

In article, the paper written on the basis, of analyzed publications the process of formation polyglot at native peoples of South Siberia.

Russia state, South Siberia. khakassia, Gorny shoria, gorny altai, native peoples, native languages

УДК 902

Е. В. Газдюк

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ КИТАЙСКОЙ МИГРАЦИИ В КРАСНОЯРСКОМ КРАЕ

В статье, на основе опубликованных материалов, анализируется проблема китайской миграции в Красноярском крае на современном этапе.

Россия, Красноярский край, китайская миграция, официальная и нелегальная, китайские рабочие, туристы и студенты

Проблемы китайской миграции в Россию, тенденции ее развития, а также ее последствия для отдельных ее регионов дискутируются уже не одно десятилетие. И, тем не менее, в российском обществе по сей день не перестают говорить о возможных последствиях для страны, связанных с усиливающейся в нашу страну китайской миграцией. Говоря об этом, следует подчеркнуть, что главная причина, которая вызывает тревогу общественности, состоит не столько в самой миграции китайцев в нашу страну, сколько в отсутствии достаточно ясной информации по этому вопросу. Так, доступная для широкого читателя официальная статистика, публикуемая в соответствующих ежегодниках, не показывает, к сожалению, всего многообразия миграционных движений граждан КНР в Россию, не раскрывает истинных масштабов, виды и направления миграции китайских граждан. Это происходит потому, что у нас отсутствует единая система показателей, оценивающих, к примеру, масштабы нелегальной миграции граждан КНР, нет полных и достоверных данных о численности привлекаемых трудовыми мигрантами из Китая. При этом следует отметить немаловажную деталь: официальные данные о миграции, публикуемые в статистических ежегодниках, отражают только регистрацию китайских граждан, прибывших в Россию на постоянное жительство. Легальные же, «трудовые» мигранты, имеющие временную регистрацию, учитываются, как правило, отдельно, а вот «нелегалы», к глубокому нашему сожалению, официально нигде не учитываются.

Вот это-то отсутствие достоверной информации о китайской миграции и порождает массу самых противоречивых слухов и домыслов. Вот лишь некоторые из них, могущие как-то характеризовать ситуацию, складывающуюся вокруг китайской миграции. «Если большинство нелегальных иммигрантов, — указывает один из источников, — рассматривают Россию в качестве транзитной территории и стремятся оказаться на Западе, то китайцы, напротив, они оседают у нас. Вывески на китайском уже можно видеть сегодня на рынках Иркутска и Красноярска, не говоря уже о более близких к границе городах» [1, с. 9]. «Многие красноярцы, от простых сельчан до госчиновников, — вторит другой, — уверены, что лет через десять смешанные браки и массовая миграция приведут к прогрессирующей «китаизации» крупнейшего сибирского региона» [2]. В этом же духе подают информацию о китайской миграции и электронные, и печатные СМИ Красноярского края.

Основываясь на аналитических материалах и документационной отчетности УФМС России по Красноярскому краю, официальных статистических

публикациях Федеральной службы государственной статистики (Красноярскстат), личных беседах с представителями государственных и законодательных структур, наиболее полно информированных о миграционной ситуации и положении с трудовыми ресурсами в крае, с китайскими мигрантами и других материалах, нами предпринята попытка составить реальную картину китайской миграции в Красноярском крае.

Появление и формирование китайского «присутствия» в Красноярском крае основывается на основе давних экономических связей, имевших место между Россией и Китаем. Впервые представители Поднебесной империи прибыли в Приенисейский край и получили здесь (в частности, в Красноярске — *Е. Г.*) право на торговлю в 1869 г. [3, с. 94]. Однако уже к середине XX в. в регионе сложилась устойчивая китайская диаспора, насчитывавшая в 1959 г. — 1841 чел. [4, с. 153]. В Красноярске даже появился район компактного поселения китайцев (поселок Бугач — *Е. Г.*). Однако обострение советско-китайских отношений в 60-х гг. XX в. значительно сократило численность китайской диаспоры, причем в значительной степени за счет ассимиляции. Если, к примеру, старики еще продолжали сохранять свои национальные традиции и поддерживали земляческие отношения между собой, то молодежь активно растворялась в русской среде. К концу 80-х гг. прошлого столетия в крае сохранились лишь незначительные остатки былой диаспоры: по переписи 1989 г. в нашем регионе проживало 453 китайца [5].

С начала 90-х гг. в Красноярский край начали опять массово приезжать китайцы на заработки. Их приток в те годы оказался настолько мощным, что власти оказались не в состоянии справиться не только с регулированием, но и с подсчетом миграционного потока, что отразило, в принципе, и общероссийскую ситуацию. Об этом открыто говорили нам хорошо информированные должностные (в то время — *Е. Г.*) лица, в частности, бывший прокурор г. Красноярска Н. Н. Жукова. «Работники Красноярской транспортной прокуратуры и милиции, — говорила она, — прямо заявляли, что они не в состоянии удержать этот вал, проверить наличие необходимых документов у прибывших из Китая. Да и проверять — то их было незачем, ибо и так было ясно, что все они едут без приглашений и вызовов. Проблема учета и контроля за пребыванием китайцев в Красноярске обострялась прямо на глазах» [6]. Проведя массовые проверки мест проживания и экономической деятельности китайцев, сотрудники органов внутренних дел Красноярского

края неизменно выявляли и выявляют сотни нарушений, в частности, факты нелегального проживания китайцев в нашем регионе в течение длительного времени (т.е. их проживание по просроченным визам).

При этом, что тоже достойно сожаления, информация о китайском присутствии в нашем регионе, имеющаяся в соответствующих органах, в оценке численности китайцев на территории края весьма разрознена и зачастую имеет значительные расхождения. Так, согласно Всероссийской переписи населения 2002 г., в Красноярском крае китайцы не выделены по численности среди других национальностей. Они занимали скромное для себя 34 место (в крае было зарегистрировано всего 665 китайцев — Е. Г.) [7, с. 12]. Однако, по мнению лидера китайской общины — Марии Чжао Хун — на тот же период в Красноярске находилось 6-7 тыс. чел. сезонных мигрантов из КНР, а в других городах края — до 500 чел. в каждом [8, с. 53]. Иначе говоря, можно с полным правом утверждать, что вышеуказанная перепись не отражает, к сожалению, всей полноты и сложности миграционной ситуации, особенно там, где это касается миграции временной и нелегальной. Сезонная же миграция переписью вообще упущена.

Согласно же материалам УФМС России по Красноярскому краю, масштабы китайского присутствия в нашем крае ежегодно нарастают. Опираясь на них, можно составить следующую картину «временного» посещения гражданами КНР нашего края: в 1997 г. наш регион посетили 1576 граждан КНР, в 1998 г. — 721, в 1999 г. — 1223, в 2000 г. — 1546, в 2001 г. — 2150, в 2002 г. — 2523, в 2003 г. — 2080, в 2005 г. — 4800, в 2006 г. — 6668, в 2007 г. — 11571 и в 2008 г. — 15551 человек. Анализ миграционных процессов граждан КНР последних лет показывает, что количество осевших китайцев на территории Красноярского края, изменялось в прямой зависимости от экономической ситуации в нашей стране. Так, во второй половине 90-х гг., в период отсутствия экономического роста, число въезжающих граждан КНР в Красноярский край было стабильно низким, примерно 1200-1500 человек в год. Августовский кризис 1998 г., вызвавший разорение многих мелких предпринимателей и торговцев, а также падение платежеспособности большинства россиян сократил число въезжающих до 700 человек в год. Резкий скачок в этом плане, в связи с оживлением российской экономики, произошел в 2001 г. Тогда в регион прибыло почти 2150 человек. С этого времени и вплоть до 2008 г. наблюдался стабильный рост числа мигрантов из КНР, причем с преобладанием лиц, прибывших с соблюдением «визового порядка». По оценке уже упоминавшейся выше Марии Чжао Хун, ныне в Красноярском крае проживает около 20 тыс. китайцев, включая сезонных рабочих, из которых до 20% ее соотечественников проживают нелегально [9]. Предположения лидера китайской общины не расходятся, в принципе, и с показателями, имеющимся в распоряжении государственных органов края и прежде всего, прежде всего УФМС. При этом, Мария Чжао Хун уверенно прогнозируют дальнейший рост китайских

мигрантов, утверждая, что, по ее наблюдениям, в последнее время число ее соотечественников в крае будет непременно увеличиваться.

Характеризуя поток мигрантов из Китая в Красноярский край, следует отметить «неоднородность» последних. В их составе можно выделить несколько групп. Но в числе последних преобладают, как правило, трудовые мигранты, студенты и лица, прибывающие в качестве туристов.

Выше мы уже упоминали, что наиболее значительное число мигрантов в нашем крае — это трудовые мигранты. Например, в 2007 г. из 11571 китайцев, прибывших к нам, 8950 человек (или 77,3% от общего числа) прибыли в край «для осуществления трудовой деятельности». В 2008 г. этот показатель возрос уже до 83,6% (т.е. из 15551 прибывших, рабочие составляли — 13000 чел.). Только за последние четыре года количество граждан КНР, въехавших на территорию края «с целью осуществления трудовой деятельности», увеличилось более чем в 2 раза.

Согласно данным, полученным в отделе по вопросам трудовой миграции УФМС по Красноярскому краю, на 1 января 2009 г. разрешения на привлечение и использование иностранной рабочей силы, в частности, из КНР имели 113 юридических и 10 физических лиц. В общей сложности у них имелось 267 таких разрешений. По мнению экспертов, основная причина привлечения и использования рабочей силы из КНР заключается в ее экономической выгоды. Использовать китайцев как рабочую силу, по заявлению нанимателей, выгодно, так как работники из КНР отличаются высокой производительностью труда, а расходы на их заработную плату гораздо ниже, чем на оплату труда местных рабочих.

Вторая значительная группа китайцев, прибывающая в край, представлена туристами и деловыми людьми. Согласно данным, предоставленными отделом оформления виз, разрешений, приглашений и регистрации иностранных граждан УФМС России по Красноярскому краю, в 2007 г. с «туристическими и деловыми целями» наш край посетил 2251 гражданин КНР, в 2008 г. — 2261 чел. Однако, по мнению главного инспектора данного отдела Н.В. Осиповой, большинство находящихся на территории края в качестве туристов китайских граждан осуществляли трудовую деятельность.

Третью группу, пожалуй, самую малочисленную из общего числа китайских граждан, находящихся в нашем крае, составляют студенты. Высокая стоимость образования в Китае и невысокие образовательные требования приучили китайцев к мысли о желательности обучения молодежи за пределами страны. Поток китайских студентов, отправляющихся на учебу в другие страны, увеличивается с каждым годом. Однако Россия в качестве «образовательного центра» привлекает очень ограниченное число китайцев. Например в 2003 г. на учебу в Россию выезжал только один китаец из 12 отправившихся учиться за рубеж [10, с. 23]. Се Хуань, студентка КГПУ им. Астафьева, прокомментировала эту ситуацию следующим образом: «В Россию учиться едут только те китайцы, у которых нет средств обучаться в Европе. Плата за обу-

чение в российских вузах значительно дешевле, чем в западных странах, но есть огромный минус — дипломированный специалист из России (т.е. получивший образование в России — *Е. Г.*) менее востребован в Китае, чем, например, из США». По данным Департамента международного сотрудничества Сибирского Федерального Университета и Международного отдела КГПУ им. В.П. Астафьева, в настоящее время, в Красноярском крае обучаются около 300 студентов из КНР. По оценкам преподавателей, в отличие от конца 90-х гг., когда немало китайцев, получивших студенческую визу, на самом деле занимались «челночной торговлей», ныне это — настоящие студенты, возможно, и подрабатывающие, помогая торговцам, но нацеленные именно на получение высшего образования или ученой степени, а не на занятие бизнесом. По учебной визе из Китая приезжают не только студенты китайских вузов (на основании программы студенческого обмена, например Института «Восток» г. Харбина с СФУ и КГПУ им. В. П. Астафьева — *Е. Г.*), но и лица, имеющие среднее или среднее специальное образование с целью изучения русского языка. Так, например, при педагогическом университете два года назад были открыты курсы «Русский язык как иностранный» для китайских граждан. Многие китайские студенты после получения образования не скрывают желания остаться в г. Красноярске. Так, студенты КГПУ им. В. П. Астафьева Ван Кайдун и Чэнь Сяоли основной причиной остаться в нашем городе называют трудность устроиться на работу в тех городах Китая, откуда они приехали (Харбин и Чанчунь).

Анализ полученных автором данных свидетельствует о том, что подавляющее большинство китайских работников — временные мигранты, прибывшие в Красноярский край для занятия предпринимательской деятельностью, торговым бизнесом, а также рабочие и служащие, прибывшие с целью обычного трудоустройства по контрактам. Председатель китайской общины Мария Чжао Хун так прокомментировала данную ситуацию: «Приезжие китайцы редко остаются жить в нашей стране. Они здесь работают — зарплата на их родине в десятки раз меньше той, которую они зарабатывают здесь. В Китае жить дешевле, можно год работать здесь, а там спокойно жить 2-3 года, и у них там квартиры, здесь же все это дорого — и квартира, и машина» [11]. Но, несмотря на это, значительная часть китайских граждан более или менее постоянно проживает и работает в крае. По данным опроса, более 50% китайцев проживают в крае от 1 года до 3 лет, и почти одна треть — от 3 до 5 лет. Таким образом, имея краткосрочную визу, ее обладатели проживают в России значительно дольше, находясь, таким образом, в чужой стране на нелегальном положении.

Если говорить о китайской миграции в Красноярском крае, то она практически вся относится к «сезонной» или «маятниковой». Первая является собой ничто иное, как временный приезд китайцев для выполнения определенных хозяйственных работ: сельскохозяйственных, строительных, лесозаготовительных и др. Для второго вида миграции, т.е. маятниковой, характерны регулярные поездки из КНР в Россию и обратно. Экономическая специализация «маятниковых» китайских мигрантов — это челночная мелкооптовая и розничная торговля, неформальный бизнес.

Однако характеризуя «стационарную» миграцию китайцев в наш край, следует отметить, что она, в принципе, не стала заметным явлением в жизни нашего региона. Категория китайских граждан, получивших вид на жительство или российское гражданство, является самой малочисленной на территории нашего края. В Красноярском крае в 1993—1997 гг. проживало около 86 китайцев, имевших вид на жительство [12, с. 276]. К 2003 г. их численность сократилась до 68 чел. По данным УФМС края, за последние пять лет вид на жительство оформил 181 китайский гражданин. Что касается принятия проживающими в крае китайцами российского гражданства, то такие случаи единичны. Например, с 1994 по 2004 гг. лишь 4 китайца получили гражданство, в 2008 г. — 2. Как отмечает известный китаевед А. Г. Ларин, количество китайцев по всей России получивших российское гражданство, не превышает несколько сотен человек [13, с. 56]. По мнению ряда исследователей к настоящему времени единственная развитая и структурированная китайская община сформировалась лишь в Москве [14]. Для Красноярского края процесс формирования постоянного китайского населения, в отличие от Москвы, носит ограниченные масштабы и отличается замедленными темпами. В среднесрочной и особенно долгосрочной перспективе ситуация, вероятно, изменится. Число китайцев, постоянно проживающих в крае, будет расти по мере роста потребности в рабочей силе, а также по мере роста развития отмеченных социально-экономических процессов в самом Китае.

Таким образом, несмотря на то, что Красноярский край не имеет общих границ с Китаем, его давние исторические связи, экономические возможности, положение на коммуникациях делают край весьма важным объектом транзита, временного пребывания и оседания китайцев на его территории. В связи с этим, можно прогнозировать сохранение, а возможно, и увеличение миграционных потоков из КНР, которые могут принять гораздо большие размеры, если со стороны органов государственной власти всех уровней не будет налажен и осуществляться на деле должный контроль за китайской миграцией.

Библиографический список

1. Горбачев Д. Письмо читателя // Эксперт — Сибирь. 2003. — №10. — С. 9.
2. Кравченко И. Китайское Красноярье // Аргументы и время. 2006. 25 мая.
3. Дацышен В. Г. Проблемы китайской миграции в Приенисейском крае в XX веке / В. Г. Дацышен // Сохранение и взаимопроникновение национальных культур как фактор устойчивого развития Приенисейского края: материалы научно-практической конференции. — Красноярск, 2004. — С. 94.
4. Этноатлас Красноярского края. — Красноярск, 2006. — С. 153.
5. Национальный состав населения Красноярского края (экспресс-информация, № 8-33). — Красноярск, 2004.
6. Жукова Н. Н. Китайцы приехали / Н. Н. Жукова // Красноярский рабочий. — 1994. — 1 марта.

7. Национальный состав населения Красноярского края (экспресс — информация №8-33). — Красноярск, 2004. — С. — 12.
8. Дацышен В. Г. Гастарбайтеры на востоке России: масштабы явления, перспективы и проблемы / В. Г. Дацышен // «Мост через Амур»: Внешние миграции и мигранты в Сибири и на Дальнем Востоке: сборник материалов международного исследовательского семинара. — Москва—Иркутск, 2004. — С. 53.
9. <http://www.newslab.ru/news/article/234774>
10. Гельбрас В. Г. Перспективы китайской миграции на Дальнем Востоке / В. Г. Гельбрас // Отечественные записки. — 2004. — №4. — 23.
11. <http://www.er-tv.ru/index.php?p=news&area=1&newsid=1309>
12. Дацышен В. Г. Китайцы в Сибири в XVII—XX вв.: проблемы миграции и адаптации / В. Г. Дацышен. — Красноярск, 2008. — С. 276.
13. Ларин А. Г. К вопросу о китайской демографической экспансии / А. Г. Ларин // Проблемы Дальнего Востока. — 2002. — №6. — С. 56.
14. Гончаров С. Н. О Китае средневековом и современном / С. Н. Гончаров. — Новосибирск, 2006. — 383 с.

Сибирский Федеральный университет
Получено 23.06.09.

E. V. Gazdyk

THE MODERN STATE OF CHINESE MIGRATION AT KRASNOYRSK LAND

In article, the paper written on the basis of analyzed the problem of chinese migration at Krasnoyrsk land on the modern stage.

Russia, Krasnoyrsk land, of chinese migration, official and unofficial migration, Chinese workers, tourists and students

УДК 902

Э. В. Гордон, Р. В. Мезенцев, П. А. Страшников

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В РОССИИ В 1917-1922 ГГ.

В статье, на основе различных опубликованных источников и исследовательских работ, освещен один из самых трагичных периодов истории Советской России — гражданская война 1917—1922 гг.

революция, гражданская война, эскалация, классовая борьба, белое движение, движение «красных», движение «зеленых», террор, свержение самодержавия, интервенция, большевики

Крупнейшей драмой для России начала XX столетия, по праву, стала гражданская война, которая уже свыше десятилетий привлекает внимание ученых, политиков и писателей. Но, несмотря на это, и по сей день нет — и, вероятно, никогда не будет — однозначных ответов на вопросы о том, что же это за исторический феномен — гражданская война в России, когда она началась и когда закончилась.

Гражданские войны, как свидетельствует всемирная история, известны с давних времен. Чтобы убедиться в этом достаточно вспомнить гражданские войны в Англии (XVII в.), в США (XIX в.) и в Испании (30-е гг. XX в.). Но ответа на вопрос «Что это такое?» — нет и по настоящее время. Имеющиеся на сегодняшний день общие суждения о том, что *гражданская война — это война между гражданами одного государства, или самая острая форма классовой борьбы*, не слишком проясняют суть интересующей авторов проблемы. Несколько понятней звучит суждение о том, что гражданская война возникает в стране тогда, когда возможности для диалога и поиска согласия между разными частями общества или исчерпаны, или упущены. Это результат того, что в стране не существует единой системы власти не существует, в силу чего каждая политическая сила начинает заявлять свои претензии на власть и стремится реализовать их военными методами, доказывая при этом свое право выступать от имени народа. И в тоже время ни одна из

этих сил не способна самостоятельно и полностью контролировать ситуацию в стране.

В самом общем виде, по мнению академика Ю. А. Полякова, определение, что такое гражданская война в России, может быть таким: «...это длившаяся около 6 лет вооруженная борьба между различными группами населения, имевшая в своей основе глубокие социальные, национальные и политические противоречия, проходившая при активном вмешательстве иностранных сил в различных этапах и стадиях, принимавшая различные формы, включая восстания, мятежи, разрозненные столкновения, крупномасштабные военные операции с участием регулярных армий, действия вооруженных отрядов в тылу существовавших правительств и государственных образований, диверсионно-террористических акций...». Следовательно, делает вывод ученый, этот феномен следует нам еще изучать и изучать [1, с. 32-41].

И, надо сказать, он изучается. Но его изучение, применительно к России, осложняется рядом обстоятельств. С одной стороны, события 1917 г. в России вполне логично вписываются в многовековой всемирно-исторический процесс, в силу чего они также логично встают в один ряд с революциями и гражданскими войнами, имевшими место в других странах, поражая порой иногда — в отдельных эпизодах — удивительными совпадениями. С другой стороны, вышеназванные события весьма трудно объяснить лишь участием «внешних сил и интри-

гами великих держав». Их в значительной степени следует рассматривать как парадокс отечественной истории, ибо все, что проявилось в наши «смутные годы», было закреплено в ментальных характеристиках нашего народа, а также обусловлено общим развитием Российского государства. Иначе говоря, гражданская война в России, и это вне всякого сомнения, предоставляют исследователю обширный и в то же время очень «пестрый материал», который сразу же понуждает его делать свои обобщения предельно осторожно.

В связи с этим, нельзя обойти вниманием работу известного американского историка Р. Пайпса «Россия при большевиках» (если быть предельно точным, то ее название звучит так: «Россия при большевистском режиме» — *Авт.*), в которой он исследует события гражданской войны в России, начавшейся, по его мнению, сразу же после захвата власти большевиками, и первых лет существования советского режима, вплоть до 1922 года — времени окончания политической деятельности В. И. Ленина. Так вот причины победы красных в гражданской войне Р. Пайпс видит в преимуществах географического положения советской территории. Большевики, пишет он, располагали лучшими коммуникациями, большими запасами вооружения и снаряжения, контролировали основные центры военной промышленности и наиболее населенные губернии, что и обеспечивало Красной Армии большое численное превосходство. Кроме того, большевики имели, с чем нельзя не согласиться, более четкую программу и единое политическое руководство, которому подчинялись войска. Их же противники были раздроблены, причем главную роль у «белых» играли военные лидеры. В силу этого, гражданские правительства и политические программы у них были лишь «придатками» к армиям. В снабжении войска, сетует автор, белые сильно зависели от держав Антанты. Отсюда, по его мнению, и вытекают причины их поражения.

Однако главной из них Р. Пайпс не называет, но она прочитывается во всех других, им перечисленных. Американский исследователь отмечает, что «у большевиков была более обширная социальная база и примерно четверть крестьянства относилась к категории бедняков, для которых служба в Красной Армии была привлекательна уже гарантированным пайком и казенным обмундированием, а также обещаниями большевиков перераспределить в их пользу имущество богатых. На стороне «красных» оказалось и большинство рабочих, хотя некоторые квалифицированные из них поддержали «белых». Именно последние, по заявлению Р. Пайпса, и составляя наиболее боеспособные части в армии Колчака. Эти группы населения, по мнению исследователя, не были привязаны к своим губерниям и их можно было спокойно перебрасывать с фронта на фронт. Сторонники «белых» — зажиточное крестьянство и казачество — не только многократно уступали по численности сторонникам «красных», но и были тесно привязаны к родным местам и неохотно сражались вдали от них. Лишь «немногочисленные офицеры, гимназисты и студенты» составляли надежный костяк белого движения. Среднее же крестьянство, составлявшее боль-

шинство населения страны, не хотело «ни красных, ни белых» [2, с. 120]. И завершает Р. Пайпс свои рассуждения о силах сторон впечатляющими цифрами дезертирства из Красной Армии. «В иные месяцы оттуда дезертировало больше людей, чем [их] было у Деникина» [2, с. 124]. Однако эти данные, на наш взгляд, являются несколько преувеличенными.

Как было указано выше, начало гражданской войны в России Р. Пайпс связал с захватом власти большевиками в октябре 1917 г. В этом плане ему возразил Н. Верт, заявивший, что она началась в ноябре 1917 г. [3, с. 126]. В отличие от того и от другого, академик Ю. А. Поляков считает, что гражданская война в России началась в феврале 1917 г., т.е. гражданское противостояние в стране он связывает с Февральской буржуазно-демократической революцией 1917 г. Эту точку зрения поддержали В. Устинов, М. Мунчаев и другие исследователи [4, с. 317]. Правда, были и такие, кто не согласился с подобной датировкой начала гражданской войны в России. В частности, российский историк Г. З. Иоффе, который пошел еще дальше. «Корни, подпочва революции и гражданской войны, — заявил он, — далеко в дооктябрьской и дофевральской России. «Взрывчатое вещество» очень долго копилось там» [5, с. 271].

Столь пристальное наше внимание к началу гражданской войны в России, естественно, не случайно, ибо от датировки ее начала во многом будет зависеть как сама концепция гражданской войны, так и понимание того, какие силы и по каким причинам оказались втянутыми в нее.

Итак, кто же представлял *белое движение*? Но, прежде, чем ответить на этот вопрос — два слова о названии движения, почему «белое». Как известно, белый цвет в России всегда ассоциировался, с одной стороны, с аристократией, а с другой, — с государственностью. Когда в стране началась «смута», вызванная сначала февральской революцией, ликвидировавшей самодержавие, и усугубленная потом октябрьской, устранившей власть буржуазии, то в России, естественно, появились силы, которые вознамерились не только прекратить ее, но восстановить в стране существовавшие до этого «власть и порядок» (российское самодержавие в его классическом виде, а также единую и неделимую Россию в ее исторически сложившихся границах — *Авт.*). Однако они были слабо организованы и численность их постоянно менялась. Свообразным приоритетом для них стала особая, российская государственность, которую они считали «специфически русской». Его «питательной» средой стал великорусский национализм и пренебрежительное отношение к другим народам, антисемитизм (порождение социализма «белые» всецело приписывался евреям — *Авт.*) [6, с. 88]. К сожалению, это были силы, всецело уповавшие на прошлое и никак не хотевшие считаться со свершившимися реальностями.

Второй составляющей «борцов» за былые порядки стал офицерский корпус царской армии, значительно обновившийся (в социальном плане — *Авт.*) в годы первой мировой войны, особенно низший и средний его состав. Если высшие чины, по-прежнему, рекрутировались из числа дворян, то

средний и низший состав офицеров — из мещан, крестьян и рабочих. В силу этого, первые воевали в стане противников Советской власти (и лишь единицы — на ее стороне — *Авт.*), а вторые — на стороне последней.

Третью силу «белого» движения составило казачество, веками формировавшееся как одна из «надежных опор российского самодержавия. В его рядах насчитывалось около 4,5 млн. человек, которым принадлежало 65 млн. десятин земли, только 5,2% которых находилось в частном наследственном владении (в основном у высших войсковых чинов, которым земля была пожалована за заслуги перед Отечеством — *Авт.*), остальная же — в общественном. В силу этого, казачество было весьма привержено к общине, к коллективным формам владения землей. Потому-то большая часть большевистских лозунгов относительно земли не «затронула» душу казаков: земля у них была, а их наделы почти в 5 раз превышали наделы крестьян-общинников Центральной России. И лишь одно привлекало казаков в большевистских призывах — это выход России из мировой войны. В остальном же их лозунги не устраивали казаков, поскольку Советская власть несла им «уровниловку и антирыночность».

И, наконец, последнее звено «белого движения» составили «сторонники прозападного развития России». Тон среди них задавали представители кадетов, других буржуазных партий, финансисты и прозападная интеллигенция, идеалом для которых являлось правовое государство с парламентом и разделением властей, с рыночной экономикой и гражданскими правами.

Вот эти-то, вышеназванные силы и составляли «белое движение», которое вступило в борьбу за власть с большевиками, «красным движением» в целом.

Что же представляло собой последнее? «Красное движение», возглавленное большевиками, вобрало в себя основную часть рабочего класса и беднейшего крестьянства. Программными целями его стало сохранение и утверждение Советской власти на всей территории России, подавление антисоветских сил, укрепление диктатуры пролетариата как главного условия построения в стране социалистического общества. В отличие от «красных», партийный состав «белого движения» был весьма разношерстным. В нем присутствовали черносотенно-монархические, либеральные, социалистические и иные лозунги и призывы.

Говоря о противостоянии «красных» и «белых», следует сказать, что в гражданской войне принимали участие и так называемые «зеленые», боровшиеся и против «белых», и против «красных». Их основные лозунги («Советы без коммунистов», «Советская демократия» — *Авт.*) провозглашали ликвидацию коммун и совхозов, передачу земли крестьянам, «социализацию» фабрик и заводов, гражданские свободы (свободу слова, печати, собраний — для всех — *Авт.*). Словом они были направлены как против диктатуры большевиков, так и против восстановления старых самодержавных порядков. Движение «зеленых», как отмечали исследователи, не было оформленным, оно возникало

стихийно. Его сторонники, не имея достаточных сил (у «зеленых» не было регулярных войск, а вооружение же имевшихся состояло из того, что удавалось добыть в боях — *Авт.*), чтобы противостоять противнику, гибли под ударами и «красных», и «белых» армий. Трагедия «зеленых» состояла еще и в том, что у них не было своей серьезно проработанной политической программы, а в имевшейся — преобладали взгляды эсеро-анархистского толка. Именно представители этих политических направлений и стояли, как правило, во главе повстанческих объединений «зеленых» [7, с. 428]. Однако эсеро-анархистские взгляды их предводителей поддержкой у рабочих, увы, не пользовались. К тому же политически не организованное движение «зеленых» так и не смогло выдвинуть из своих рядов ни одного крупного лидера. Не оправдала себя и партизанская тактика «зеленых» в борьбе против регулярной армии (будь то «белые» или «красные» — *Авт.*). Иначе говоря, раздробленность, мозаичность движения, нереальность целей («Зеленые» отстаивали революционный идеал советской демократии, который как политическая система в действительности существовать не мог — *Авт.*) [7, с. 431] с самого начала обрекли на поражение это, в принципе, широкое движение.

Так же неудачно завершилось, в конечном счете, и «белое движение». Одержателю победу во многом помешали центробежные силы, порожденные революцией, а также «элементы», связанные с революцией и не порвавшие с ней... Против «красной диктатуры», скажут потом лидеры «белого движения», нужна была «белая концентрация власти...». К тому же «белое движение... было движением монархическим и консервативным... оно же должно было стать прежде всего национальным движением... Партиям служить мы не хотели... Мы боролись... против партийного посягательства, будь то Высший монархический совет или левые...» [8, с. 10].

Крах же «белого движения» Н.Верг увидел в том, что во главе «белой армии» стояли профессиональные военные, оказавшиеся, к сожалению, «никудашными политиками», которые были не только разобщены личными амбициями, но, руководствовались, к тому же, весьма непопулярной политической программой — реставрацией в России старых порядков. В противовес им, большевики действовали в этом плане более дальновидно. Чтобы обеспечить себе широкую политическую поддержку со стороны населения, они даже открывали курсы политграмоты, пустив по стране в этих целях агитпоезда, печатали брошюры и газеты [3, с. 147]. Отсюда понятна горечь, сквозившая в выступлении одного из активных участников «белого движения», генерала А. А. фон Лампе: «Белые могли бы победить красных, если бы они сами, в своих методах, в своей деятельности... стали тоже красными. Но, несомненно, и то, что они могли быть только белыми!.. И я хочу верить, что они победят как белые!» [9, с. 32].

Важный аргумент в этом противостоянии — стратегическое положение «белых» и «красных». Большевики, как уже упоминалось выше, удержали в своих руках в течение 1919 г. управление «промышленным сердцем России, с развитой сетью же-

лезных дорог, сходящихся к Москве». Это позволило им свободно маневрировать резервами на угрожаемых направлениях, чего были лишены «белые», разобщенные огромными расстояниями и контролировавшим, главным образом, зернопроизводящие районы с крестьянским населением. Так, в докладе главного командования Антанты от 15 марта 1919 г., в котором шла речь о состоянии и боеспособности всех «белых армий», положение в Западной Сибири оценивалось следующим образом: «...в Западной Сибири пока фронт оборонительный, на котором не может быть предпринято никаких серьезных усилий и где союзники должны ограничиться сохранением достигнутого положения» [10, с. 19]. Однако 4 марта началось, как известно, решительное наступление Колчака от Урала к Волге, хотя соответствующая директива была отдана еще 6 января, а повторная — 15 февраля, т. е. задолго до составления доклада [11, с. 192-193].

Наряду с указанными причинами поражения «белых» в их противостоянии с «красными», исследователи, как ни парадоксально, называют и приверженность первых национальной идее. Политика общенационального объединения всех слоев российского общества была, как подчеркивают они, эффективной лишь до тех пор, пока на европейском театре военных действий продолжалась мировая война и усиление эксплуатации России австро-германским блоком с целью мобилизации ее ресурсов для противодействия державам Антанты вызывало все большее неприятие в российском обществе. Однако окончание первой мировой войны (в ноябре 1918 г. — *Авт.*) существенно изменило характер вооруженной борьбы с большевизмом. Оно превратило войну за независимость России от «германского ставленника» в гражданскую с целью достижения определенных политических целей. Когда в докладе «Об отношении пролетариата к мелкобуржуазной демократии» 27 ноября 1918 г. В. И. Ленин заявил, что «история сделала так, что патриотизм теперь поворачивается в нашу сторону» [12, с. 216], то этим он наглядно показал, что большевики прекрасно учли в своей политической работе смену характера во внутренней политической борьбе.

И, наконец, два слова о главной, субъективной причине поражения «белых» в гражданской войне. Она, как ни странно, заключалась в морали. «Те высокие нравственные принципы, на которых была заложена Добровольческая армия, — писал в одной из своих статей эмигрантский писатель П. И. Залеский, — тот рыцарский дух, который она носила в себе в первые дни своего существования, постепенно... испарился...» [13, с. 156-157]. Политические амбиции и неумное честолюбие «в штабах и белых правительствах оказывали разлагающее действие на белый тыл». Склоки, «зависть, обман, болезненная подозрительность, — как вспоминал А.К. Кельчевский, — интриги на почве честолюбия, неспособность поступиться своими личными выгодами и интересами в угоду общего дела...» [14, с. 158], вряд ли все это могло «достойно служить целям белого движения». Таким образом, как и в случае с правительством А. Керенского, падение морали в тылу стало, в конечном счете, мостиком к

внутреннему распаду «белого движения» в годы гражданской войны [14, с. 55].

Сложным и не однозначным вопросом при изучении гражданской войны в России был и, по сей день, остается вопрос о терроре — «красном» и «белом». Говоря о нем, исследователь С. В. Устинкин, опираясь на комплекс разнообразных сведений о нем, предложил в свое время свести разговор к двум основным позициям:

1. Массовый террор был навязан большевикам противниками Советской власти, т. е. в ответ на «белый террор» постановлением Совнаркома от 5 сентября 1918 г. был развязан и «красный». Тот и другой по своим целям, с точки зрения большевиков, существенно различались. «Красный», к примеру, был направлен против эксплуататорского меньшинства, стоявшего на пути общественного прогресса. «Белый же революционный террор» был, по их признанию, вынужденной мерой, а его конкретные формы и методы всецело определялись политической целесообразностью [15, с. 97]. Как заметил в свое время — в связи с этим — исследователь В. Ж. Цветков, «историография советского периода, оценивая события Гражданской войны в России, представляла Белое движение всего лишь как составную часть «агрессивных планов Антанты», направленных на свержение советской власти, ликвидацию «завоеваний Октября» и «реставрацию буржуазно-помещичьего строя» [16, с. 59]. Иначе говоря, она всецело акцентировала свое внимание на реакционном характере, на стремлении к восстановлению старых порядков, на полной зависимости «белых» от иностранного империализма, его «военной, материальной и политической поддержки» и как следствие этого «на оторванности белых от народа и крайней узости их социальной базы». Вот таковыми были принципиальные точки отсчета в оценке «Белого движения», которые господствовали в советской исторической литературе.

2. Политические противники большевиков считали, что «красный террор» начался не в 1918 г. Уже в ходе первой русской революции, а затем в феврале 1917 г., подчеркивали они, солдаты и матросы, находившиеся под влиянием большевиков, уничтожили сотни ни в чем не повинных генералов и офицеров, полицейских и чиновников, обывателей и помещиков. После же октября 1917 г. большевики создали — в соответствии со своими идейно-теоретическими установками — свои репрессивные органы, которые и начали массовый террор в государственном масштабе. Словом, «красный и белый террор», утверждали оппоненты большевиков, отличались своими целями. Первый имел, по их мнению, официальное теоретическое обоснование, а потому и носил системный, правительственный характер, в то время как второй использовался лишь для восстановления законности и порядка в стране [15, с. 98]. Используя его, утверждали они, «белые» старались придерживаться правовых норм при проведении карательных акций, в то время как «красные» руководствовались лишь жесткой «революционной законностью».

Анализируя такого рода сентенции, А. В. Посадский, подметил в свое время, что «Гражданская война в столь сложно организованном обществе,

как Российская империя, неизбежно оказалась мультисубъектной, ведь общеизвестно, что В. И. Ленин настойчиво подчеркивал необходимость слияния разных потоков «освободительного движения», чтобы наиболее эффективно мобилизовать потенциал конфликтности, накопленный в России за многие годы» [17, с. 70]. Памятуя об этом, современная отечественная историография не случайно характеризует события 1918—1921 гг. в России как «смуту». Изобличение же «коварства революционного процесса», упреки, взаимное сведение счетов и подобное «политиканство», не будет способствовать, по мнению исследователя, объективному решению этой сложной проблемы, поскольку «гражданская война явилась выражением функционального конфликта в обществе и катастрофой для страны и народа, прежде всего крестьянства. Победителем в этом противостоянии оказался тот, кто сумел склонить на свою сторону последнее, составлявшее более трех четвертей населения страны» [17, с. 73].

Какая же из вышеизложенных точек зрения ближе к истине? Не секрет, что прошлое нашей страны стало, особенно после распада СССР, весьма благодатным полем для разного рода фальсификаций. С одной стороны, безнравственна, на наш взгляд, даже сама постановка вопроса, ибо карательная политика и «красных», и «белых» была одинаково жестока и преступна. Неслучайно профессор С. В. Устинкин писал в свое время, что «начало террора следует датировать не декретами СНК или приказами Л. Г. Корнилова, а расправами над гражданами, не участвовавшими в политической борьбе, невинными жертвами противоборствующих сил» [15, с. 56]. Понятно, что террором каждая сторона намеревалась, с одной стороны, деморализовать своего противника, а с другой, — запугать население, привлечь колеблющихся на свою сторону и удержать таким образом в своих руках власть. Применявшиеся для этого формы, средства и методы были, по сути дела, почти идентичными. Обе стороны сражались за власть, которую каждая из них считала справедливой, а в результате этой борьбы погибли миллионы ни в чем не повинных людей.

В связи со сказанным, отметим, что в ходе гражданской войны в России была впервые применена властная технология, которая, на наш взгляд, преобладает сегодня в мире: освоение дезориентированного сознания через «сваривание» (термин, введенный историком А. В. Посадским — *Авт.*) реальной конфликтности и управление конфликтом в интересах элитных групп. Реальности нашего бытия истории уже не раз доказывали, что успеху такой технологии способствует создание политического поля, в котором любая оппозиция объявляется «врагом», а опасные для статус-кво силы не имеют возможности консолидироваться или вынуждены бороться под чужими знаменами и идти по пути политиканства. Известно, что заставить противника говорить на своем языке — значит, во многом обезоружить его, лишить собственной логики, принудить к метаниям между сопротивлением и диалогом. В этом плане вполне справедливо подметил известный политолог С. Г. Кара-Мурза, что «официальная советская история героизировала гражданскую войну и создала ряд упрощающих мифов.

Сегодня, в условиях общего культурного кризиса, легче эти мифы преодолеть, легче — не значит легко, но это надо сделать» [18, с. 238]. Главный итог размышлений большинства современных историков, заключается в том, что гражданская война была порождена не только классовым, но и цивилизационным конфликтом — по вопросу о том, как надо жить в России, в чем правда и совесть. Эти мотивы звучат и в работе известного русско-американского историка и социолога П. А. Сорокина «Причины войны и условия мира», опубликованной еще в 1944 г., где он пишет, что «Гражданские войны возникают от быстрого и коренного изменения высших ценностей в одной части данного общества, тогда как другая, либо не принимала перемены, либо двигалась в противоположенном направлении. Фактически все гражданские войны в прошлом происходили от резкого несоответствия высших ценностей у революционеров и контрреволюционеров. От гражданских войн Египта и Персии до недавних событий в России и Испании история подтверждает справедливость этого положения» [19, с. 146]. С таким заявлением солидарен и Р. Пайпс. «Русская революция и гражданская война, — пишет он, — не только продемонстрировала неприменимость естественно-научных методов к делам человеческим, но и поставила глубочайшие нравственные вопросы о праве правительства пытаться переделать людей и перекроить общество без их на то соизволения и даже вопреки их воле» [2, с. 152].

Таким образом, для понимания этого периода в нашей истории мы обязаны осознать и запомнить, что гражданская война в России выросла не стихийно, а она была начата и даже объявлена в результате конкретных решений, принятых вполне конкретными политиками. Надо помнить при этом и то, что «война вовсе не выросла из стихийных волнений крестьян или казаков против советской власти — эти волнения были фоном всей политической жизни России с марта 1917 г. и вовсе не обязательно должны были «сложиться» в войну, а фактически решение о войне было принято на Западе и реализовано в ходе интервенции и мятежа Чехословацкого корпуса» [18, с. 240]. Словом, «вялотекущая» гражданская война началась, по мнению С. Г. Кара-Мурзы, уже в момент Февральской революции, когда произошел слом старой государственности. Военные же столкновения и вспышки насилия большей или меньшей интенсивности происходили, подчеркивал он, до конца 1917 г. и события октября не выделялись из этой череды.

Анализируя события гражданской войны, ее периодизацию и сущность, нельзя не учитывать и внешний фактор. Интервенция, и это, вне всякого сомнения, играла важную роль в противоборстве внутренних сил, хотя она и не была решающей, как это подавалось в советской исторической литературе. Интервенционистский корпус был, как известно, немногочисленным. В начале мая 1919 г. его численность не превышала 202,5 тыс. человек, из которых 150 тыс. (к концу войны — *Авт.*) составляли японцы, около 45 тыс. — англичане, 42 тыс. — чехословаки, 13,6 тыс. — французы [7, с. 432].

Итак, кто же повинен в возникшем в России противостоянии? С формальной точки зрения, бе-

зусловно народ, начавший революции (февральскую и октябрьскую — *Авт.*). Однако, если говорить о февральской, то признать руководство какой-либо политической партии в ней — нельзя. Ее совершил народ — рабочие Петрограда и солдаты (в большинстве своем крестьяне, одетые в солдатские шинели — *Авт.*). К революции его подтолкнули объективные причины: неудовлетворенность своим положением, несправие и насилие, переполнившие чашу народного терпения, а также довольно смутное, но сильное стремление изменить существующее положение, строй, создать новое общество, хозяевами в котором были бы люди труда, а не прежние властители [20, с. 73].

Объективно все это так, но народ России, положивший начало гражданской войне, не может быть обвинен в том, что он решился на насилие, чтобы разорвать свои цепи в борьбе с теми, кто мешал ему сделать его. Тогда, «Кто виноват в гражданской войне, длившейся с 1917 по 1922 гг.?» — этом сложном, многоэтапном и многофазовым явлении, в котором зримо просматриваются следующие фазы:

а) насильственное свержение самодержавия, положившее начало открытому расколу общества (главным образом по социальному принципу — *Авт.*), когда выковывалось — из материала, накопленного в старой России — первое звено в цепи насилия (февраль—март 1917 г.);

б) усиление социально-политическое противостояния в обществе, усугубленного неудачей российской дипломатии вывести страну «из войны» и установить гражданский мир, что способствовало дальнейшей эскалации насилия (март—октябрь 1917 г.);

в) насильственное свержение Временного правительства, установление советской власти, что породило новый раскол общества, способствовавший дальнейшей эскалации вооруженной борьбы (октябрь 1917 — март 1918 г.);

г) дальнейшая целенаправленная эскалация противоборствующими сторонами насилия и террора, начало локальных военных действий, формирование «белыми» и «красными» вооруженных сил (март—июнь 1918 г.);

д) время ожесточенных сражений между противоборствующими сторонами, при участии иностранных войск (на стороне «белых» и партизан на стороне «красных»), милитаризация экономики, обусловленная военным временем (лето 1918 — конец 1920 г.);

е) постепенное (после окончания крупномасштабных военных операций — *Авт.*) затухание гражданской войны, локализация и ее полное окончание (1921—1922 гг.).

Шестилетняя гражданская война и интервенция обернулись для России величайшей трагедией, имевшей самые тяжкие последствия. Предварительная сумма экономического ущерба, нанесенного ею стране, составила 39 млрд. золотых рублей, а с учетом имущественных потерь населения и того больше — почти 50 млрд. золотых рублей. За годы войны промышленное производство сократилось в 5 раз, добыча угля — в 3 раза, нефти — более чем в 2 раза, а выплавка чугуна (по сравнению с довоен-

ным 1913 г.) — в 33 раза. Экономический потенциал, которым располагала страна на начало войны, не обновлялся на всем ее протяжении. За годы войны почти вдвое уменьшилась численность пролетариата. В силу этого, даже функционировавшие производства испытывали нехватку рабочих рук. Не в лучшем положении находилось и сельское хозяйство: производимая им продукция сократилась, по сравнению с довоенным временем, почти на 40%. Весьма низкой была его техническая оснащенность, почти отсутствовал товарообмен между городом и деревней. Сильно обесценились за годы войны деньги, в силу чего почти повсеместно господствовал натуральный обмен. За годы войны лишилась страна и большей части своего научно-технического потенциала: почти вся политическая, финансово-промышленная, в меньшей степени научно-художественная интеллигенция покинула родину. Словом, за пять лет население России сократилось почти на 13 млн. человек. Значительной степени — это были военные потери, жертвы эпидемий и голода, «белого», «красного» и «зеленого» террора, погромов и интервенции [21, с. 409].

Одним из значимых итогов гражданской войны стали глубокие социальные изменения в российском обществе. В нем не сталоризошла ликвидация целых классов: помещиков, крупной и средней буржуазии. Серьезные потери понесло духовенство, казачество и зажиточное крестьянство. Произошло в стране и перераспределение ранее господствовавшей в ней собственности. Большая ее часть перешла в ведение государства, а часть — беднейшему крестьянству, частью — уничтожена или вывезена за рубеж. Серьезные изменения произошли в среде пролетариата и крестьянства, в первую очередь, за счет «усреднения» их социально-имущественных характеристик. Беднейшие слои городского и сельского пролетариата, улучшив свое экономическое положение, стали оказывать заметное влияние на политическую жизнь страны. Став опорой советскому режиму, ранее эксплуатируемые слои населения получили известный доступ к управлению страной. Но вместе с тем, имело место и противопоставление вышеназванных категорий населения другим слоям общества, в частности, высококвалифицированным рабочим и инженерам в городах и середнякам в деревнях.

Существенные изменения произошли и в системе государственного управления. Гражданская война деформировала, как известно, провозглашенные в октябре 1917 г. принципы советской демократии. В новой ситуации диктатура пролетариата «выродилась» в диктатуру партии, а система Советов лишь номинально являлась основой строя, ибо отныне гораздо большее значение стали иметь партийные и чрезвычайные органы. После войны была, как известно, отменена смертная казнь. Однако, спустя год, это обернулось «красным террором», а временный орган ВЧК стал символом чрезвычайных мер управления. Первоначальное широкое привлечение трудящихся к управлению теперь сменилось становлением новой бюрократии. Находясь в центре формирующейся системы, не смогла избежать изменений и правящая партия. Провозглашаемая ею необходимая «сплоченность» перед «происками»

внутренних и внешних врагов привела к естественному снижению внутрипартийной демократии, к единоначалию и вождизму в партии. Вынужденная сосредоточить все свои силы на сохранении в своих руках всей полноты власти, она стала последовательно отказываться от ранее провозглашенных ею принципов [22, с. 3].

Вместе с тем, итоги гражданской войны имели не только негативные результаты, но и определенное созидательное начало. Так, распад Российской империи, начавшийся в ходе первой мировой войны и усилившийся после февральской революции 1917 г., был приостановлен. Возникшее государство — вне зависимости от воли новых правителей — восстановило тысячелетнее историческое пространство. И хотя территориальные потери составили 800 тыс. кв. км с 30-миллионным населением, Советская республика, тем не менее, нашла приемлемые формы государственного устройства, которое объединило народы России. В ходе гражданской войны России удалось «разрушить» ее экономическую зависимость от западных держав, прекратить вывоз капитала из страны. И это, несмотря на то, что следствием этого «разрушения» стала экономическая и политическая блокада Советской России, которая в перспективе создавала основу для становления подлинно независимого, экономичес-

ки развитого государства. Победа большевиков в гражданской войне нанесла также существенный урон колониальной системе империализма, подорвав ее основы и открывая тем самым зависимым и колониальным странам перспективу их освобождения от власти колонизаторов. Наконец, победа Советов в гражданской войне, последовавшие за этим успехи в строительстве социализма в СССР заставили страны Запада активизировать свои усилия по реформированию своих обществ [21, с. 411].

Но, несмотря на эти положительные моменты, гражданская война в любой стране — это безусловная катастрофа, причем более страшная, чем война с внешним врагом, ибо она раскалывает народ, семьи и даже личность самого человека, она носила и носит тотальный характер, нанося тем самым тяжелые душевные травмы, которые надолго определяют жизнь всего общества. Поскольку в гражданской войне нет тыла, в силу этого, она разрушает всю ткань хозяйства, все жизнеустройство погибших в 1917—1922 гг. потеряли жизнь не от «организованного насилия» — на поле боя или репрессий, а от голода и болезней, от местных, локальных конфликтов, совсем не связанных с целями и планами воевавших меж собою сторон.

Библиографический список

- Поляков Ю.А. Гражданская война в России: возникновение и эскалация // Отечественная история. №6.
- Пайпс Р. Россия при большевиках. — М., 2005.
- Верт Н. История Советского государства. 1900—1991. М.: ИНФРА-М, Изд-во «Весь мир», 2001.
- Отечественная история: Учебник для вузов / Под ред. проф. Ш.М. Мунчаева. — М.: Культура и спорт, ЮНИТИ, 1999.
- Иоффе Г. З. «Белое дело». Генерал Корнилов. — М.: Наука, 1989.
- Шерер Ю. «В поисках христианского социализма в России» // Вопросы философии. 2000. №12.
- Семенникова Л. И. Россия в мировом сообществе цивилизаций. Учебное пособие для вузов. — Брянск — М., 1995.
- Львов Н. «Белое движение». — Белград, 1924.
- Лампе А. А. Причины неудач вооруженного выступления белых // Деникин А.И., Лампе А.А. Трагедия белой армии. — М., 1991.
- Из истории гражданской войны в СССР. / Ред. Г. А. Белов, А. Ф. Бутенко и др.: В 3 т. Т. 2. — М., 1960.
- Эйхе Г. Х. Опрокинутый тыл. — М., 1966.
- Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 37.
- Залесский П. И. Главные причины неудач белого движения на Юге России // Белый архив. Т. 1.
- Слободин В. П. Белое движение в годы гражданской войны в России (1917—1922 гг.). — М.: МЮИ МВД России, 1996.
- Устинкин С. В. Власть и общество в условиях Гражданской войны // Отечественная история. 1998. №3.
- Цветков В. Ж. Белое движение в России 1917—1922 годы // Вопросы истории. 2000. №7.
- Посадский А. В. Гражданская война в России под углом зрения политической конфликтологии. // Полис. 2002. №3.
- Кара-Мурза С. Г. Советская цивилизация. Книга первая. От начала до Великой Победы. — М., 2002.
- Сорокин П. А. Причины войны и условия мира // СОЦИС. 1993. №12.
- Шамбаров В. Е. Белогвардейщина. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2002.
- Ратьковский И. С., Ходяков М. В. История Советской России. — СПб.: Издательство «Лань», 2001.
- Поляков Ю. А. Гражданская война в России: последствия внутренние и внешние. // Новая и новейшая история. 1992. №4.

Бийский государственный педагогический университет им. В. М. Шукшина
Получено 27.07.09.

E. V. Gordon, R. V. Mezenchev, P. A. Strashnikov

CIVIL WAR IN RUSSIA 1917—1922 YEARS

In article, on the basis of the various published sources and research works, one of the most tragic periods of history of the Soviet Russia — civil war is shined 1917—1922 years.

revolution, civil war, escalation, class struggle, white movement, movement of «red», movement of «green», terror, autocracy overthrow, intervention, Bolsheviks

УДК 902

С. В. Денчик, Н. С. Модоров

К ВОПРОСУ О ГРАЖДАНСКОМ ПРОТИВОСТОЯНИИ В ГОРНОМ АЛТАЕ В 1921—1922 ГГ. И ЕГО УЧАСТНИКАХ

На основе опубликованных и архивных документов анализируется суть гражданского противостояния в Горном Алтае в 1921—1922 гг. и социальная принадлежность его участников

распад СССР, гражданская война, октябрьская революция 1917 г., противостояние партий и классов, Красная Армия, партизанская война.

Распад в начале 90-х гг. XX столетия некогда могучего СССР и последовавшая за этим суверенизация бывших его союзных республик привнесли немало кардинальных преобразований в общественно-политическую и социально-экономическую жизнь новых государственных образований. Не стала исключением в этом плане и Россия (Российская Федерация). Не обошли стороной такого рода преобразования и историческую науку. Наиболее кардинальной ревизии подверглась «постооктябрьская» история нашего государства. Не вдаваясь в дискуссию относительно характера, движущих сил, «правомерности» октябрьской революции 1917 г., отметим, что все в нашем не столь далеком прошлом было поставлено «прорабами перестройки» под сомнение. Действительно, многое из того, что декларировалось в советский период нашей истории было навязано народу стране в целом господствовавшей в нашем государстве идеологией. И с этой точки зрения пересмотр бывших «прописных истин», идеологических постулатов, утвердившихся в нашей истории, был необходим. Особенно это касалось «противостояния партий и классов в России, переросшего в конце мая 1918 г. в «гражданскую войну», продолжавшуюся в стране почти три года. И лишь победа Красной Армии над Врангелем (согласно коммунистической идеологии, которой руководствовалась молодая Советская Республика) свидетельствовала о конце «братоубийственной» войны, в т.ч. и в Горном Алтае. Но это, как теперь мы знаем, было далеко не так. Не секрет, что и после 1920 г. Советскую Республику еще не один год потрясали разного рода антисоветские выступления типа «антоновщины», «бандитизма» в национальных районах страны и т.д. Иначе говоря, победой Красной Армии над Врангелем в 1920 г. гражданская война в Советской России, как это утверждалось раньше, не закончилась, она продолжалась. И закончится это «гражданское» противостояние, как это установлено отечественными исследователями и закреплено ныне в нашей исторической науке, только в 1922 г. и будет связано с образованием ДВР. Свой вклад в это хронологическое «уточнение» рамок гражданской войны внесли и ученые Сибири, благодаря традиционно проводящимся в Кемерове научным конференциям «История Белой Сибири» (инициатором их проведения был и остается проф. С. П. Звягин — *Авт.*).

Все вышесказанное, можно наглядно проиллюстрировать на примере Горного Алтая. С «колчакским режимом» здесь было покончено, как известно, к началу 1921 г. Однако его разгром, отнюдь не свидетельствовал о том, что в данном регионе

наступили мир и спокойствие. До этого, как показали дальнейшие события, было еще очень далеко. Дело в том, что остатки многих белогвардейских формирований, разбитых Красной Армией, укрылись в Алтайских горах и регулярно стали совершать нападения не местное население, препятствуя тем самым восстановлению разрушенного войной народного хозяйства края. Наряду с этим, беспокойство и определенное напряжение в регионе создавало и присутствие на территории соседней с Горным Алтаем Монголии остатков войск Бакича, Анненкова, а также «сводного русско-инородческого отряда есаула Кайгородова».

Кроме указанных выше причин, не способствовали налаживанию мирной жизни в регионе и «военно-коммунистические методы вмешательства Советской власти в деревенскую жизнь». А именно они, по свидетельству значительной части отечественных исследователей, стали одной из главных причин вооруженного выступления крестьян против Советской власти, которые выразили таким образом свое недовольство «противоречием, возникшем на этапе перехода к НЭПу между политическим режимом, который имел тенденцию к ужесточению, и экономическим строем, для которого были характерны зачатки рыночных отношений, а также преследованиями коммунистами некоторой части сельчан, отсутствием на деревне надлежащей законности, а также слабостью правоохранительных органов, которые не в состоянии были защитить крестьян от разного рода преступников» [1, с. 140].

Этих «недовольных действиями представителей Советской власти крестьян» последняя, а за нею и советская историография назвала «бандитами». Общее число этих «недовольцев», выступивших в 1921—1922 гг. в Горном Алтае составило, по данным ОГПУ, почти 8 тыс. человек. Именно они, по свидетельству последнего, и составили костяк 7 крупных (численностью от 150 до 4000 чел.) и 6 мелких (от 20 до 65 чел.) бандформирований [2]. Наиболее активно таковые проявили себя особенно в Уймонском аймаке (ныне Усть-Коксинский район, Республики Алтай), Онгудайском, Чемальском, Усть-Канском и Шебалинском аймаках. Менее активно, свидетельствовало ОГПУ, было «ввергнуто в бандитизм» население Лебедского (ныне Турачакский), Успенского (Чойский) и Улаганского аймаков [2, с. 11].

В связи со сказанным, небезынтересно выяснить целый ряд моментов: а) насколько оправданно было употребление советской историографией термина «бандит» по отношению к лицам, которые были недовольны действиями тех, кто представлял

собою «Советскую власть»; и б) непредвзято взглянем на тех, кто возглавлял указанные выше, как принято сейчас говорить, «бандформирования»; в) какие характеристики давали первым и вторым чекисты; и, наконец, г) все ли «бандиты» являлись выходцами из числа «буржуазии и кулачества».

Чтобы ответить на все поставленные вопросы, естественно, необходимо обратиться к источникам, в частности, к архивным материалам, особенно к тем, которые долгое время находились в фондах «специального хранения».

Анализ документов, выявленных в них, позволяет назвать лиц, которые стояли во главе «бандформирований», действовавших в 1921—1922 гг. в Горном Алтае. Таковыми, согласно анкетным данным ОГПУ, были:

1. Кайгородов Александр Петрович, уроженец с. Катанды, Уймонского аймака, из крестьян, образование «низшее», до войны занимался хлебопашеством и был пограничным стражником. По свидетельству земляков, был трудолюбивым, умным парнем. В Германскую войну получил Георгиевский крест и был направлен в школу прапорщиков, которую он успешно окончил и получил чин прапорщика.

В империалистическую войну А. П. Кайгородов был мобилизован в армию.

Во время одного из сражений, он попал в плен и находился в Германии. Во время мобилизации, объявленной адмиралом Колчаком, А. П. Кайгородов вначале уклонился от нее. Однако со временем он был все же взят в колчаковскую армию. Но не желая, по-видимому, попасть на фронт, он «ходил» в Омске по военным штабам с «разными планами» и добился, наконец, разрешения сформировать в Бийске «туземный дивизион». С приходом на Уймон «красных партизан», он первым выступил против них со своим дивизионом. 16 апреля 1922 г. Кайгородов был убит в с. Катанда отрядом ЧОН, которым командовал И. И. Долгих.

2. Колесников — крестьянин из с. Тележиха, Сычевского района, Бийского округа, середняк, грамотный, служил в старой армии в чине старшего унтер-офицера, с 1912 г. состоял членом социал-демократической партии (меньшевиков).

3. Тужелей Ташкинов — 44 лет, «инородец» из урочища Эдиган, Онгудайского аймака, где и проживает он в настоящее время (документ составлялся в 1930 г. — *Авт.*), малограмотный, скотовод, беспартийный,

4. Семенек (Тадышев Семен Васильевич) — 44 лет, из «инородцев» Деревни Аюла, Чемальского аймака, неграмотный, беспартийный, занимался хлебопашеством, по имущественному положению — середняк.

5. Штанакон Василий Владимирович, 25 лет, из «инородцев» с. Карасук, Майминского аймака, малограмотный, беспартийный, по имущественному положению — бедняк.

6. Тырышкин — крестьянин с. Белый Ануй, Бийского округа, кержак, по имущественному положению — кулак, занимался хлебопашеством и скотоводством, служил в старой армии в чине фельдфебеля, грамотный.

7. Орлов — из крестьян с. Тоурак, Куяганского района, кержак, по имущественному положе-

нию — середняк, грамотный, беспартийный, до войны занимался хлебопашеством и скотоводством, в империалистическую войну служил в царской армии в чине старшего унтер-офицера.

8. Пьянков — из граждан с. Тоурак, Куяганского района, кержак, середняк, занимался хлебопашеством и скотоводством, беспартийный, грамотный, служил в старой армии в чине младшего унтер-офицера.

9. Карман Чекураков — из граждан с. Сок-Ярык, Уймонского аймака, скотовод и торговец, говорит на русском языке, беспартийный, в данное время проживает в с. Чибит, малограмотный.

10. Кучуков Петр Павлович — из «инородцев» с. Чемал, 40 лет, беспартийный, в данное время проживает в с. Чемал, занимается сельским хозяйством, грамотный, хорошо говорит на русском языке, во время империалистической войны служил в царской армии, за проявленную храбрость в армии Колчака награжден Георгиевскими крестами и был произведен в чин прапорщика.

11. Себешев Леонид Ильич, «инородец» из с. Александровка, Майминского аймака, здесь же проживает и сейчас, основная профессия — письмоводство, до революции жил в с. Александровка, занимался хлебопашеством и выполнял должность сельского писаря, с Октябрьской революции и по 1920 г. состоял волостным писарем. В августе 1920 г. был членом ВКП(б) и командирован в Барнаул для прохождения политекурсов. С августа 1921 г. по апрель 1923 г. находился в банде Кармана Чекуракова.

12. Манеев Афангел Васильевич, алтаец, окончил двухклассное училище, беспартийный, из граждан с. Чемал, до революции занимался письмоводством. С появлением банды Бакича ушел в нее, а затем перешел в банду Семенека, занимал там должность следователя полевого суда. В августе с. г. (1930 г. — *Авт.*) Манеев осужден областным судом за прошлую бандитскую деятельность и приговорен к высшей мере наказания — расстрелу, но помилован Верховным судом и расстрел заменен ему 10-ю годами тюремного заключения.

13. Яшпыр Можаев — «инородец», совершенно неграмотный, не знал русского языка, был командиром сотни у Кармана Чекуракова, имел желание перейти на сторону красных партизан, но по настоянию и под угрозами со стороны Чекуракова остался в банде.

14. Соснин Андрей Абрамович — из крестьян с. Усть-Кан, по имущественному положению — середняк, малограмотный, беспартийный.

15. Дудин Александр Васильевич, 26 лет, беспартийный, из граждан с. Чемал, по профессии — служащий почтово-телеграфного ведомства, окончил двухклассное училище. До февральской революции служил помощником волостного писаря, перед уходом в банду был заведующим почтовым отделением в с. Чемал, в банде был членом военносудственной комиссии.

16. Бочкарев Зиновей Кузьмич, 36 лет, из граждан с. Верх-Уймон, где проживает и сегодня, бедняк, малограмотный, беспартийный, в банду ушел добровольно с 1919 г. и находился там по октябрь 1922 г., командовал одной из групп в банде Кайгородова [2, с. 25-26].

Наряду с крестьянами, в каждой банде, согласно свидетельствам документов, было немало и офицеров. Так, на службе в банде Кайгородова состояли: поручик Славорецкий (пом. начштаба), поручик Сокольский (начштаба), подпоручик Сыромятников (адъютант), есаул Пудовкин (командир сотни), подъяесаул Погребных (командир сотни), прапорщик Соловьев (при штабе) и др. Были они и в других бандформированиях. В частности, у Семенека и Штанакосова служили: поручик Блинов — командиром сотни, подпоручик Астафуров — при штабе, поручик Горбунов и подпоручик Мясников — командирами групп и прапорщик (в документе — «подпоручик» — *Авт.*) Мясников — при штабе [2, с. 27].

Даже на основании этих кратких, а порой отрывочных сведений о предводителях «бандформирований», действовавших в 1921—1922 гг., на территории Горного Алтая, можно, тем не менее, однозначно утверждать, что «бандитизм» являл собою достаточно многоликое явление и был достаточно значительным по численности. Членами банд, как явствует из вышеназванных документов, были, во-первых, представители разных национальностей, а во-вторых, представители разных по социальной принадлежности групп. В силу обстоя-

тельств, что весьма характерно для такого вида явлений, в рядах «бандитов» оказались и ярые противники Советской власти, и бывшие ее сторонники. Словом, людей в «бандформированиях» приводили разные причины и мотивы. В связи с этим утверждением, можно предположить, причем, не без оснований, что противников Советской власти на селе было бы гораздо меньше, если бы люди, стоявшие у руля власти вели бы себя чуточку «мудрее», более лояльнее бы относились ко всем категориям сельского населения и, главное, более терпеливее разъясняли бы широким массам политику Советского государства, а также суть предпринимаемых на данном этапе его правительством «социально-экономических мероприятий», ни в коей мере не подразделяя при этом — заранее — людей на «своих» и «чужих». Именно не прояви тогда «поборники социализма, неутомимые борцы за Советскую власть» таких «революцией продиктованных подходов» к своим согражданам в 20-х гг. XX века, не пришлось компетентным органам Советского государства тогда (а нам сегодня) заниматься выяснением кто являлся «врагом» Советской власти, «мятежником Кронштадта», участником «антоновщины» или «бандитизма» в Горном Алтае.

Библиографический список

1. Шекшеев А. П. Многоликость крестьянского бандитизма 1920-х гг. (на материалах Приенисейского региона) // Сибирь на этапе становления индустриального общества в России (XIX — начало XX вв.). Новосибирск, 2002.
2. Использованы архивные материалы В. В. Поклонова из подготовленного им к печати сборника «История бандитизма в Ойротии». Архивные документы.
3. Денчик С. В., Модоров Н. С. Социально-политический портрет «бандитизма» в Горном Алтае в 1921—1922 гг. // История России сквозь призму борьбы за власть. 34-я Всерос. заоч. конф. СПб., 2004.

Горно-Алтайский государственный университет
Получено 17.07.09.

S. V. Denchik, N. S. Modorov

TO THE PROBLEM ABOUT THE CIVIL RESISTING AT GORNY ALTAI IN 1921—1922 YEARS AND HIS OF PARTICIPANTS

There is on the basis of analysis the paper written and archive materials examine the main point the civil of resisting at Gorny Altai in 1921—1922 years and the social belonging his of participants.

Disintegration USSR, civil war, October revolution 1917 year, resisting of parties and classis, Red Army, guerilla warfare

УДК 902

А.А. Завьялов

РАЗРАБОТКА ПРОЕКТОВ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА НА АЛТАЕ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ: ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА И ЧАСТНАЯ ИНИЦИАТИВА

В статье, на основе архивных материалов освещен процесс разработки правительством планов железнодорожного строительства на Алтае в конце XIX—начале XX вв. и участие в нем частных предпринимателей.

Русское правительство, экономическое развитие страны, железнодорожное строительство, государственные ведомства, частные предприниматели.

С 1898 году в правительственных кругах Российской империи стал все чаще, причем, достаточно активно обсуждаться вопрос о строительстве на юге Сибири новой железнодорожной линии. Исходя из стратегических соображений, в центре и на местах стали возникать проекты соединения Великой Сибирской железной дороги со Средней Азией.

Идея соединения рельсовым путем Туркестана с Дальним Востоком имела как своих сторонников, так и своих противников. За строительство данной дороги выступали, главным образом, представители военно-политической элиты страны, ее же противниками являлись, в основном, представители экономических и финансовых кругов России.

Предполагаемое соединение двух стратегически важных регионов имело большое протяжение (почти 2500 верст). Строительство по южному направлению, чисто стратегической железной дороги, не обещало ее инициаторам доходной эксплуатации. Поэтому вопрос о ее трассировки, в большей степени, сводился к тому, чтобы выбрать наиболее выгодное направление, которое бы наиболее полно исчерпывало бы экономические требования той части Западной Сибири, где таковые имелись. Важно было выбрать также направление, которое низвело бы общую бездоходность проектируемой дороги к возможному минимуму.

Вследствие этого вопрос о направлении Туркестан — Сибирской дороги становится на исходе XIX столетия предметом рассмотрения и обсуждения во многих высших правительственных учреждениях, общественных управлениях и биржевых комитетах сибирских городов, заседаниях ученых обществ и в периодической печати [1, с. 37].

Если говорить конкретно, то можно сослаться на Семипалатинского городского голову, который ходатайствовал в 1898 году о соединении Семипалатинска с городами Верный и Томском. В том же году Вернинская городская дума возбудила ходатайство о сооружении соединительной железной дороги между Великим Сибирским путем и Средне — Азиатской железной дорогой по направлению от Ташкента через Семипалатинскую область, и, в частности, через г. Верный [2, л. 3об.].

В 1898 г. инженер Югович ходатайствовал о предоставлении ему концессии на железную дорогу, соединяющую г. Ташкент с железнодорожной сетью европейской России [2, л. 4].

Одновременно с возникновением означенных ходатайств, именно 1898 году, правительство само обратило внимание на необходимость соединения среднеазиатских владений рельсовым путем с российской европейской железнодорожной сетью. При обсуждении этого вопроса, в частности, в Особом Совещании, специально образованном по Высочайшему повелению, в числе других направлений такой соединительной линии, было предположено направление от Ташкента к Томску, причем Совещание за этим направлением признало значительные экономические преимущества перед другими линиями, идущими от Средне-Азиатской железной дороги непосредственно к европейской сети, именно к Оренбургу или Александрову Гаю.

Но так как при выборе направления железнодорожной линии, предназначенной для соединения среднеазиатских владений с общей сетью, на первый план было поставлено удовлетворение военно-политических целей, то Совещание пришлось к заключению о необходимости остановиться на одном из западных направлений, идущих на Оренбург и Александровский Гай [2, л. 4].

В начале 1899 года купцы г. Барнаула подали в Комитет Сибирской железной дороги ходатайство о проведении железнодорожной линии от Барнаула через Семипалатинск, Верный, Чимкент до Ташкента. Однако предложение алтайских предпринимателей в то время не было признано возможным, тем более, что сооружение этой линии

должно было осуществляться на казенные средства. Об этом четко и безапелляционно было заявлено в докладе — заключении тогдашнего министра финансов С. Ю. Витте. Ходатайство барнаульских купцов о строительстве железной дороги в указанном направлении на казенные средства, заявил С. Ю. Витте, возможно лишь в том случае, когда Великая Сибирская железная дорога дойдет до Владивостока и Порты-Артура. Пока же Государственное казначейство, финансирующее постройку железной дороги в столь громадных размерах, каковой является Транссибирская магистраль, не в состоянии нести дополнительные расходы на сооружение железной дороги, предложенной купечеством г. Барнаула [2, л. 3об.].

Однако ответ, полученный барнаульцами из Петербурга, не успокоил их. Они продолжили поиски приемлемых вариантов. Их поддержали другие предприниматели, в частности, барон Сердобин. В 1899 году он выступил с предложением о строительстве железнодорожных линий Чимкент — Поломошная и Оренбург — Ташкент. Такую же инициативу проявил и барон В. П. Рокасовский. В 1900 году он возбудил ходатайство о предоставлении ему права на образование акционерного общества для сооружения и эксплуатации железнодорожных линий: Тайга — Верный, Уральск — Семипалатинск, Тургай — Магнитная. И, надо сказать, его предложения оказались небезуспешными. Одно из них, в частности, направление на Оренбург с выходом на Ташкентскую железную дорогу было поддержано и 5 мая 1900 г. последовало Высочайшее повеление о постройке на средства казны этой дороги. Таким образом, вопрос о соединении рельсовым путем среднеазиатских владений с железнодорожной сетью Европейской России был решен окончательно. Это привело к тому, что все другие предложения частных предпринимателей относительно сооружения той или иной железнодорожной линии отпали само собой.

Но, несмотря на это, вопрос о соединении рельсовым путем Среднеазиатского края с Сибирской железной дорогой и в 1901 году продолжал оставаться открытым: никаких конкретных шагов по реализации предложения барона Рокасовского не было предпринято. В связи с этим, в середине 1902 года в Министерство финансов обратился член английского парламента Ф. Хорнер с предложением образовать акционерное общество для постройки и эксплуатации железной дороги от Ташкента до Поломошной или Тайги. Министерство финансов ответило на этот запрос и вступило с его автором в переговоры. И это при том, что Ф. Хорнер ставил одним из условий осуществления своего «предприятия» предоставление облигационному капиталу проектируемого им общества правительственной гарантии. Однако Министерство финансов вскоре прекратило переговоры с Хорнером, так как выяснилось, что он не удовлетворял условиям, которые должны быть предъявлены к инициатору такого громадного предприятия [2, л. 4].

В 1902 году появляется очередное предложение о соединении рельсовым путем Великой Сибирской железной дороги с Туркестаном. Впервые

эта идея была официально озвучена статс-секретарем графом С. Ю. Витте в его всеподданнейшем докладе об итогах его поездки на Дальний Восток. В нем он, надо сказать, всесторонне обосновал государственную необходимость соединения Туркестана с Сибирской магистралью. При этом на первый план им были выдвинуты «соображения» как стратегического характера, так и «доводы», обоснованные необходимостью расширения «государственной колонизации Западно-Сибирской равнины российскими переселенцами», с целью торгово-промышленного подъема и общего экономического роста богатой Западной Сибири, в том числе и богатейшего в ней района — Алтайского округа.

В данном же отчете («О поездке для обозрения КВЖД») министр финансов С. Ю. Витте, касаясь вопроса о «примыкании» железнодорожных путей к линии Сибирской железной дороги, высказал и свои соображения, что в этом отношении надлежит обратить особое внимание на скорейшее сооружение линии от Омска до Ташкента, которая, по его мнению, может открыть «новый большой район для заселения», а также может обеспечить среднеазиатский рынок дешевым сибирским хлебом, благодаря чему у России появится реальная возможность расширить (за счет зерновых посевов) «разведение хлопка в Средней Азии». Извлечения из этого отчета, содержавшие вышеприведенные доводы статс-секретаря С. Ю. Витте, были опубликованы. Именно с этого момента вопрос о сооружении железнодорожной линии, соединяющей Средне-Азиатскую и Сибирскую железные дороги, получает новое направление в обсуждении данной проблемы. Иначе говоря, в правительственных сферах был «открыто и твердо» поставлен вопрос о необходимости скорейшего железнодорожного строительства в указанном направлении. Это обстоятельство, естественно, не могло пройти бесследно не только в правительственных сферах, но и в целом в стране, особенно после опубликования вышеупомянутого отчета С. Ю. Витте: в министерство финансов начали поступать ходатайства от правительственных ведомств и частных предпринимателей о предоставлении концессий на сооружение железнодорожной линии Омск — Ташкент. В числе первых таковые поступили от Омского купечества и Нижегородского ярмарочного комитета [2, л. 4об.].

После них поступили ходатайства (начиная с 1902 г.) от многих сибирских городов и их городских дум, а также от биржевых комитетов о предоставлении им права железнодорожного строительства в Западной Сибири. Их обсуждение началось не только в городских думах и комитетах, но и на страницах местной и центральной печати.

В связи с этим, нельзя не сказать и о мотивах, которыми сопровождалась ходатайства о строительстве той или иной железнодорожной линии. Это особенно проявилось в ходе обсуждения железнодорожной ветки, которая была призвана соединить Туркестан с Сибирской железной магистралью. Так, при обсуждении вопроса, связанного с этим направлением дороги, начиная с 1903 года, неизменно на первое место ставились

вопросы стратегического характера, диктовавшие необходимость соединения Туркестана с Дальним Востоком. Обсуждая эту немаловажную внешнеполитическую проблему, Министерство финансов поставило на обсуждение Особого Совецания (под председательством Императора) и вопрос о строительстве, не менее важной в стратегическом отношении, железнодорожной линии восточного направления Ташкент — Томск. Забегая вперед, скажем, что впоследствии эта идея будет реализована в проекте инженера Юговича: томское направление возьмет свое начало «у ст. Поломошная (одной из станций Ташкентской железной дороги — Чимкент — Аулиэата — Пишпек — Верный — Сергиополь — Семипалатинск — Барнаул — Сибирская железная дорога» — А. З.) [3, с. 37].

В процессе обсуждений поступивших в правительство ходатайств и предложений, в 1903 г. из Управления военных сообщений, которое располагалось в Петербурге, при Главном штабе военного министерства, в штаб Сибирского военного округа, находившийся в г. Омск, был прислан железнодорожный проект, разработанный известным инженером Л. И. Юговичем. При рассмотрении представленного им проекта, штаб Сибво признал, что в интересах военного ведомства, более предпочтительным для него будет железнодорожная линия на предполагаемой линии Туркестан — Алтайская железная дорога, которая будет соединяться с Сибирской магистралью не на станции «Поломошная», как это проектирует инженер Л. И. Югович, а на станции «Обь» (в последующем г. Новониколаевск, а ныне — г. Новосибирск — А. З.). Свое «пожелание» по направлению «Ташкент — Семипалатинск — Барнаул — Обь», штаб Сибирского военного округа мотивировал достаточно подробно и аргументировано. «Оно» было внимательно изучено Генштабом и признано «заслуживающим внимания». Именно на этом основании в 1903 г. впервые появился проект, содействовавший впоследствии рождению современной Алтайской железной дороги.

Пока же, в марте 1903 года, продолжалось обсуждение проектов строительства железнодорожных линий, поступающих в разные правительственные инстанции, которые не были обойдены вниманием иностранных государств и фирм. Особенно интересовали тех и других «южные проекты» железнодорожных линий. Особую заинтересованность ими проявляли представители иностранного капитала, в лице банкирского дома «Морган и Джелибранд в Лондоне». На их запрос о готовности «Дома» заняться осуществлением проекта Туркестано — Сибирской железной дороги, Министерстве финансов ответило, что оно готово рассмотреть представленную банкирами «заявку», но без каких-либо, со своей стороны, конкретных предложений. Последние сразу же согласились с ответом, последовавшим от русского правительства.

Подобная «расторопность» банкирского дома «Морган и Джелибранд в Лондоне», а также настойчивая заинтересованность западных финансистов, естественно, насторожила русское правительство. Это обстоятельство понудило его серье-

езнее заняться проработкой вопроса о строительстве Туркестано-Сибирской железной дороги. В силу этого, он стал чаще и предметнее обсуждаться в правительственных сферах. Особенно внимательно он был изучен Министерством финансов. Так, в справке «О железных дорогах, намечаемых к сооружению», составленной им в июне 1903 года, которая была затем обсуждена на заседании Особого Сопровождающего под председательством Императора, главное внимание было уделено именно вопросу о строительстве этой железной дороги.

В то же время заявки и предложения на строительство Туркестано-Сибирской железной дороги продолжали поступать в правительство. В 1903 году одна из них поступила в Министерство финансов от инженера Л. И. Юговича. В своем предоставлении он ходатайствовал «о даче ему концессии» на строительство Туркестано — Сибирской железной дороги, которая брала свое начало от одной из станции Оренбург — Ташкентской железной дороги и направлявшейся на Чимкент — Аулиеата — Пишпек — Сергиополь — Семипалатинск — Барнаул, с последующим примыканием к Сибирской железной дороге около ст. Поломошной. В том же году в разные правительственные ведомства поступили ходатайства на «изыскание и последующее строительство» этой же линии — от железнодорожной станции Поломошной до Барнаула — подполковнику А. Н. Иванову и подполковнику А. М. Маркевичу. Они же просили дать им разрешение на учреждение общества для постройки и эксплуатации железной дороги от ст. Поломошная до Барнаула, а если возможно и далее до Семипалатинска или даже до Ташкентской железной дороги.

Однако «ходу» всем этим ходатайствам, Министерство финансов не дало. Но это не остановило просителей, в частности, Л. И. Юговича, который в 1904 году возбудил очередное свое ходатайство. Встретившись с основательной проработкой «сего вопроса», Министерство финансов

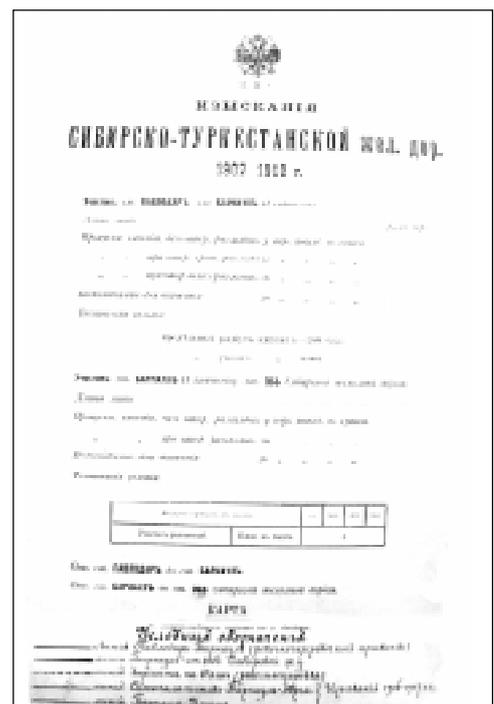
вступило с ним в переговоры относительно главных условий строительства проектируемой дороги. В ходе их оно расставило все точки над «i», а сделав это, Министерство финансов сочло возможным предоставить право ходатаю на реализацию своего проекта относительно строительства Туркестано-Сибирской железной дороги, правда, со значительными «поправками», которое сделало правительственное ведомство. Их и предложенные Минфином условия были приняты Л.И. Юговичем и с незначительными изменениями были Эти условия положены инженером в основу переговоров с английскими капиталистами [2, л. 5].

Изменение (в лучшую сторону для России — А. З.) в 1905 году внешнеполитической ситуации на южных рубежах страны, позволило русскому правительству ослабить доминировавшие в вопросе, связанном со строительством железной дороги Туркестан-Сибирская железная дорога, «стратегические аспекты» и одновременно с этим усилить «коммерческие интересы». Именно тогда получила право на жизнь идея соединения — кратчайшим путем — Туркестана с северо-западными направлениями, в частности, с портами Балтийского и Белого морей [3, с. 37].

В январе 1905 г. известные российские предприниматели С. И. Мамонтов, И. А. Ромейко-Гурко, А. И. Антонович и А. Н. Александров обратились в Министерство финансов с предложением относительно строительства железной дороги Поломошная — Ташкент, представив при этом сертификат одного из Лондонских кредитных учреждений «на предмет реализации необходимых для осуществления этого предприятия средств». Таким образом в Министерстве финансов собралось несколько предложений различных групп предпринимателей относительно осуществления проекта создания Туркестано-Сибирской железной дороги, которой Министерство финансов придавало очень большое значение.

П. А. Столыпин и А. В. Кривошеин в Славгороде
осенью 1910 г.

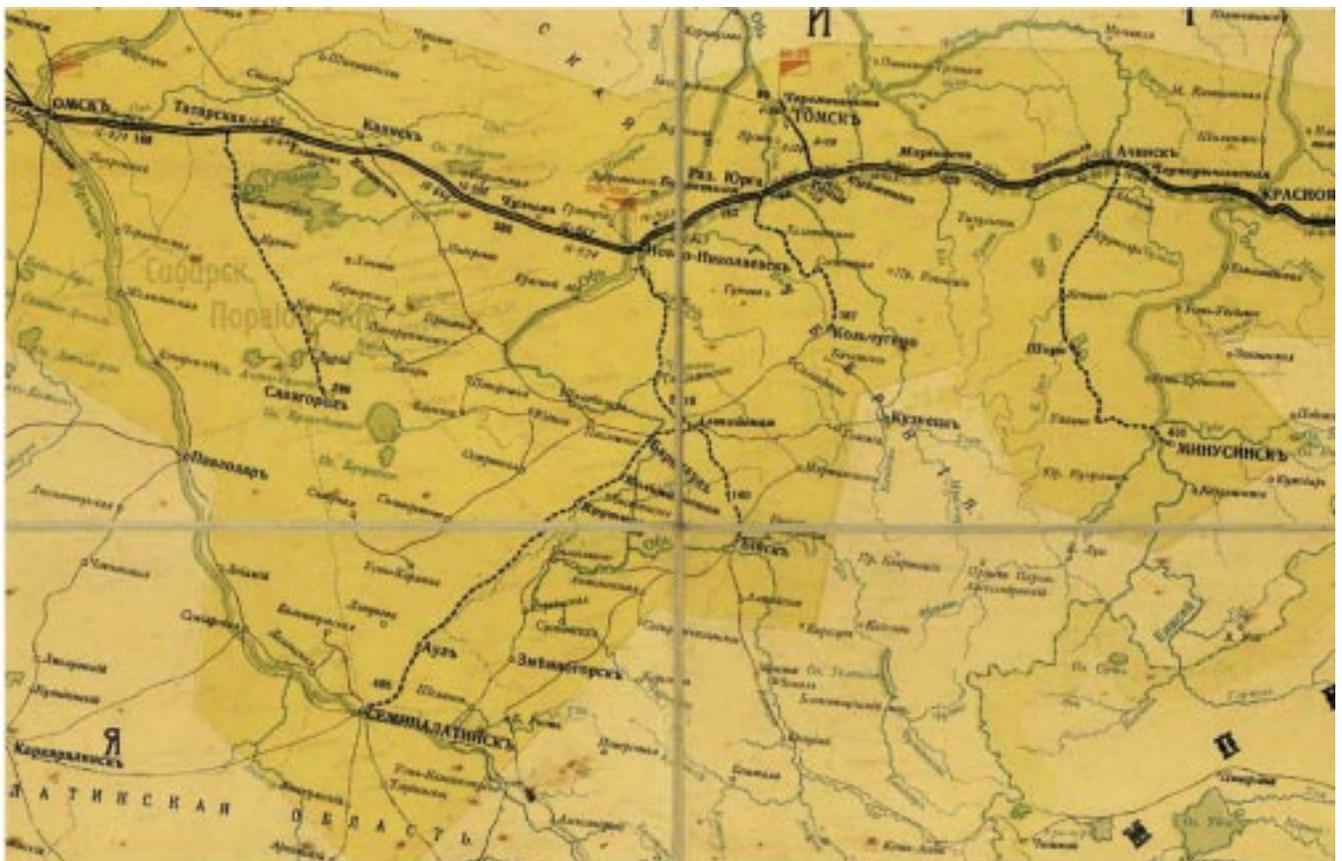

Съезд представителей городов Западной Сибири и Степного края, состоявшийся в СПб. в 1909—1910 г. по вопросу железнодорожного строительства

В виду этого, по распоряжению последнего, был сделан соответствующий запрос ко всем предпринимателям, которые выступили с предложениями, о том, продолжают ли они поддерживать ранее заявленные ими предложения. От всех этих лиц, за исключением барона Сердобина (который не был разыскан, несмотря на все принятые меры), был получен утвердительный ответ. При этом барон В. П. Рокасовский, ставя во вторую очередь

ранее проектированные им линии (Уральск — Семипалатинск и Тургай — Магнитная), взамен линии Тайга — Верный включил в состав своего предприятия линии: 1. Барнаул — Верный — Ташкент, 2. Барнаул — Омск, 3. Барнаул — Минусинск — Нижнеудинск. Таким образом, с 1905 г. г. Барнаул стал проектироваться, как узловой центр на всех проектируемых направлениях предполагаемого строительства железнодорожных линий.

*Железные дороги в Алтайском округе в 1914 г.
(Фрагмент карты)*

Важным шагом для начала строительства данных «соединительных железных дорог», стало принятие 10 июня 1905 года законоположения «О мерах привлечения частных капиталов в деле железнодорожного строительства в России» [4, ст. 1076]. Рассмотрев с этих позиций все имеющиеся проекты, «Комиссия о новых железных дорогах» признала проект строительства Алтайской железной дороги, представленный инженером Л. И. Юговичем, «преждевременным» и отклонила его. Однако это обстоятельство не охладило пыл городской думы г. Барнаула. В 1905 году она ходатайствовала о соединении своего города железной дорогой с Тюменью и Тобольском. Такое решение вопроса было очень выгодно для Барнаула, поскольку хлебные грузы в значительной степени вывозились с Алтая через Тюмень. Помимо этого проекта обсуждался также вариант строительства железной дороги Омск — Павлодар — Барнаул — Бийск — Чуйский тракт. В том же году были проведены и первые изыскания по строительству железнодорожной линии Кольчугино — Мошково (211 верст). С этой идеей выступил (по своей инициативе) инженер А. Н. Перцов — контрагент Главного управления Алтайского округа по эксплуатации Кольчугинских угольных копей.

В связи с принятием законоположения от 10 июня 1905 года, от сибирских городов стали «возбуждаться» новые ходатайства о разрешении частным лицам образовывать общества для строительства и эксплуатации, железных дорог. Из числа представителей, проявивших «частную инициативу» можно выделить следующих ходатаев:

1. Купец Деров (г. Павлодар, необходимые изыскания проводил инженер Адрианов). Для реализации своего проекта, он образовал общество «Омск — Павлодарской железной дороги», а также общество (совместно с компаньоном — Бродским) «Тюмень — Омск — Павлодар — Семипалатинской железной дороги». Намеревался заявитель заняться и строительством Омск — Павлодарской — Семипалатинской железной дороги с веткой от Павлодара до Барнаула;

2. Подполковник А. Н. Иванов, статский советник А. П. Попов, действительный статский советник, инженер путей сообщения Ф. Ф. Докс (г. Барнаул, г. Новониколаевск). Заявители планировали построить железную дорогу Юрга — Барнаул — Семипалатинск, а также Новониколаевск — Барнаул — Семипалатинск с веткой на Бийск;

3. Инженер А. Н. Перцов. В его проекте была железная дорога Кольчугино — Мошково;

4. Иностранные компании совместно российскими предпринимателями, намеревавшиеся построить железную дорогу Уральск — Оренбург — Акмолинск — Семипалатинск;

5. Инженер Денисов, предлагавший осуществить строительство железнодорожной ветки Челябинск — Троицкий.

Все вышеназванные проекты были рассмотрены на заседаниях «Комиссии о новых железных дорогах» при Министерстве финансов проекты. Ее решения по ним были таковы: проекты Дерова и Перцова были признаны «желательными», но дальнейшего продвижения они не получили, т.к.

встретили протест жителей алтайских городов (Барнаул, Бийск), Новониколаевск и Семипалатинск, подавшие протесты в Министерство финансов, Министерство путей сообщения и Министерство двора. В силу этого, правительство решило отложить решение этого вопроса до осени 1910 г.

А тем временем проекты дорог продолжали поступать. В 1906 году были получены проекты строительства железнодорожной линии Туркестан — Сибирской железная дорога к примыканием к Сибирской магистрали в шести пунктах (станциях): 1. «Итат», 2. «Мариинск», 3. «Тайга», 4. «Поломошная», 5. «Мошково», 6. «Омск».

Их появление, естественно, заинтересовало правительство. Поэтому осенью 1907 года в Западную Сибирь была командирована партия правительственных инженеров для изыскания кратчайшего направления Барнаул — Новониколаевск (225 верст) с пунктом примыкания около станции «Обь». В поддержку этого направления, естественно, развернулось движение городских общественных управлений и ведомств алтайских городов.

В 1908 году Новониколаевским городским общественным управлением была разработана «Экономическая записка к проекту Алтайской железной дороги Барнаул — Обь, опирающаяся на результаты изысканий 1907 года, проводившихся в связи строительства железной дороги Туркестан — Сибирская железная дорога» [5, л. 143-148об].

Под напором представителей местного самоуправления вопросы нового железнодорожного строительства стали подниматься и в Государственной Думе. Так, на ее заседании 4 июня 1908 года был рассмотрен вопрос о строительстве Туркестан — Сибирской железной дороги.

Особенно активно ратовала за строительство железной дороги общественность г. Барнаула. 10 марта 1908 года его городским головой избран купец М. И. Страхов, горячий сторонник осуществления проекта постройки Алтайской железной дороги. С этой целью, он неоднократно выезжал в Петербург для обсуждения проектов строительства дороги в Кабинете Е. И. В. и различных министерствах. В декабре 1908 года на заседаниях специальной комиссии барнаульской городской думы под председательством М. И. Страхова рассматривался вопрос о соединении г. Барнаула с Сибирской железной дорогой. В работе комиссии по железнодорожным вопросам принимали участие местные гильдейские купцы и предприниматели. Комиссия единогласно признала, что для Барнаула самым выгодным является проект железной дороги по направлению Новониколаевск — Барнаул — Семипалатинск, с веткой к Кольчугинским угольным копиям.

Еще раньше, в ноябре 1908 года, в г. Бийске, гласные местной думы единодушно высказались строительство железной дороги в направлении Новониколаевск — Барнаул — Семипалатинск, с веткой на Бийск [6, л. 183].

В январе 1909 г. в г. Барнауле состоялось очередное собрание предпринимателей Новониколаевска, Барнаула и Бийска, на котором было рассмотрено три варианта проведения Алтайской железной дороги: 1. Тайга — Барнаул, 2. Омск — Павлодар — Семипалатинск, с веткой на Павло-

дар — Барнаул, 3. Новониколаевск — Барнаул — Семипалатинск, с веткой ст. Алтайская — Бийск.

На этом собрании представители Барнаула, Бийска и Новониколаевска приняли единодушное решение: ходатайствовать перед правительством о строительстве Алтайской железной дороги по третьему варианту. В адрес Председателя Совета министров П. А. Столыпина, министра путей сообщения, министра финансов и управляющего Кабинетом Е. И. В., были направлены телеграммы следующего содержания: «Соединенное собрание трех главнейших городов Алтая: Барнаула, Бийска и Новониколаевска единогласно постановило признать проектируемую дорогу в направлении Семипалатинск — Обь с веткой Павлодар — Барнаул, не отвечающей интересам края. Города ходатайствуют о проведении дороги Семипалатинск — Барнаул — Новониколаевск, с веткой на Бийск. Представители городов выехали в Петербург, просили допустить их в Комиссию Департамента железнодорожных дел по обсуждению этого вопроса» [7, л. 15].

Летом 1909 г. межведомственная комиссия под председательством инженера О. А. Струве была командирована в Сибирь и Среднюю Азию для изучения местных экономических условий в районе проектируемой новой железной дороги. На основании подробного изучения экономической жизни и производительных сил окраины, комиссия пришла к заключению, что миллионные затраты и ежегодные приплаты совершенно не оправдываются необходимостью сооружения проектируемой дороги. Местные условия показывают, что путем постройки ряда подъездных путей к Сибирской и Средне-Азиатской дорогам, можно с пользой и успехом содействовать успешному развитию этого громадного и богатого по природе района [8].

Параллельно с правительственными изысканиями, имевшими целью выяснить наиболее целесообразный план железнодорожного строительства в Сибири и Семиречье, вопрос о проектируемых здесь дорогах стал, как уже упоминалось выше, также предметом горячих обсуждений городских и общественных учреждений Сибири, представивших в правительственные учреждения свои записки и ходатайства.

В месте с оживившимся интересом на местах к вопросу о сооружении железной дороги, соответствовал этому и рост предложений со стороны частных лиц об их постройке. Так, к 1909 году в правительственные учреждения поступили заявления от 11 различных групп предпринимателей, которые ходатайствовали о концессии на постройку железных дорог на Алтае, Семиречье и южной части Сибири от Уральска до Семипалатинска. Все эти предложения, естественно, подверглись самому внимательному обсуждению при участии представителей всех Министерств, заинтересованных городов и общественных учреждений. Были выяснены не только населенность, экономические условия районов, через которые пройдут намеченные дороги, но и подсчитаны ожидаемый грузооборот и рентабельность [9, с. 551].

С 20 октября 1909 г. по 1 апреля 1910 г. в Петербурге работала межведомственная комиссия

по строительству новых железных дорог. Для работы в ней были приглашены представители с мест, в том числе и жители алтайских городов наиболее заинтересованные в проведении железной дороги. В их составе в столицу, в качестве защитников общего проекта прибыли: от г. Новониколаевска — городской голова — В. В. Жернаков, инженер-строитель — С. Ф. Дунин-Марцинкевич, юриконсулт — Г. И. Жернаков, от г. Барнаула — городской голова — М. И. Страхов и П. В. Орнатский, от г. Бийска — городской голова — Т. И. Кузьмин и инженер — Б. Н. Ковачев, от г. Семипалатинска — городской голова — П. Ф. Плещеев.

В ходе работы «Комиссии о новых железных дорогах» делегатам алтайских городов удалось в упорной борьбе (с представителями Омска и Томска) отстоять проект железной дороги «Новониколаевск — Барнаул — Семипалатинск, с веткой на Бийск». Однако окончательное решение о ее было отложено. Получил поддержку данный проект и в Совете Министров, но через Государственный Совет он, к сожалению, представителей Алтая, пройти не смог.

Ситуация по данному вопросу окончательно разрешилась только после визита (в начале осени 1910 г. — А. З.) премьер-министра П. А. Столыпина и Главноуправляющего землеустройством и земледелием А. Е. Кривошеина на Алтай. Во время своей поездки в Сибирь, глава российского правительства не раз отмечал, что «новые железные дороги в Сибири — это наша главная нужда» [10, с. 125]. Именно поэтому его все подготовительные работы по рассмотрению проектов дорог были выполнены (по его указанию) «с возможной быстротой». Именно так был выработан план создания железнодорожной сети на окраинах страны, всецело приспособленный к потребностям колонизации окраинных, пока еще отсталых в экономическом отношении районов. Все разрешенные к постройке и намеченные к сооружению рельсовые пути в Сибири можно подразделить (по их значению) на три группы:

1. Южно-Сибирская железная дорога;
2. Подъездные пути к Сибирской железной дороге (с юга и севера);
3. Железнодорожные линии для вывоза товаров из Европейской России в Монголию и Китай.

Если говорить о железной дороге, проектируемой на Алтае, то она всецело соответствовала критериям любой из вышеперечисленных групп [11, л. 37]. 10 февраля 1911 года Совет Министров принял решение о строительстве Алтайской железной дороги Новониколаевск — Барнаул — Семипалатинск, с веткой на ст. Алтайская — Бийск.

В том же году был окончательно решен правительством вопрос и о сооружении (на частные средства) железнодорожной линии, прорезывающей Алтайский округ в направлении от Новониколаевска на Семипалатинск. Затем последовало очередное утверждение строительного плана и в отношении других железных дорог через территорию Алтая. Так, 29 апреля 1911 года было принято правительственное решение о передаче строительства Алтайской железной дороги в руки частной компании, для чего в 1912 году был

утвержден Устав «Общества Алтайской железной дороги» [12, с. 55], а в августе того же года — учреждено акционерное «Общество Алтайской железной дороги» с основным капиталом 7,2 млн. руб. Председателем его стал Я. И. Утин, а его заместителем — Д. И. Дурново. Цель общества

была одна — постройка и эксплуатация железной дороги. 1 июня 1913 года начались работы по сооружению Алтайской железной дороги. Однако до ее пуска было, как покажет жизнь, было еще очень далеко.

Библиографический список

1. Очерк проектов железнодорожного строительства в Сибири // Сибирский торгово-промышленный календарь на 1910 г. СПб., 1910. Разд. 2.
2. Центр хранения архивного фонда Алтайского края (ЦХАФ АК). Ф. 4. Оп. 1. Д. 2740.
3. Очерк проектов железнодорожного строительства в Сибири // Сибирский торгово-промышленный календарь на 1910 г. СПб., 1910. Разд. 2.
4. Указания и распоряжения Правительства. №122.
5. Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. Д-97. Оп. 1. Д. 64.
6. ЦХАФ АК Ф. 4. Оп. 14. Д. 27.
7. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 468. Оп. 25. Д. 126.
8. «Речь». 15 августа 1909 г.
9. Азиатская Россия. Том II. Земля и хозяйство. Издание Переселенческого управления Главного управления землеустройства и земледелия. — СПб., 1914.
10. Записка председателя Совета министров и главноуправляющего землеустройством и земледелием о поездке в Сибирь и Поволжье (Приложение к всеподданнейшему докладу).
11. ЦХАФ АК Ф.4. Оп.1. Д. 3315. Л. 34.
12. Устав Общества Алтайской железной дороги: [Утв. 28 мая 1912 г.]. — СПб., 1912.

Бийский педагогический государственный университет им. В. М. Шукшина
Получено 07.07.09.

A. A. Zavaylov

THE ELABORATION OF PROJECTS RAILWAY OF CONSTRUCTION AT ALTAI IN END XIX-BEGINNING XX CENTURIES: THE STATE POLITICS AND THE PRIVATE INITIATIVE

In article, On the basis archive of materials, throw light the process the elaboration of projects railway of construction at Altai in end XIX—beginning XX centuries: the state politics and the private initiative.

Russian state, the economic development of country, railway construction, state department, private employers

УДК 902

T. B. Захарова

ИЗ ИСТОРИИ СТАНОВЛЕНИЯ СОВЕТСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ГОРНОМ АЛТАЕ

В статье рассматриваются предпосылки формирования культурного облика Горного Алтая к моменту образования Ойротской автономной области, определяются основные черты развития национальной культуры.

национальная культура, преобразование, просвещение

Начало культурному строительству в Горном Алтае было положено еще в 1917 г. На проходившем в июле 1917 г. съезде инородцев его делегаты наметили программу развития культуры и народного образования алтайцев. «Речь шла о ...развитии художественного творчества, музыки, организации народных театров и воскресных чтений...издательской деятельности и т.д. Поступило предложение организовать при Алтайской Горной Думе книгохранилище, где были бы сосредоточены все документы и литературные материалы, характеризующие природу и климат Горного Алтая, материальную, духовную и прочие стороны жизни алтайцев» [1, с. 109].

Излагая намеченную программу культурного развития, член Горной думы В. Манеев писал: «При существующих условиях неорганизованности, материальной и духовной бедноте населения трудно выполнить эти задачи, возложенные на Алтайскую Горную думу, когда единственным рас-

садником культуры на Алтае являлось почти одно катехизаторское училище...» [1, с. 109]. Горной Думе принадлежит заслуга и в деле возрождения национальной культуры и в подъеме исторического самосознания народа. Она тогда сделала заказ исследователю Алтая Н. С. Гуляеву написать «Историю Алтая и алтайцев». В дальнейшем Дума приобрела у семьи Гуляевых богатую библиотеку и минералогическую коллекцию, археологические экспонаты, которые явились основой создаваемого областного краеведческого музея» [2].

Существенную помощь в развитии культуры в Горном Алтае должны были оказать художественная мастерская и типография. Для решения вопроса о развитии алтайской школы был подготовлен ряд проектов, успешное претворение которых в жизнь дало бы столь необходимые для школы учебные пособия. В числе этих проектов были подготовлены материалы к следующим изданиям: «художественная иллюстрированная азбука на алтай-

ском и русском языках», «алтайские древности и культуры алтайцев». Исполнить этот заказ должно было вновь образованное издательство «Золотое Солнце — Алтын Кюн». Издателями указанных работ являлись Каракорум Алтайское земство, Алтайский национальный комитет, Алтайская колония художников и писателей [3, л. 45].

В 1920 г. задача «культурного строительства» была возложена на отдел народного образования. Последний начал свою работу 10 марта 1920 г., в виде отделения Бийского Отдела народного образования. В его функции, зафиксированные во временном «Положении о районных отделах народного образования», входило «...осуществление всеобщей грамотности, организация общественно-трудового воспитания, распространение просвещения и содействие развитию среди населения инициативы и самостоятельности в деле народного образования» [4, л. 52].

В первое время, из-за отсутствия профессиональных кадров, говорилось в отчете отдела, «пришлось прикомандировать к отделу временных работников из местного учительства, которые, к сожалению, не были в состоянии исполнять возложенные на них задания... Пришлось выслать особых уполномоченных для приглашения служащих... С конца июня месяца приглашенные лица начали прибывать и в последнее время работа по народному образованию начала разворачиваться...» [4, л. 19]. В этом же году сотрудниками отдела были предоставлены первые сведения о сети культурно-просветительных учреждений: в уезде было зарегистрировано 24 культурно-просветительских общества, 15 библиотек-читален (кроме центральной) и 10 театров со сценами [4, л. 19].

С целью культурно-массовой работы среди алтайцев при ревкоме был образован подотдел национальных меньшинств под руководством И. С. Алагызова (вместе с ним в отдел входили М. П. Сельминский, В. М. Коротков, Н. А. Угрюмов, П. А. Строев, П. Ф. Сыкыков, А. П. Бурганов). В докладной записке подотдела о дальнейших перспективах работы в 1925 г. говорилось: «Алтайцы более, чем русские нуждаются в просвещении... Нужно немедленно приступить к искоренению тьмы, невежества и грязи у алтайцев посредством просвещения их различными путями...» [5, л. 33]. Эти вполне четко сформулированные цели и легли в основу дальнейшей работы подотдела.

Однако просветительная работа с населением и проведение незначительных мероприятий не могли снять основные экономические, социальные и культурные проблемы. Было решено открыть при Горно-Алтайском ревкоме следующие отделы: управления, земельный, народного образования, труда и социального обеспечения, народного хозяйства, комиссариат продовольствия и отдел здравоохранения.

С целью поднятия культурного уровня населения, оргбюро РКП(б) и ревкомы вплотную занялись созданием сети библиотек, клубов, изб-читален. Но трудность заключалась в том, что на всей территории Горного Алтая не было ни одного пригодного помещения. Ревкомы начали рабо-

ту с организации культурно-просветительных обществ, которые выбирались на волостных собраниях при участии представителей ближайших сел и урочищ. В августе 1920 г. таких обществ было 24, в 1921 г. — уже 28 [5, л. 6]. Общества активно включались в кампанию по открытию клубов, народных домов, изб-читален [6, л. 137].

Большую работу в этом плане проводили народные дома, ставшие центром культурной работы. Они должны были стать «крестьянскими клубами для отдыха, разумного развлечения и широкого просвещения как общего, так и коммунистического...» [7, с. 60]. В них выступали лекторы и докладчики с сообщениями о международной и внутренней жизни, проводились громкие читки газеты, собрания и митинги. При народных домах открывались библиотеки, ставились спектакли. Только в первом полугодии 1920 г. в 10 народных домах состоялось 100 спектаклей, которые посетило более 36 тыс. зрителей [8, с. 117].

В основе резкого увеличения сети культурных учреждений лежали две основные причины. Первая — энтузиазм населения. На волне этого порыва и возникали многочисленные культурные очаги. Помощь государства — второе решающее условие.

Период с 1917 по 1921 гг. отличался не только значительными количественными изменениями, но и тем, что тогда было начато внедрение новых методов и форм культурного строительства. Были намечены грандиозные планы. Однако сбыться им в ближайшее время не пришлось. Начавшаяся гражданская война временно прервала ход «культурной революции». Кончился период военного коммунизма, началась новая экономическая политика. Вместе с ней, началась и новая полоса культурной жизни, отмеченная коренным изменением материальных условий, перестройкой организационной структуры, возникновением новой идеологической ситуации.

Новая тактика Советской власти предполагала использование гораздо более тонких и гибких методов борьбы, что, в свою очередь, поставило задачу подготовки кадров, повышения их культурного уровня.

Важность этой проблемы стала более ясной после года осуществления новой экономической политики. Мысль о величайшей роли культуры, понимаемой в самом широком смысле, проходила красной нитью через все выступления В. И. Ленина на XI съезде РКП(б). На вопрос, чего нам не хватает, если в руках политическая власть и основная экономическая сила, В. И. Ленин отвечал: «Ясное дело, чего не хватает: не хватает культуры тому слою коммунистов, который управляет». Культуры, говорил он далее, не хватает огромной массе хозяйственников и работников государственного аппарата, а без овладения культурой нам не «вылезти из отчаянной нужды и нищеты». И если мы не поймем, что нам надо учиться с азов, то мы «ни в коем случае не решим экономической задачи, которая стоит сейчас в основе всей политики» [8, с. 478-480].

Переход к новой экономической политике означал коренное изменение не только принципов

хозяйствования. Столь же коренным изменениям должны были подвергнуться и методы руководства во всех областях жизни, в том числе и культурной.

В условиях гражданской войны культурная работа была пронизана общим духом так называемой «военно-коммунистической идеологии». Всесторонняя и углубленная воспитательная работа отступила на задний план перед задачами военной с присущими для ее решения агитационными методами и построенными в значительной мере по военному образцу формами организации.

Задача возрождения хозяйства и укрепления советской системы на рельсах НЭПа могла быть выполнена только с помощью совершенно иных методов — методов оживления общественной жизни на основе убеждения в правильности нынешней партийной политики. Поэтому первый пленум ЦК РКП(б) в обращении к коммунистам подчеркнул: «К массам — вот главный лозунг X съезда». Осознание особой роли культурной работы нашло подкрепление и в резолюции X съезда РКП(б) «О Главполитпросвете и агитационно-пропагандистских задачах партии». Обращает на себя внимание установка на ударность снабжения работников Главполитпросвета и всех его аппаратов и перевод на политико-просветительную работу достаточного количества ответственных и опытных партийных работников [9, с. 326, 357].

В конце 1921 г. положение круто изменилось. В это время по всей стране с особой силой начинают сказываться последствия военных событий. Естественная, в тех условиях, линия работы «на износ», когда удовлетворение культурных потребностей осуществлялось, как правило, не путем постройки новых зданий и т.п., а путем эксплуатации существующего и «подчистки» запасов. Материальная база культуры оказалась на «пределе изношенности» и требовалось немедленно решать: или увеличить ассигнования на укрепление и развитие этой базы, или сокращать масштабы культурной работы и концентрировать оставшиеся силы и средства на работе важнейших культурных учреждений [9, с. 56]. Словом, культурный фронт в то время оказался в полосе финансового кризиса.

Горный Алтай в эти годы не был исключением в этом плане. Более того, материальные трудности сказались здесь особенно сильно, поскольку вся система культурных учреждений находилась в «зародышевом состоянии». Согласно постановлению Совнаркома РСФСР от 15 сентября 1921 г. «О мерах по улучшению снабжения школ и других просветительных учреждений», все культурные учреждения деревни снимались с государственного снабжения и переводились на местное.

Этот переход осуществлялся с большими трудностями. Осенью 1921 г. была разработана инструкция о применении местного снабжения в сельских местностях, в которой подчеркивалась задача широкой разъяснительной работы о необходимости самообложения. Партийным и комсомольским организациям предлагалось принять в этой работе энергичное участие. Далее говорилось об установлении определенных норм обло-

жения, порядке раскладки и взимания продуктов. Именно в это время на страницах газеты «Ойротский край» все чаще звучат призывы к населению о самообложении.

Начало в 1921 г. постепенных и умеренных изменений способствовало развертыванию противоречивой культурной политики, сочетавшей репрессии по отношению к «уклонистским» идеологиям, с относительным нейтралитетом применительно к художественному творчеству и литературе (конечно, не антимарксистских по содержанию) и, по-прежнему, принудительным просвещением масс, менее догматичным, но быстро ставшим и менее «эффективным».

В одном из главных документов того времени — циркуляре Сиббюро ЦК РКП(б) «О работе в деревне» (от 1922 г.) давалась программа деятельности по сохранению культурной работы. Сиббюро подчеркивало, что партийные ячейки должны быть в центре этой работы, инициативой и личным примером воздействуя на беспартийных [10, с. 74-75].

С образованием в 1922 г. Ойротской автономной области важным вопросом внутренней политики РКП(б) стала работа среди женщин. Главной задачей в этом направлении партия считала «извлечение» женщин «из узкого круга домашних, семейных отношений, привлечение их к непосредственному участию в общественном производстве» [17, с. 548]. 22 февраля 1920 г. в «Правде» была опубликована статья В.И. Ленина «К женщинам — работницам». Как лозунг партии в ней было провозглашено: «Пролетариат не может добиться полной свободы, не завоевывая полной свободы для женщин». В статье намечались конкретные пути решения женского вопроса. Предлагалось «втягивать» женщин в работу советского хозяйства, законодательство, правительственную работу, открыть им двери учебных заведений, а также переложить хозяйственные и воспитательные функции на плечи общества [12, с. 158].

Для решения поставленных задач партия изменяла разнообразные формы и методы работы, используя средства массовой информации и пропаганды, культурно-просветительские учреждения. В печати появилось множество материалов, посвященных культурной работе среди женщин, повышению их образовательного уровня, привлечение к общественной работе.

Основной формой работы среди женщин стали делегатские собрания. В Горном Алтае такая работа была начата уже в 1920 г. Первое собрание, в котором принято участие 70 женщин, состоялось в с. Шебалино [13, л. 1]. Аналогичные собрания были проведены в Чемальской, Шебалинской, Онгудайской, Туэктинской и Усть-Канской волостях. Делегатские собрания проводились не чаще одного раза в неделю и не реже двух раз в месяц. Делегатки участвовали в беседах о политике Советской власти, о правах женщин, о международной и внутренней обстановке, об очередных задачах, стоящих перед страной. Делегаток также привлекали к работе в хозяйственных учреждениях и организациях. Делегатки привлекали женщин к участию в «неделе ребенка», прово-

дили «санитарный день», «неделю беспризорника». С этой целью агитационно-пропагандистский отдел разрабатывал пособия для женских делегатских собраний, руководил подготовкой и переподготовкой работников среди женщин, организовывал освещение вопросов работы среди женщин в печати, обобщал опыт пропаганды и агитации среди женщин [14, с. 77].

В 1921 г. в с. Улала была создана первая женская уездная конференция, на которой присутствовало 180 делегатов, в том числе и женщины-алтайки [15, л. 5]. В ноябре 1922 г. в Улале была проведена областная беспартийная женская конференция. Главная ее задача — организовать женщин национальной окраины, включить их в активную не только общественно-политическую, но и культурно-просветительную работу. Собравшись вместе, женщины обсуждали задачи текущего момента, вопросы материнства и младенчества, ликвидации неграмотности и борьбы с пагубными привычками и традициями [15, л. 1].

Несмотря на то, что конференция была объявлена беспартийной, ее участниц напутствовал секретарь обкома партии П.Я. Гордиенко. Аймачные партийные конференции активно занимались созданием женотделов на местах и проводили конференции женщин. Всего в течение 1922 г. прошло 8 подобных конференций с охватом 523 женщин [16, л. 5].

В 1923 г. в области продолжилась работа по проведению делегатских собраний. Согласно Постановлению ЦК РКП(б) «О работе среди женщин» от 3 сентября 1923 г. «...работа делегатских собраний как основной формы привлечения женщин к общественно-политической жизни...должна быть систематизирована и углублена. Необходимо обратить внимание на связь делегатки с общей массой путем ее докладов на общих собраниях...Основным содержанием работы среди женщин являются поднятие их культурного и политического уровня...изучение вопросов быта и участие в работе по его изменению в направлении освобождения женщин от добавочной домашней работы...» [17, с. 138].

Такую работу в области возглавила заведующая женским отделом обкома партии К. И. Зыкова. На собраниях женщин избирали делегатов на один год. Уже в декабре 1923 г. было проведено 5 делегатских собраний и 12 волостных конференций женщин [18, л. 17]. Для работы среди кочевой части населения создавались кочующие делегатские собрания [18, л. 45]. В их составе были делегатки, знавшие алтайский язык, быт и нравы народа. В задачу кочующих делегатских собраний, помимо разъяснения государственной политики, входило знакомство кочевого населения с основами социалистического «быта», культурными достижениями, санитарно-гигиеническими знаниями. Работа делегатов была направлена на расшатывание патриархальных традиций и устоев, вовлечение женщин-алтаек в активную общественно-политическую жизнь. Приезжая, к примеру, в урочище, делегатки работали не только с женщинами, но и со всеми

жителями. Однако, несмотря на это, в 1922—1923 гг. работа среди женщин носила чисто организационный характер.

В 1924 г. в области делегатские собрания получили дальнейшее распространение, их программа уже включала в себя рассмотрение вопросов хозяйственного и кооперативного строительства, общественно-политического характера, положения женщины и вопросы «мировидения» [19, л. 262]. Было проведено (за исключением Улаганской и Кош-Агачской волостей) 139 сельских собраний, в работе которых приняли участие 3504 делегатки, в т.ч. 296 алтаек [13, л. 6]. В декабре 1925 г. состоялась Первая областная женская конференция. На ней присутствовало 27 женщин, в том числе 5 алтаек. В дальнейшем конференции и делегатские собрания стали проводиться регулярно. Если в 1926 г. было проведено 49 собраний, на которых присутствовало 980 делегатов, то в 1927 г. — 63 (с присутствием 1290 делегатов). Проводились беседы, собрания, посиделки, выпускалась литература (газета «Сибирячка» и «Крестьянская газета»). Именно пропаганде и печати в деле привлечения женщин в «общественное производство» отводилось первостепенное значение. В начале 1920-х годов в 104 центральных и местных газетах публиковались «Странички работницы». Кроме того, издавались журналы, предназначенные для женщин: «Коммунистка», «Работница», «Крестьянка». Большой популярностью среди женщин Сибири пользовался журнал «Красная Сибирячка» [20, л. 78].

Постепенно интерес к работе делегатских собраний проявляли женщины-алтайки. В 1925 г. делегатов из числа алтаек было 118, в 1926 г. — 161, в 1927 г. — 283 [21, с. 15, 55]. Из Уймона корреспондент Чернова сообщала, что «в Абае 30 делегатов, Катанде — 27. Все они аккуратно посещают собрания. Провели международный женский день». Ее коллега Мурина (из Усть-Кана) сообщила о том, что «в работе принимают участие 40 делегатов, проводятся беседы и собрания, ведутся кружковые занятия». Из Успенки поделилась своим мнением о работе корреспондент Селезнева: «Делегаток 33 человека, все из среды бедняков и середняков, два раза в месяц проводятся собрания, беседы. Работу среди делегатов ведут учительница и врач. Делегатки организовали три воскресника по уборке народного дома и интерната, поставили три спектакля. В составе делегатов есть алтайки, они активно включаются в работу, собираются открыть детские ясли, средства изыскивают от показа спектаклей, реализации продукции с огорода, сами заготавливают сено, дрова на продажу» [22, л. 1-14].

Проводя такого рода работу, организаторы отмечали об интересе женщин к ней. Они указывали, что женщин в урочищах, на беседу, собиралось от 4 до 10 человек. «Работа ведется среди алтаек по месту кочевания. Беседы проводились и вместе с мужчинами, и отдельно для женщин. Если собирали мужчин и женщин, то женщин приходило мало, потому что детей было не с кем оставить, многие боялись старших. Женщины охотнее собирались днем, когда все мужчины

разъезжались на работу. Особенно женщины любят плакаты с картинками. Им нравится иллюстрированный плакат, выпущенный Сибирским издательством «Всем вам, бабы, надо знать, как ребенка воспитать!». При проведении беседы о воспитании детей, женщинам оставляется плакат. Они долго рассматривают его и обсуждают тему беседы [23, л. 7-8]. Из Улагана сообщалось: «Женщины на беседу собираются охотно. На беседе они пассивны, но слушают внимательно. Автор указывал, что он побывал в самых отдаленных урочищах, на расстоянии 100 км от сельсовета, где о Советской власти еще никто не говорил и о таковой никто не знает. Женщины первоначально не приходили на беседы, а потом стали собираться. Беседы женщины воспринимают с пользой для себя [24, с. 131-132].

Значительную роль в культурном преобразовании жизни алтайцев играли клубы, избы — читальни, библиотеки, юрты — передвижки. Клубы должны были дополнять и развивать работу школ, театров, кино, радио, библиотек. Работники клубов проводили беседы, читки, снабжали жителей газетами и литературой. Каждый член, к примеру, Улагинского клуба руководил работой какого-нибудь кружка: драматического, музыкального и хорового, шахматного, кооперативного и т.д. Так, например, программа занятий кружков по домоводству состояла из двух частей: осенне-зимнего и весенне-летнего периодов. В первом периоде рассматривались вопросы состояния животноводства, зимнего содержания скота, домашнего хозяйства и кухни, домашнего рукоделия, вопросы медицины. Во втором — вопросы летнего кормления скота, полеводства, огородничества, заготовки и хранения овощей. В драмкружке состояло 40 человек, из них 14 были членами кружка «Живая газета», ими было подготовлено и поставлено 11 спектаклей, выпущено 4 номера «Живой газеты», продемонстрировано 13 фильмов [25, с. 335].

Получившая большую популярность «Живая газета» стала, в определенной степени, прямой предшественницей агитационно-художественных бригад. В 1920 г. «Правда» писала: «...взамен митингов, в значительной степени приехавших, в последнее время появляется другое средство агитации — это «Живая газета». Главное и неоспоримое ее достоинство заключается в том, что «Живая газета» — не обыкновенный печатный лист, непонятный неграмотному красноармейцу, рабочему, крестьянину, а подлинное живое слово, для всех понятное» [25, с. 20]. «Живая газета» считала своей главной задачей массовую пропаганду и агитацию, ее «театрализация» произошла не сразу, а постепенно. Сначала обычное громкое чтение газет монтировалось с художественными сценическими выступлениями, потом в помощь информации появлялся театрализованный текст — диалог, затем — иллюстрация движением — танец, физкультура, хоровая декламация, пение и, наконец, инсценировка.

Основой работы «Живой газеты» над местным материалом был так называемый каркас, то

есть заранее подготовленный сценарий с пропусками, которые заполнялись злободневными фактами. «Живая газета» не утратила своего значения и в последующие годы. Однако со временем стали проявляться и ее недостатки: в выступлениях преобладали схематизм, увлечение лозунгами, отход от образного отражения жизни. Злоупотребление «каркасом» приводило к штампу и однообразию [24, с. 21-22].

Итак, при народных домах и клубах уже в первые годы Советской власти проводилась большая политико-массовая работа, была широко развернута пропаганда теории марксизма-ленинизма, постановлений партии и правительства. Через клубы среди населения распространялись агрономические знания, информация о достижениях страны в области промышленности и сельского хозяйства, разъяснялись новые методы труда. Работники клубов спланировали вокруг себя актив из крестьян, особенно из коммунистов и комсомольцев. Так, например, в 1929 г. в Улагинском клубе было 11 членов правления, среди них 7 коммунистов [26, с. 335].

В условиях, когда большая часть коренного населения Горного Алтая вела кочевой и полукочевой образ жизни, важную роль в поднятии культурного уровня населения играли юрты — передвижки, занимавшиеся в первую очередь политическим, санитарным и культурным просвещением [27, л. 36]. В ее штат входили заведующий, врач или фельдшер, акушерка, киномеханик, инструктор по домоводству. С алтайками проводились беседы о вредности традиции обмена курительными трубками, о необходимости мыть посуду, белье, умываться с мылом, организовывались «показательные» стирки белья, учили печь хлеб, готовить пищу. Медик осуществлял осмотр жилищ и населения, оказывал медицинскую помощь, консультировал.

Юрты — передвижки широко использовали диафильмы, кинокартины, показывали «световые газеты» на местные темы. В их распоряжении имелись необходимый комплект художественной, политической и сельскохозяйственной литературы, швейные машины, патефоны.

Первая юрта — передвижка начала свою работу в Горном Алтае в 1924 г. Ее штат состоял из 2-3 человек (пропагандист, киномеханик, медик). В 1925 г. таких юрт было 3, в 1926 — 5, в 1927 — 11 [28]. Юрта — передвижка, к примеру, в Онгудайском аймаке начала свою работу 19 декабря 1926 г. «В первую очередь она стала обслуживать урочище Каярлык, — говорилось в заметке селькора газеты «Ойротский край», — алтайцы до прибытия юрты — передвижки не имели никакого представления о ее работе, но когда им разъяснили, что в юрте — передвижке можно ежедневно получать какую угодно справку, что в ней бесплатно напишут заявление или жалобу — потянулись граждане к юрте — передвижке... Здесь им напишут, что нужно и алтайцы удовлетворенные и радостные долго рассуждают, как это хорошо, что пишут бесплатно для них бедняков» [29, с. 60-61].

О работе юрты — передвижки в Усть-Канском аймаке в 1928 г. в докладе заведующего сообщалось: «...двадцатого июня юрта — передвижка с кинооператором, выставкой...направилась по самым глухим урочищам аймака. Юртой только с 11 по 17 сентября обслужено 8 сельсоветов, в них 18 урочищ и аймачный центр с близлежащими урочищами. По урочищам охвачено 1601 человек: мужчин — 1138, женщин — 463...» [30, с. 231-232].

Большую помощь в пропаганде нового быта среди женщин играли кочующие агитаторы, которые «побывали в самых глухих уголках области, проводили беседы и справочную работу и сумели завоевать симпатии алтайского населения» [29, с. 58]. В течение 2-3 месяцев они передвигались из одного селения в другое, проводили беседы. В одном месте агитаторы находились 2-3 дня, собирали население близлежащих селений для беседы. В 1925 г. отдел агитации и пропаганды Ойротского обкома ВКП(б) так характеризовал работу кочующих агитаторов: «это одна из гибких форм подхода к отсталому алтайскому населению, жившему на больших расстояниях от сельсоветов, изб-читален. Те населенные пункты, которые входили в круг кочующего агитатора, до настоящего времени не задевались никакой работой» [31, с. 251].

Довольно наглядно деятельность кочующих агитаторов видна из письма кочующего агитатора Ойротского обкома партии Филатова: «...[В течение]... месяца посетил 15 урочищ, провел 18 бесед, [которыми охвачено]... 324 чел. Из этого числа женщин — 122 чел., почти 50% [всех женщин, охвачено] в Улагане. Нужно отметить, что женщины охотнее собираются на беседу, если беседа проводится в свободное время от женских работ. Но женщина... в беседе является пассивной, но ...слушает с большим вниманием. Сейчас мне удалось объехать самые глухие пограничные урочища, где о Советской власти никто не рассуждал еще и о таковой никто не знает. Живут и не знают, что [это] за власть. От сельсовета отдалены за 100 и дальше верст. Были и такие случаи, [когда говоришь] теленгиту, чтоб женщин звал на беседу, то он с удивлением смотрит на тебя... Женщины, говорит, у нас никогда на собрания... не ездят... их никто не зовет. Когда говоришь, что женщина одинакова правами с мужчиной, то они удивляются этому... И вот соберешь таких дикарок и трактуешь им целый день, что женщина теперь равна... а когда им подаришь по плакату, то они рады... [что] не знают, что сделать с тобой, жмут тебе руки, сыплют бесчисленное число спасибо...»

Те плакаты о Международном дне 8 [марта], которые я взял...сослужили [большую службу]... После отъезда алтайка этот плакат приколачивает... рядом с иконами... Бывали случаи, что не хватает [плаката] одной — двум, то они умоляют... чтоб дал картинку о женщине... чуть не со слезами... [поэтому у меня просьба... выслать мне плакатов...]» [32, л. 9-11].

Несмотря на обширную организаторскую работу, активность женщин, особенно алтайских,

была низкой. Делегатские собрания не могли охватить всего алтайского населения в силу специфики региона. Разбросанность селений, большие расстояния, техническая неграмотность населения не способствовали консолидации деятельности делегатских собраний [33, л. 17]. Тем не менее, через их деятельность, новое постепенно входило в жизнь населения Горного Алтая.

Ряд вопросов просветительного характера решался в рамках мероприятий культурного характера — «похода за новый быт», активными участниками которого были комсомольцы. Их деятельность охватывала многие стороны жизни: от участия в организации антиалкогольных ячеек, ячеек безбожников, в строительстве бань до проведения ясельной кампании и борьбы за чистоту.

В первые годы Советской власти местные органы власти проводили большую организационную работу по созданию библиотек и других учреждений культуры. В 1920 г. в Горном Алтае таких было 23, в 1922 г. работало 16 массовых библиотек, с фондом более 15 тысяч книг. Повсеместно открывались клубы. В Чемале, Шебалино, Улале были созданы любительские театры. Приведенные данные, конечно же, нельзя воспринимать как совершенно достоверные. Слабость учета вообще, отсутствие единообразия вели к тому, что часть культурных учреждений не была учтена. Некоторые однотипные учреждения в разных местах определялись неодинаково.

В 1920 г. была организована уездная библиотека, книжный фонд которой пополнялся, главным образом, за счет подержанных книг, поскольку на Сибирском книжном рынке литературы в продаже не было [34, л. 1-2]. Первая общедоступная библиотека-читальня открылась в феврале 1920 г. в Улале. Первоначально она была размещена в доме зажиточного жителя Ковалева. Ее книжный фонд был сформирован из литературы Каракорумской управы [35, л. 19]. Для «усиления финансовой базы» библиотека была принята на областной бюджет и размещена в здании сибпушнины. В дальнейшем развитию библиотеки и ее комплектованию придавалось серьезное значение. Улалинская библиотека-читальня работала в сложнейших условиях: отсутствие средств, кадров, специалистов, бедность книжного фонда, при этом размещалась библиотека в пятистенном доме бывшего священника Сорокина. Нередко библиотеки не имели даже штатных библиотекарей и работа велась общественниками. Это зачастую приводило к тому, что библиотечная работа сводилась лишь к выдаче книг [36, л. 149].

В апреле 1921 г. при центральной библиотеке уездного центра с. Алтайского закончили работу первые курсы по подготовке библиотечных работников. По решению коллегии уездного политпросвета в районы Горного Алтая были направлены 14 выпускников первых библиотечных курсов [37, с. 245]. Были предприняты первые попытки в организации справочно-библиографической работы. В библиотеках проводились разнообразные культурно-просветительные мероприятия: литературные вечера, «живые газеты», книжные выставки и читательские конференции.

Методическое руководство осуществлялось уездным политпросветом и уездной библиотекой. В 1922 г. Улалинская библиотека-читальня стала именоваться Центральной областной библиотекой. В соответствии с постановлением ЦК РКП(б) от 30 октября 1929 г. «Об улучшении библиотечной работы», в области началась работа по превращению библиотек в культурные центры сел.

На отдельных стоянках создавались новые очаги культуры — Дома животноводов с хорошо оборудованными избами-читальнями. Повсеместно были организованы курсы деревенских культпросветчиков. В избе-читальне имелись библиотека, читальня, стол справок. При них обычно работала школа для взрослых, различные кружки, популярными были громкие читки, вечера вопросов и ответов, постановка спектаклей.

В августе 1928 г. по инициативе комсомола был организован Всесоюзный культурный поход. Его задачи были обширными: расширение сети библиотек, изб-читален, борьба за новый быт и т.д. В начале октября 1928 г. постановлением Ойротского обкома партии была создана специальная организационная комиссия, куда вошли представители от обкома партии, облисполкома, обкома комсомола, женотдела обкома партии. Составленный комиссией план культпохода по области был доведен до партийных и советских органов.

В целом по Сибири сеть культурно-просветительских учреждений к 1929 г. выглядела следующим образом: в сибирской деревне насчитывалось 1180 библиотек, 50 клубов, 1335 изб-читален, 273 народных дома, 6 Домов крестьянина, 42 кинопередвижки, 1687 красных уголков [38, с. 12].

Заметную роль в процессе «культурной революции» играла местная периодическая печать. В первые годы советской власти в Горном Алтае единственным средством массовой информации являлись листовки на русском и алтайском языках, в которых разъяснялась сущность Советской власти, контрреволюционность бандитизма и т.д. Со временем центральной и местной прессе предстояло преодолеть важный недостаток, состоявший в том, что огромное место газеты отводили общим политическим материалам, излагали декреты и постановления советской власти, информировали о деятельности ведомств. Требовался крутой поворот, перестройка прессы в соответствии с новыми историческими условиями, поскольку еще в 1918 г. В. И. Ленин указывал, что «чрезмерно уделяется место политической агитации на старые темы, — политической трескотне. Непомерно мало места уделяется строительству новой жизни, — фактам и фактам на тот счет... Поближе к жизни. Побольше внимания к тому, как рабочая и крестьянская масса на деле строит нечто новое в своей будничной работе. Побольше проверки того, насколько коммунистично это новое» [39, с. 172-173].

Основное направление в области печати было определено в 1919 г., на VIII съезде РКП(б), в резолюции которого отмечалось: «В целях улучшения нашей партийной и советской печати необходимо: а) редакторами партийных и советс-

ких газет назначать наиболее ответственных, наиболее опытных партийных работников, которые обязаны фактически вести работу в газете; б) партийные комитеты должны давать редакциям общие политические директивы и указания и следить за выполнением директив, не вмешиваясь, однако, в мелочи повседневной работы редакции; в) военная цензура должна быть введена в строгие рамки вопросов оперативного и военно-организационного характера. Одна из важнейших задач партийно-советской печати — разоблачение преступлений разного рода должностных лиц и учреждений, указание на ошибки и недостатки советских и партийных организаций...» [16, с. 116]. Из этой цитаты наглядно видно, что деятельность периодической печати была значительно политизирована, несмотря на претворение в жизнь отмеченной ранее выдержки из речи В. И. Ленина.

В 1921 г. партийные организации и волостные революционные комитеты стали все чаще обращаться к печати, как средству массовой пропаганды. Газеты пропагандировали партийные решения, помещали материалы съездов, внутривластных дискуссий. Особое внимание уделялось разъяснению новой экономической политике, закону о продналоге и его проведению в жизнь.

Немалый вклад внесла пресса в преодоление кризиса на культурном фронте. Показывая тяжелые последствия, вызванные снятием культурных учреждений с государственного снабжения, газеты разъясняли необходимость взять эти учреждения на собственное обеспечение. Газеты воспитывали художественные вкусы, помещали рецензии на спектакли и концерты, устраивали обсуждения спорных вопросов искусства и литературы.

В 1922 г. в Улале была организована первая типография. Первым официальным документом, свидетельствующим о ее появлении, является договор аренды и передачи типографии Алтайского губернского совнархоза Горно-Алтайскому уездному исполкому. Из с. Алтайского типография в январе 1922 г. была перевезена в с. Улалу, а для ее размещения был выделен деревянный дом по Почтовой улице. Уже с первых дней образования типография исполняла заказы областных учреждений на изготовление разной бланочной продукции. Оборудование было самым примитивным, в списке имущества числилась плоская печатная машина альбомного размера и переплетное оборудование, а в коллективе типографии трудились 13 человек [40, с. 380]. Уже в 1922 г. в типографии были отпечатаны первые номера областных газет.

7 ноября вышла в свет газета-листочка «Ойротский край». Газета была выпущена обкомом РКП(б) и облисполкомом. Первое время она выходила нерегулярно, ее главной целью являлось обслуживание интересов широких масс русского и алтайского населения. Первый номер газеты содержал обращение редакции к населению, информацию о II хлебном займе, хронику российской жизни, сообщения с мест, основные события поселка Улала. Однако для регулярного выпуска газеты не было материальной базы, и только спу-

стя год с большим трудом удалось наладить издание еженедельной одностраничной газеты-листовки с тем же наименованием. Популярностью пользовалась газета «Кызыл Ойрот» (на алтайском языке), выход которой был встречен алтайским населением с большим интересом. Из поступивших с мест сведений было видно, что в аилах газета «зачитывалась до дыр».

Следует отметить, что до революции на алтайском языке издавались духовной миссией богослужения, сборники молитв и жития святых, которые, впрочем, не имели широкого распространения в связи с неграмотностью подавляющей части коренного населения. После образования автономной области впервые появилась возможность издания литературы на алтайском языке, для чего в 1925 г. подотделом национальных меньшинств и были созданы две переводческие комиссии [16, л. 33]. Первая комиссия, которая должна была находиться в культурном центре Барнауле или Омске, состояла из трех членов, одного корректора, четырех или пяти наборщиков-алтайцев. Ее главной задачей являлось издание газеты на алтайском языке, перевод и издание статей научно-популярного и политического содержания. Вторая переводческая комиссия должна была находиться в культурном центре Горного Алтая — Чемале — и вести работу по составлению и переводу учебников для школ, научно-популярных книг и статей по сельскому хозяйству, огородничеству, скотоводству, пчеловодству и др., собиранию сказок, легенд и разного рода памятников старины с целью «развития культуры» [16, л. 33]. Так, оценивая деятельность переводческих комиссий, можно привести следующие факты: если в 1923 г. на алтайском языке вышло всего две книги, то к 1929 г. таких книг было уже 69 [24, с. 334]. Неоднократно принимались меры к улучшению издательского дела. К 1927 г. на алтайском языке издавалось 61 наименование различного рода литературы, общим тиражом 81000 экземпляров [41, с. 34]. По ходатайству обкома ВКП(б) и облисполкома при Московском Центральном издательстве народов СССР в 1930 г. была создана алтайская издательская секция.

Содержание газет определялось требованием времени: пропаганда НЭПа, оказание помощи голодающим Поволжья, проведение продналоговых кампаний, новости науки и техники, объявления, советы врача, большое внимание уделялось распространению в массах сельскохозяйственных знаний.

Сейчас первые газеты выглядят наивными, декларативными, даже малограмотными, редок в них еще и местный материал. Не следует забывать, что в 1922 г. почти 92% населения области было неграмотным [42, л. 89], газета не имела собственных сотрудников и лишь при помощи внештатных селькоров и рабкоров в какой-то мере отражала жизнь на местах. Редакция состояла из редактора, секретаря и наборщиков. Для того, чтобы приблизить газету к читателю, предпринимались такие мероприятия, как выезд в села: походная типография с двумя наборщиками и редактором «Ойротского края» Хохловым находилась в Чемале... Набор и печать велись прямо на глазах зрителей [43, с. 46].

Вот небольшая статья в журнале «Настоящее»: «У ойротов есть своя газета, но почти нет грамотных людей, которые могли бы читать эту газету, поэтому, когда «Кызыл Ойрот» получают на кочевке, подписчики отправляют нарочного на коне за русским или другим грамотным человеком, если таковой имеется. Он часто не знает алтайский, но так как шрифт в газете русский, то все-таки читает, делая неправильные ударения и искажая слова. Кочевники сидят рядом вокруг и обсуждают каждую фразу, как ее следует понимать... Так прочитывается вся газета. Буквально от строчки до строчки. Прочитывается даже то, что мы, люди, привыкшие к газетам, совсем не читаем. Например, заголовок газеты с адресом и телефоном редакции, условием приема рукописей и т.д. Причем все это также обсуждается, а люди, наиболее бывалые, объясняют другим смысл различных понятий, упоминаемых там, таких, скажем, как «телефон». После каждого такого чтения в голове алтайца происходит действительно революционная ломка старых представлений» [43, с. 47].

Таким образом, в первые годы советской власти «культурный фронт» был обозначен как «третий» фронт. Это понятие понималось по-разному в разное время и разными людьми. Название «третий фронт» в устах одних звучало, как утверждение его не первостепенной роли, в устах других, самих работников культуры, — с гордостью, поскольку их дело — это тоже фронт и притом немаловажный, идущий вслед за политическим (военным) и хозяйственным. Однако наступило время, когда о «третьем фронте» стали все чаще говорить именно как о фронте, имеющем огромное значение: поднималось хозяйство, менялись условия и вместе с ними менялось отношение к культуре.

Библиографический список

1. Пустогачев, Я. А. Чорос-Гуркин и Горная Дума / Я. А. Пустогачев // Возвращение. Сборник докладов и сообщений научно-практической конференции «Чорос-Гуркин и современность». — Горно-Алтайск, 1993.
2. Пахаев С. Я. Национальное движение алтайцев / С. Я. Пахаев // Звезда Алтая. — 1990. — 31 мая.
3. КГДА РА. Ф. 905. Оп. 1. Д. 433.
4. Там же. Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 40.
5. Там же. Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 224.
6. Там же. Ф. Р-5, Оп. 1, Д. 230.
7. Культурное строительство в РСФСР. 1917—1927 гг. Т. 1. Ч. 1. Документы и материалы. 1917—1920 гг. / сост. Л. И. Давыдова, Н. Х. Бойко, М. П. Дьячкова, Т. Ю. Красовицкая. — М., 1983.
8. Тошаква, Е. М. Начало культурной революции у алтайцев (1920—1922 гг.) / Е. М. Тошаква // Вопросы археологии и этнографии Горного Алтая. — Горно-Алтайск, 1983.
9. Соскин, В. Л. Культурная жизнь Сибири в первые годы НЭПа (1921-1923 гг.) / В. Л. Соскин. — Новосибирск, 1971.

10. Ленин, В. И. Полн. собр. соч. Т. 3.
11. Там же. Т. 40.
12. КПДА РА. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 8.
13. Панина, О. В. Женщины в социальном и культурном строительстве в 1920—начале 1930-х гг. / О. В. Панина // Актуальные проблемы истории и культуры Саяно-Алтая. Научный сборник молодых исследователей / Под ред. В. Н. Тугужековой — Абакан, 2006.
14. КПДА РА. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 2.
15. Там же. Д. 35.
16. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 3. 1922—1925 гг. — М., 1984.
17. КПДА РА. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 129.
18. Там же. Д. 127.
19. Там же. Оп. 2. Д. 6.
20. Горно-Алтайская областная организация КПСС в цифрах. — Горно-Алтайск, 1975.
21. КПДА РА. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 22.
22. Там же. Оп. 1. Д. 131.
23. Кандаракова, Е. П. Очерки истории профсоюзов Горного Алтая (1921—1937 гг.) / Е. П. Кандаракова. — Горно-Алтайск, 1992.
24. Очерки по истории Горно-Алтайской автономной области / Под ред. Л. П. Потапова. — Горно-Алтайск, 1973.
25. Саруханов, В. А. Агитбригада. Проблемы, рекомендации, сценарии / В. А. Саруханов. — М., 1989.
26. КПДА РА. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 514.
27. Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. VI. — М., 1928.
28. Ойротский край. — 1927. — 12 января.
29. Культурное строительство на Алтае. — Барнаул, 1980.
30. Демидов, В. А. Краеведческий материал по истории Горно-Алтайской автономной области / В. А. Демидов. — Горно-Алтайск, 1962.
31. КПДА РА. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 690.
32. Там же. Д. 301.
33. Там же. Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 70.
34. Там же. Д. 104.
35. Там же. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 1174.
36. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 5451. Оп. 10. Д. 441.
37. История Горного Алтая в 3 т. Т. 2. 1900—1945 гг. / Под ред. Н. М. Екеевой, Н. Ф. Иванцовой. — Бийск, 2000.
38. Гушин, Н. Я. Социально-культурные последствия осуществления коллективизации в сибирской деревне / Н. Я. Гушин // Культурное развитие советской сибирской деревни. — Новосибирск, 1980.
39. Соскин, В. Л. Культурная жизнь Сибири в первые годы НЭПа (1921—1923 гг.) / В. Л. Соскин. — Новосибирск: Наука, 1971.
40. Люди эпохи XX века. Т. 1. — Горно-Алтайск, 2002.
41. Потапов, Л. П. Из истории национально-культурного строительства у алтайцев / Л. П. Потапов // Ученые записки. — Вып. 10. — Горно-Алтайск, 1971.
42. КПДА РА. Ф. Р-61. Оп. 9. Д. 1.
43. Улала, Ойрот-Тура, Горно-Алтайск. Страницы истории / Под ред. А. В. Эдокова. — Горно-Алтайск, 1997.

Горно-Алтайский государственный университет
Получено 25.08.09.

T. V. Zakharova

FROM THE HISTORY OF FORMATION OF THE SOVIET CULTURE IN GORNY AITAY

In this article the preconditions of forming of the cultural shape of Gorny Aitay since the moment of establishment of Oirot autonomous region are considered, and the main features of development of national culture are determined.

national culture, transformation, education

УДК 902

Н. Н. Ложкина

СОЦИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ ГОРНО-АЛТАЙСКОЙ АВТОНОМНОЙ ОБЛАСТИ В 1965—1985 ГГ. (историография вопроса)

В статье на основе архивных и опубликованных материалов проанализирована степень разработанности историографии вопроса

Горный Алтай¹, основные труды, научное исследование, историография вопроса, анализ проблем

Современный этап развития России определяется усиленным обращением пристального внимания к повседневной жизни человеческого бытия. Любая глобальная проблема сегодня рассматривается через призму ее прямого влияния на отдельно взятую человеческую судьбу, семью, общество в целом. Все современные социально-экономические преобразования обусловлены изменить, или даже ликвидировать, изжившую себя, советскую модель социальной инфраструктуры.

Актуальность данной темы определяется глобальными социально-экономическими преобразованиями общества, где развитие социальной инфра-

структуры является определяющим фактором экономического, социального и духовного прогресса общества. В подобных условиях, естественно, возникает необходимость подробного изучения именно социальной истории, что в свою очередь позволит проследить динамику процесса развития социальной инфраструктуры. Региональный подход к изучению данной проблемы не только актуален, но и достаточно традиционен. Определенные закономерности социального развития, характерные для всего государства можно проследить на примере одного региона, в частности Горного Алтая.

¹ Горный Алтай издавна именуется территория, расположенная между 48 и 53 градусами северной широты и 82 и 90 градусами восточной долготы. Это самая высокая часть обширной горной страны Южной Сибири. Она находится в горах Русского Алтая, который так называется в географической литературе в отличие от Монгольского (или Гобийского) Алтая. Русский Алтай ограничен на востоке и юге Западными Саянами, хребтами Чихачева, Сайлюгемом и горным узлом Табын-Богдо-Ола. На западе и севере Русский Алтай граничит с рекой Иртышом и приалтайскими степями, на северо-востоке сливается с хребтами Кузнецкого Алатау.

История Горного Алтая и его населения является неотъемлемой частью истории России. Войдя, почти два с половиной столетия назад, в её состав, алтайцы теснейшим образом связали свою судьбу с нею с её народами.

С другой стороны, обращение к исследуемой теме продиктовано её недостаточной изученностью, необходимостью критически пересмотреть отдельные положения, оценки и выводы, утвердившиеся в алтаеведении, уточнить характер событий и явлений, имевших место в Горном Алтае в данный период.

Историю развития историографии исследуемой темы можно условно подразделить на три этапа. Первый из них охватывает 1965—1980 гг. Это годы исследования проблем социального развития страны и больших его регионов; второй — 1980—1991 гг. — это время появления в научных исследованиях интереса к проблемам социального развития и открытия отечественной историографией ряда новых направлений для их изучения; и последний — третий — этап охватывает период с 1991 г. и по сей день. Это время критического осмысления проблемы в целом, особенно на региональном уровне. Прежде чем перейти к более подробному изучению каждого этапа историографии, мы рассмотрим некоторые аспекты истории изучения дано проблемы до обозначенного периода.

Интерес к истории Горного Алтая и его населения уходит своими корнями в далекое прошлое. Однако дореволюционные исследователи, путешественники, проявляя свой интерес к ней, не шли дальше освещения вопросов хозяйственно-экономической, культурно-бытовой и духовной жизни коренного населения, оставляя в стороне проблемы, составляющие предмет нашего изучения.

Новые подходы в изучении истории Алтая наметились после октября 1917 г.: оно приобрело характер государственной политики, всецело отвечая концептуальным установкам правящей партии относительно всестороннего изучения «ранее отсталых народов», вступивших в советскую стадию, минуя капиталистический путь развития [1, с. 40-41].

Но, говоря о начавшемся в 20—30-е гг. XX века многоплановом изучении народов Сибири, в т.ч. и алтайцев, следует отметить, что акцент при этом делался на их историческое прошлое, на роль трудящихся масс в этом историческом процессе, на классовую борьбу, имевшую место в годы гражданской войны и социалистического строительства в Горном Алтае, стране в целом. Вопросы социального характера, как и прежде, оставались вне поля зрения исследователей. И в этих «просчетах» и «недальновидности» их винить мы не вправе, ибо в этом повинна была система, породившая культ личности, соответствующие установки и требования которой исследователи, по вполне понятным причинам, преодолеть, а тем более игнорировать, не могли [2]. Поэтому и изучали они на протяжении многих десятилетий «глобальные процессы», происходившие в стране, обществе и экономике.

Ситуация в этом деле изменилась только в середине 80-х гг. XX в. Начавшееся тогда благодаря «перестройке», развитие историко-антропологического подхода в исследованиях способствовало постановке новых проблем, находившихся до этого на втором

плане. Отныне внимание исследователей было обращено на все стороны повседневной жизни человека, зачастую совсем незаметные с происходящими в стране и мире политическими процессами или поразившими общество социальными катаклизмами. Эта тенденция, зародившаяся в период «горбачевской оттепели», продолжает бытовать и по сей день. Благодаря ей исследователи все чаще обращались в последнее десятилетие XX столетия к изучению тех или иных социальных процессов, имевших место на определенных территориях и имевших, в силу этого, свою специфику. Это позволило им увидеть не только динамику и характер развития различных процессов в регионах, стране в целом, но и определить их влияние (положительное или негативное) на жизнь населения.

Итак, перейдем к непосредственному рассмотрению проблем историографии в обозначенный «первый» период. Среди проблем, подвергшихся тогда (подвергающихся и сегодня) новому осмыслению, особое место занимали вопросы социального развития советского общества в 1965—1985 гг. Обратиться ученых к их изучению социальной истории побудило не только стремление объективно исследовать ее, чего не было в прошлом, но и те негативные моменты, которые переживает сегодня наше общество: сокращение рождаемости и продолжительности жизни в стране, увеличение смертности, ухудшение генофонда и др.

Одним из первых к исследованию отдельных аспектов социальной сферы в истории России обратился В. З. Роговин («Социальные аспекты ускорения решения жилищной проблемы»). Рассматривая сложившуюся ситуацию в сфере жилья, он подробно осветил вопросы жилищной обеспеченности, форм собственности на жилье и квартирной платы. Для нас этот материал является ценным в силу того, что в работе приводится очень много фактологического материала. Кроме того, автор, исследуя жилищную ситуацию как наиболее острую социальную проблему, вносит свои предложения их решения.

Особое место в истории историографии изучаемой темы занимают не большие по объему, но в значительной степени ценные по содержанию работы О. А. Малахова. Автор, непосредственно на примере Горно-Алтайской автономной области, рассматривает проблемы совершенствования торгового и бытового обслуживания населения именно горных районов [3, с. 101-115]. В работах прослеживается главная мысль о том, что развитие общественного обслуживания имеет ряд специфических особенностей, которые вытекают из структуры хозяйства, расселения населения, а также природных факторов [4, с. 116-125]. На основе изучения картографического материала, статистических данных и экспедиционного обследования местности автор определяет основные тенденции развития существующих центров бытового обслуживания [5, с. 97-100].

Говоря об исследованиях социального развития Горного Алтая в вышеозначенный хронологический период, нельзя обойти вниманием и коллективные работы, в частности, «Очерки по истории Горно-Алтайской областной партийной организации». Их, без преувеличения можно охарактеризовать, как первую попытку обобщить, и систематизировано изложить и показать исторический путь

развития Горного Алтая. При этом особое внимание было уделено таким вопросам, как (благодаря повседневной заботе партии и Советского правительства) шло неуклонное укрепление национальной автономии, зародилась и развивалась в дальнейшем ее промышленность, преобразовывались сельское хозяйство Горного Алтая, жизнь и культура его коренного населения. Немало места в «Очерках» уделено характеристике его благосостояния: доходов сельчан, пособий, системы налогообложения; развитию жилищно-бытовых условий, систем народного образования и здравоохранения и сети интернатов. Для освещения всего комплекса затронутых в «Очерках» проблем был использован богатый документальный материал, отложившийся в партийном архиве Горно-Алтайского обкома КПСС, Государственном архиве Горно-Алтайской автономной области, центральных и региональных архивах (характеристика которым будет дана ниже), периодическая печать, различные документальные издания и др. [6, с. 394].

Аналогичной характеристики, данной нами вышеуказанным «Очеркам» заслуживает и другое коллективное исследование — «Очерки по истории Горно-Алтайской автономной области». Им также присуща последовательность, развернутость и высокая степень обобщения. Целый ряд тем в них (положение различных слоев населения области, уровень их благосостояния, образования, культуры и т.д.) был затронут впервые, правда, в старом «экономическом ключе». Данная книга также может быть охарактеризована как первая попытка дать обобщенную историю области, начиная с рубежа XIX—XX вв. [7, с. 542]. Отмечая ее информационную ценность, следует указать и на небольшой, с нашей точки зрения, исследовательский «дефект» данной книги: приведенный в ней статистический материал дан, к сожалению, не в динамике. Но в его отрывочности «вины» авторов нет. Во многом это следствие политической конъюнктуры и отсутствия у исследователей доступа ко многим документам, находившимся в то время в «спецхранах».

Завершая характеристику истории развития отечественной историографии «социального облика» страны и ее регионов в 60—70-е гг. XX века, следует несколько слов сказать о вышедшем в 1978 г. в Барнауле сборнике статей «Вопросы истории Горного Алтая» [8, с. 96]. Среди его публикаций были и такие, которые в той или иной степени отразили историю развития в крае женского труда и формирования интеллигенции в Горном Алтае. И хотя они не касаются, в принципе, интересующего соискателя периода, тем не менее, из них им извлечены сведения общего порядка, позволившие ему воссоздать более полную картину социального развития Горного Алтая в послевоенные годы.

Значительное число работ, посвященных указанной проблематике, появилось на общесоюзном и региональном уровне в 80—90-е гг. XX века — на втором, нашем условном этапе истории развития историографии исследуемой темы. Среди их авторов следует в первую очередь назвать Л. А. Костина, И. А. Аргунова, В. А. Калмык, Т. Е. Санжиеву, С. Ю. Кабашова [9]. Ими были достаточно подробно изучены достижения, основные закономерности

социального развития страны и ее регионов на протяжении длительных хронологических отрезков.

В монографии Л. А. Костина на основе комплексного подхода раскрывается значение производства товаров народного потребления в повышении благосостояния советского народа, обеспечении платежеспособного спроса населения, усилении стимулирования развития и повышении эффективности общественного производства. Анализируется происходящие изменения в структуре промышленного производства, рассматриваются особенности производства товаров народного потребления в СССР. Обобщается передовой опыт работы по повышению качества продукции, даются практические рекомендации [10].

Если рассматривать монографию И. А. Аргунова («Социальное развитие якутского народа»), то мы можем однозначно сказать: её ценность для нас непреходящая: на основе конкретных исторических фактов и социологических данных показывается претворение в жизнь национальной политики и помощь российского рабочего класса в утверждении нового образа жизни якутов — одного из крупных коренных народов Сибири [11].

Серьезная попытка анализа проблем, связанных с условиями труда и жизни сельского населения предпринята в монографии, составленной солидным коллективом авторов («Социально-экономическое развитие Сибирского села»). В книге обобщены результаты четырех социолого-статистических обследований западно-сибирского села. Произошедшие изменения в жизненных условиях на селе рассматриваются с позиций как выравнивания различий между городом и селом, так и поиска социальных резервов повышения эффективности агропромышленного комплекса [12].

В статье Т. Е. Санжиевой сделана попытка проследить социально-экономические последствия энергетического строительства на материалах Бурятской АССР. Автор приходит к выводу, что обеспечение значительного подъема материального и культурного уровня жизни советских людей на основе высоких темпов производства, повышение его эффективности и роста производительности общественного труда неразрывно связаны с электрификацией страны [13].

Проблема изменений в социальной структуре советского общества рассматривается в монографии С. Л. Сенявского («Социальная структура советского общества в условиях развитого социализма»). В исследовании проблемы автором сделан определенный шаг вперед. Он рассматривает изменения в социальной структуре не изолированно, а в общем русле развития и совершенствования общества. Опираясь на большой конкретно-исторический материал, автор уделяет особое внимание социально-классовым отношениям [14].

К числу первых изданий, в которых были освещены проблемы социально-политического и социально-экономического характера, может быть отнесен сборник «Вопросы истории Горного Алтая», вышедший из печати в 1986 г. [15]. Однако интересующие нас вопросы были затронуты лишь частично: в статье В. Р. Андронкиной (через призму руководства партийных организаций «всем и вся») были рассмотрены отдельные аспекты социального разви-

тия Горно-Алтайской автономной области. Такой подход к интересующей нас проблематике, наверное, может в полной мере характеризовать сложившуюся тенденцию в деле изучения социальных проблем в целом. Если на союзном уровне в середине восьмидесятых годов прошлого столетия обозначился в этом направлении определенный прогресс, то на региональном — край — область — автономные образования — все оставалось по-старому. Яркий пример тому — Горный Алтай. Если местные историки и касались вопросов развития социальной инфраструктуры, культурно-бытового строительства, отмечали изменения, происшедшие в регионе в первое послевоенное десятилетие, появление в его отдаленных уголках «социальных новшеств» (электрическое освещение, детские ясли и сады, благоустроенные улицы и т. п.), то делалось все это в рамках торжества господствовавшей в стране официальной идеологии, не допускавшей очернения социалистической идеи, советского строя. В связи с этим, следует отметить, что даже в начале 90-х гг. не многие из них решались всеобъемлюще и объективно показывать реальное положение дел в социальной сфере.

Анализ публикаций начала 90-х гг. — на третьем, условном, нашем этапе развития историографии

и изучаемой темы — показывает, что ученые, наряду с вопросами «экономического» характера, начинают все чаще обращаться к изучению социально-экономических проблем, причем в этом деле появились и свои «лидеры». Одной из таковых, кто активно занялся исследованием целого ряда проблем, социального развития городов Сибири была Н. В. Куксанова. В ее работе рассматриваются демографические процессы, протекавшие в регионе, и выступавшие как некий итог политики освоения Сибири. Основное внимание концентрируется на рассмотрении тенденций и противоречий развития социальной сферы, обеспечивающей повседневную жизнь человека, жилищно-коммунального хозяйства, транспортного обслуживания, обеспеченности населения продуктами питания и товарами народного потребления. Особое внимание уделяется реконструкции взаимосвязей между промышленным освоением региона и изменением в нем экологической ситуации [16].

Завершая историографический обзор литературы исследуемой нами темы, можно констатировать: проблема социального развития Горного Алтая в 1965-1985 гг. до настоящего времени комплексно не изучалась. Несмотря на интерес современных исследователей к истории Сибири и страны в целом.

Библиографический список

1. Сталин, И. Марксизм и вопросы языкознания. Соч. Т. 5.
2. Сатлаев, Ф. А. История Горного Алтая требует переосмысления. Звезда Алтая. 10 сентября 1992 г.
3. Малахов, О. А. Сельское расселение в горных районах и территориальная организация торгового обслуживания населения (на примере Горно-Алтайской автономной области) / О. А. Малахов // Некоторые проблемы географии Горного Алтая. — Барнаул, 1975.
4. Малахов, О. А. Узловые вопросы улучшения территориальной организации сферы обслуживания в горных районах (на примере Горно-Алтайской автономной области) / О. А. Малахов // Вопросы географии Горного Алтая. — Барнаул, 1976.
5. Малахов, О. А., Малькова, И. К. Территориальная организация бытового обслуживания населения Горно-Алтайской автономной области / О. А. Малахов, И. К. Малькова // Некоторые проблемы географии Горного Алтая. — Барнаул, 1975.
6. Очерки по истории Горно-Алтайской автономной областной организации КПСС. — Горно-Алтайск, 1971.
7. Очерки по истории Горно-Алтайской автономной области. — Горно-Алтайск, 1973.
8. Вопросы истории Горного Алтая. Сб. статей. — Барнаул, 1978.
9. Кабашов, С. Ю. Некоторые аспекты партийного руководства созданием индустриальной службы быта Башкирии в период 1966 — 1985 гг. / С. Ю. Кабашов // Социальные и этнические аспекты истории Башкирии. — Уфа, 1988. — С. 32-37.
10. Костин, Л. А. Производство товаров народного потребления: (Социально-экономический аспект) / Л. А. Костин. — М.: Экономика, 1980.
11. Аргунов, И. А. Социальное развитие якутского народа / И. А. Аргунов. — Новосибирск: Наука, 1985.
12. Калмык, В. А., Рывкина, Р. В., Хахулина, Л. А. Социально-экономическое развитие сибирского села / В. А. Калмык, Р. В. Рывкина, Л. А. Хахулина. — Новосибирск: Наука, 1987.
13. Санжиева, Т. Е. Социально-экономические последствия электрификации национальных районов Сибири в условиях развитого социализма / Т. Е. Санжиева. — Новосибирск: Наука, 1983.
14. Сенявский, С. Л. Социальная структура советского общества в условиях развитого социализма (1961—1980 гг.) / С. Л. Сенявский. — М.: Мысль, 1982.
15. Вопросы истории Горного Алтая / Под ред. Н. В. Екеева. — Горно-Алтайск, 1986.
16. Куксанова, Н. В. Социально-бытовое развитие городов Сибири в 1960—1970 гг. / Н. В. Куксанова. — Новосибирск, 1994.

Горно-Алтайский государственный университет
Поступило 17.06.09.

N. N. Lozhkina

THE SOCIAL DEVELOPMENT OF GORNO-ALTAISK AUTONOVY IN 1965—1985 (HISTORIOGRAPHY OF THE PROBLEM)

In the article, on the basis of archival sources and published materials, the development of problem historiography is analyzed here.

Gorno Altai, the fundamental works, scientific research, historiography of the problem, problem study

УДК 902

С. Я. Мамаева

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ РЕГУЛЯРНОГО РАДИОВЕЩАНИЯ В ГОРНОМ АЛТАЕ (20—60 ГГ. XX В.)

В статье на основе архивных источников проанализированы этапы становления регулярного радиовещания в Горном Алтае в исследуемый период.

**Советское государство, Советское правительство, радиовещание, автономная область,
Горный Алтай, радиокомитет, квалифицированные кадры**

Радио, как новое и перспективное техническое открытие, зародилось, как известно, в конце XIX в. Возникновение первого электронного средства массовой информации было обусловлено стремительным развитием науки и техники. Развитие техники усовершенствовало многие формы информации и пропаганды, дополнило и, подняло их на более высокую ступень. В нашей стране радиовещание, как средство массового воздействия, заняло одно из ведущих мест с начала XX в. Советское правительство с первых шагов своей деятельности поставило радио в разряд важнейших средств не только информации, но и пропаганды. Средства массовой информации (СМИ) того времени (газеты и радио) были мобилизованы на активную пропаганду новой коммунистической идеологии и формирование общественного сознания. Чтобы решить эту проблему, необходимо было радиофицировать страну. Советское правительство разработало для этого в 1918—1921 гг. программу радиофикации всей страны, рассматривало ее как неотъемлемую часть культурной революции в СССР. В результате этого, в 1920-х гг. были созданы необходимые условия для быстрого роста передающей и принимающей радиосети, организации радиовещания не только в крупных центрах, но и в отдаленных областях и краях, в том числе и в Горном Алтае.

Рождение и дальнейшее развитие радио здесь неразрывно связано с историческим процессом, характерным для всей страны в целом, с историей всего отечественного радиовещания. Его появление в области приходится на 1924—1928 гг. Как известно, во всем Сибирском крае (на октябрь 1925 г.) имелось две передающих (Новосибирск и Дудинка) и 19 принимающих радиостанций. В соответствии с указаниями Пленума ЦК ВКП(б) (1929 г.) «Об организации широкой сети радиоустановок», они обязаны были «способствовать развитию радиовещания» в бывших окраинах страны, в частности, в Горном Алтае. Развитие радиофикации здесь началось в 1928 г. Тогда в жизнь молодой автономии вошли первые 8 радиоустановок, которые были установлены в клубах, красных уголках и других общественных местах. Это обстоятельство предопределило коллективное прослушивание радиопередач. Первую радиопередачу в Улале приняли в 1928 г. А спустя год, в городе был построен одноэтажный радиоузел, который принимал передачи из Москвы и столицы Сибирского края — г. Новосибирска [1, л. 60]. В канун десятилетия образования Ойротии (в 1932 г. — С. М.), облисполком и обком ВКП(б) приняли решение о строительстве радиовещатель-

ной станции в области. Строительство её началось у подножия горы Тугая, в 2 километрах от города. В сентябре 1933 г. облисполком принял (к сведению — С. М.) на своем заседании информацию заведующего областной конторой Наркомата связи «товарища Коретина» о том, что «строительство ширококвотельной станции будет закончено и сдано в эксплуатацию к 17 ноября сего года». В 1934 г. в Горно-Алтайске была сдана в эксплуатацию радиовещательная станция РВ-83. 19 апреля решением бюро обкома ВКП(б), её руководителем был утвержден (в статусе освобожденного заместителя председателя комитета) тов. Видусов. 7 мая того же года облисполком утвердил редактором вещания на ойротском языке тов. Тарсамаева [2, л. 16]. Председателем Комитета (чуть ранее) был утвержден М. И. Ялбачев. Надо отметить, что Комитет по радиовещанию и собственное вещание в Горном Алтае началось раньше, чем в других национальных районах Южной Сибири (например, в Хакасии в 1935 г., а в Туве и того позже — в 1936 г.) [3].

Говоря о дате начала областного вещания, следует отметить, что сведения на этот счет весьма противоречивы. Так, специализированное издание «Радиокалендарь 1936 год» связывает его с датой ввода в действие радиовещательной станции в автономной области, т.е. с 29 октября 1934 г. А в одной из газетных публикаций — на этот счет — указывается, что датой начала радиовещания в области следует считать ноябрь 1934 г. [4].

На первых порах вещание в области велось только на русском языке. Причина этого была проста — не было дикторов, хорошо владевших алтайским языком. Программы первых радиопередач состояли, главным образом, из заметок газеты «Красная Ойротия», последних известий, статей и бесед на общественно-политические темы, а также из материалов о развитии сельского хозяйства в области. В 1935 г. были предприняты первые попытки вести радиопередачи на алтайском языке.

Говоря о развитии радиовещания в области, следует отметить, что принимать передачи из столицы автономии на первых порах могли не все её аймаки. Особенно трудно было это сделать высокогорным аймакам. Так, в силу этого, обком ВКП(б) отдал распоряжение в 1935 г. руководству Турачакского и Эликманарского аймачных комитетов взять под свой контроль прием вещательных программ областной радиостанции на своих территориях [5, л. 135]. Но, несмотря на трудности, радио постепенно входило в быт сельчан. В 1932 г. в районах об-

ласти имелось уже 100 радиоточек, в 1934 — 688, а к концу 1936 г. их количество увеличилось уже до 1845. Кроме того, в области работали 3 радиопункта (в Ойрот — Туре, Онгудае, Эликманаре — С. М.) с 916 репродукторами и 8 маломощных узлов — с 541 точкой [1, л. 60]. Но, по-прежнему, вне зоны радиовещания (т.е. не были радиофицированы — С. М.) оставались 7 аймаков области.

Тем не менее, начиная с середины 30-х гг. радио из диковинного средства массовой информации постепенно становится популярным у населения автономии. В этом, «малограмотном» уголке Сибири радио выступало в роли и учителя, и наставника, и пропагандиста. К концу 30-х гг. XX в. в Горном Алтае сложилось собственное областное вещание как на русском, так и на алтайском языках.

В годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.) горно-алтайское радио играло важную роль в оперативном информировании населения региона о событиях, происходивших на фронтах и в тылу. Основные объёмы вещания всех региональных радиокomiteев сократились, но, тем не менее, радиопередачи и последние известия, которые остались в сетке вещания, как на русском, так и алтайском языках, играли мобилизующую и воспитательную роль. Несмотря на трудности, связанные с военным временем, партийные органы уделяли особое внимание регулярному выходу в эфир местных (районных) редакций. Так, в ноябре 1943 г. выходит постановление ЦК ВКП(б) «О районном местном радиовещании». В соответствии с ним, и руководствуясь его положениями, а также с целью лучшего и оперативного информирования населения, редакциям местных газет Усть-Коксинского, Кош-Агачского и Улаганского районов было предложено «продолжить свою работу средствами местного радио». Именно с этой целью был организован в них еженедельный двухразовый выход очередных номеров районных газет по местному радиовещанию. Объём его составлял 45 минут. В районах, где местных газет не было, обком ВКП(б) рекомендовал передавать по радио политические новости, сообщения Совинформбюро, материалы газеты «Красная Ойротия». Поскольку не все населенные пункты были охвачены радиовещанием, то во многих селах предлагалось организовывать пункты коллективного прослушивания [1, л. 88]. Освещая общественно-политическую жизнь автономии в военные годы, областное радио регулярно обращалось к таким формам передач как: радиотрибуна передовиков сельского хозяйства, цикл бесед в помощь заведующим животноводческих ферм, радиосмотр готовности к севу, радиомитинг, посвященный ходу соревнования в честь 26 годовщины Великого Октября и др. Радиопередачи горно-алтайского радио, выходившие в эфир в период Великой Отечественной войны, правдиво освещали суровые события тех лет, помогали поддерживать высокий моральный дух тружеников тыла, их патриотизм, готовность отдать все силы для достижения победы над врагом.

В послевоенные годы областное радио стремилось ярче и глубже отражать многогранную мирную жизнь населения автономии. Все передачи были подчинены задаче его мобилизации на выполнение и перевыполнение текущих хозяйственных планов,

на новый подъем социалистического соревнования, как того требовали «наставления и указания» партийных и советских органов. Роль радио в жизни советских людей стала в те годы еще более непреходящей, а поэтому ему стало уделяться все больше внимания. Это нашло свое отражение в темпах и объемах стало радиофикации районов области. Так, на 1 июня 1947 г. уже было радиофицировано 9 аймачных центров из 10, 52 сельских совета, 4 МТС, 71 колхоз, 66 изб-читален. В целом в области функционировало 3723 радиоточки [7, л. 26-28]. Редакция общественно-политических программ освещала на русском и алтайском языках общественную жизнь области, радиожурналисты рассказывали об успехах, достигнутых в сельском хозяйстве и промышленности. Общеизвестно, что ведущее место в экономике автономии занимало сельское хозяйство, поэтому именно эта тематика чаще всего была отражена в «Последних известиях» и в передачах редакции общественно-политического вещания. Так, в январе-феврале 1948 г. этой отрасли народного хозяйства было посвящено 85 материалов на русском и 14 на алтайском языках [8, л. 22].

В послевоенные годы на горно-алтайском радио развивается и художественное вещание. Появляются литературные передачи на русском и алтайском языках. Широко пропагандируются произведения русских классиков и местных авторов, передаются рецензии на художественные произведения, обзоры книжных новинок. Ежедневно по радио звучал шестиминутный музыкальный антракт, по выходным дням транслировались концерты по заявкам радиослушателей. Фонотека областного центра располагала записями современной и классической музыки.

Если говорить о радиовещании в послевоенные годы, то оно носило уже регулярный характер. Как и Всесоюзное, горно-алтайское радио выполняло три функции: информирования, агитации и пропаганды. Деятельность Горно-Алтайского отдела радиопередачи была идеологически и организационно регламентирована партийными органами и Всесоюзным радиокomiteетом. Последующий период, т.е. 50—60-е гг., можно считать временем усовершенствования областного радиовещания, характеризующимся дифференциацией и усложнением структуры вещания. Если раньше горно-алтайские радиожурналисты готовили объёмные выпуски «Областных последних известий», то в рассматриваемый период, кроме последних известий, стали выходить в эфир и специальные тематические программы, рассчитанные на разные категории слушателей.

Основными направлениями работы редакции общественно-политического вещания на русском и алтайском языках стали — освещение вопросов внешней политики СССР, основных проблем международной жизни, подготовка программ в помощь изучающим основы марксизма-ленинизма, пропаганда передового опыта в промышленности и сельском хозяйстве и др.

Используя исторический опыт советского радиовещания начала 20-х годов, областным радиокomiteетом была предпринята попытка использования такой действенной формы радиопропаганды как радиопередвижка. Это было обусловлено территориальной разобщенностью населенных пунктов,

а также условиями высокогорья, препятствовавшим прохождению радиосигналов, и слабой, наконец, радиофикацией сёл Горного Алтая. Всё это вместе взятое, и вызвало необходимость воспользоваться такой формой радиообслуживания населения, как радиопередвижка. Последняя представляла собой автомобиль, который был оборудован 50-ваттовым радиоузлом, выносными динамиками, коротковолновой рацией полевого типа, узкополосным киноаппаратом и электростанцией.

В апреле 1950 г. передвижной радиоузел совершил свою первую поездку в высокогорный Кош-Агачский район, отдаленный от областного центра более чем на 500 километров. За время поездки было организовано 26 массовых коллективных прослушиваний трансляций передач из Москвы, Новосибирска, Барнаула, Горно-Алтайска. Сельские жители также имели возможность прослушать записанный на пленку концерт самодеятельного ансамбля горно-алтайского радиокомитета [9, л. 1-3]. В исследуемый период практиковалась и подготовка обменных передач для радиокомитетов страны. Так, в 1954 г. с Горно-Алтайским радио сотрудничали Ворошиловградский и Краснодарский радиокомитеты. Кроме этого, оно осуществляло подготовку материалов и передач как для центрального, так и для Алтайского краевого радио [10, л. 1-2].

Руководство страны уделяло большое внимание информированию советских людей о международной жизни. Для этого уже в 1952 году Комитет по радиоинформации при Совете Министров СССР рассмотрел вопрос о широком освещении международной жизни в радиопередачах местных комитетов. С этого момента в Горно-Алтайске (в редакции общественно-политического вещания — С. М.) стали готовить передачи на алтайском и русском языках, посвященные этой тематике.

Наряду с этим, она неизменно увязывалась с ходом основных сельскохозяйственных кампаний, с пропагандой постановлений и решений партийных органов, Совета Министров СССР, местных органов власти, касавшихся развития сельского хозяйства.

Количество выпусков передач этой рубрики постепенно росло, они знакомили слушателей с передовиками, приглашали к микрофону специалистов, пропагандировали опыт лучших хозяйств области. Так, в 1954 г. было выпущено 174 передачи для работников этой отрасли сельского хозяйства, в 1963 г. — 227 передач. В период освоения целинных земель в 1954-55 гг. журналистами был подготовлен ряд передач о целинниках («Новоселы», «На новой земле», «Вторая весна новоселов» и др.) [11, л. 3].

Постоянное развитие техники, непрерывный технический прогресс выявил необходимость широкой пропаганды и популяризации передовых методов труда. Так, в 1953 г. на Тюлемском лесопункте Дайбовского леспромхоза (функционировал в Турачакском районе Горно-Алтайской автономной области — С. М.) был внедрен в производство прогрессивный циклический метод лесозаготовок и радио

сразу же организовало репортаж с лесопункта, а в других передачах прозвучали выступления директора ЛПХ П. Терехова и передового механизатора лесопункта — И. Каширского. О применении нового способа обслуживания ткацких станков рассказала в одной из радиопрограмм ткачиха промышленной артели «Текстильщик» В. Снегирева [12, л. 4].

Областное радио явилось в то время и одним из активных организаторов коммунистического соревнования. В 1959 г. в эфире впервые прозвучало сообщение о бригадах, поддержавших трудовой почин рабочих московской станции «Депо-Сортировочная». На их призыв откликнулись бригады Б. Огрызкова (гардино-тюлевая фабрика), Ю. Герасимова (ткацкая фабрика) и В. Коннова (обозостроительный завод).

В передачах для работников промышленности пропагандировался также опыт рационализаторов и изобретателей. У микрофона выступали механики и инженеры действовавших тогда в г. Горно-Алтайске гардино-тюлевой, ткацкой и швейной фабрик. Передовикам промышленного производства были посвящены многочисленные очерки и зарисовки, героями которых были люди, «на которых следовало равняться». Правда, в этих передачах не всегда отражался внутренний мир человека, его взаимоотношения с окружающими и т.д. Выступления лучших рабочих, водителей, лесников звучали также и в постоянной рубрике «Трибуна передовика».

Совершенствуя работу в этом направлении, в период с 1960 г. «промышленная» редакция стала практиковать радиосеминар по экономическим вопросам для работников промышленности. В его работе принимали участие специалисты областных управлений и ведомств. Тематами выпусков стали наиболее актуальные на тот период проблемы «Себестоимость промышленной продукции», «Пути снижения себестоимости» др. [13, л. 19]. Используя разные формы подачи информации, журналисты старались осветить положение дел во многих отраслях промышленного производства. Однако для всех материалов, исключая незначительное число очерков, характерен бедный, сухой язык. Зачастую в программах употреблялась специфичная лексика непонятная широкой аудитории слушателей.

Подводя итог вышесказанному, можно констатировать, что с 20-х гг XX в. горно-алтайское радио прошло огромный путь развития: от первых пробных передач, слушать которые могла лишь небольшая аудитория, до регулярного массового вещания в системе общегосударственного радиовещания. К середине 60-х гг. на областном радио практически сложилась классическая модель вещания, наиболее полно отвечающая специфике радио: новости, тематические и отраслевые передачи, литературно-драматическое вещание, музыка. Радио в этот период было единственным средством информации, которое могло непосредственно, с места события, оперативно рассказать о происходящем, донести живое слово инженера, ткачихи, чабана и лесника до рядового слушателя — жителя Горного Алтая.

Библиографический список

1. Центр новейшей истории Республики Алтай (ЦНИРА). Ф. 1. Оп. 1. Д. 100.

2. Комитет по делам архивов Республики Алтай (КПДА РА). Ф. 312. Оп. 1. Д. Л. 16.

3. Костякова Ю.Б. Становление и развитие системы массового радиовещания в национальных районах Южной Сибири (1928—1961 гг.): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук (07.00.02). Абакан. 2007.
4. «Звезда Алтая» 1993. 18 декабря.
5. ЦНИРА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 774.
6. Там же. Ф. 1. Оп. 2. Д. 188.
7. Там же. Д. 551.
8. Там же. Д. 627.
9. КПДА РА. Ф. 312. Оп. 1. Д. 3.
10. Там же. Д. 9.
11. Там же. Д. 7.
12. Там же. Оп. 2. Д. 7.
13. Там же. Оп. 2а. Д. 37.

Горно-Алтайский государственный университет
Получено 25.07.09.

S. Y. Matayva

THE BEGINNING AND DEVELOPMENT THE REGULAR OF BROADCASTING IN GORNY ALTAI (20—60 EGG. XX S.)

In the article, on the basis of archies documentary sources analysis the stages o development the regular of broadcasting in Gorny Altai at 20—60 egg. XX s.

**Soviet state, Soviet government, broadcasting, autonomos region, Gorny Altai,
broadcasting committee, skilled workers**

УДК 902

Н. С. Модоров, А. В. Попов

МЕМУАРЫ МИТРОПОЛИТОВ ЕВЛОГИЯ (ГЕОРГИЕВСКОГО) И ВЕНИАМИНА (ФЕДЧЕНКОВА): СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

В статье, на основе опубликованных и архивных материалов, освещен жизненный путь митрополитов Евлогия (Георгиевского) и Вениамина (Федченкова), а также история создания ими своих мемуаров и их значение при изучении истории Русской Православной церкви.

**Русская Православная церковь, Патриарх, Синод, духовная академия, духовная семинария,
Западная Европа, Константинополь, митрополит, мемуары, государственный архив**

Осмысление культурного наследия русского зарубежья, его роли и места в православии, в сохранении этого наследия было и остается одной из важнейших задач отечественной исторической науки. В связи со сказанным, история русского зарубежья совсем не случайно выходит сегодня на одно из первых мест в тематике исторических исследований. Это в полной мере касается и истории православия вне территории России. И, действительно, как можно написать наиболее полную и всеобъемлющую историю зарубежного русского православия, не привлекая такой исторический источник, каким являются мемуары.

Если это говорить применительно к Русской Православной церкви (РПЦ), то среди воспоминаний, оставленных потомкам церковными иерархами, весомо и значимо выделяются мемуары митрополита Евлогия (в миру Василий Семенович Георгиевский). Впервые они были изданы в Париже в 1947 г. [1]. С тех пор к ним не прикасалась рука издателя ни в Советском Союзе (по вполне понятной причине — *Авт.*), ни за рубежом. И лишь с распадом СССР, «Воспоминания митрополита Евлогия» были возвращены из небытия и переизданы в России (Всецерковным православным молодежным движением — *Авт.*) в 1994 г., в серии «Материалы по истории церкви» [2].

Кто же был их автором? Будущий митрополит Евлогий, а в миру Василий Семенович Георгиевский родился 10 апреля 1868 г., в селе Сомово Одоевского уезда, Тульской губернии, в семье сельского священника. Следуя по пути отца, окончил Белевское духовное училище, а затем в 1888 г. — Тульскую

духовную семинарию. После ее окончания он поступил в Московскую Духовную Академию, которую успешно окончил в 1892 г. После ее окончания, Василий Семенович некоторое время служил помощником смотрителя в Ефремовском духовном училище и одновременно с этим был преподавателем греческого языка в Тульской семинарии. Приняв в 1895 г. постриг, он был рукоположен в диаконы в Щегловском Богородицком монастыре и в том же году назначен инспектором Владимирской духовной семинарии. В 1897 г. Василий Семенович был посвящен в архимандриты и назначен ректором Холмской духовной семинарии. В 1902 г. он становится епископом Люблинским, викарием Холмско-Варшавской епархии, в 1912 г. — архиепископом Холмским, а в 1914 г. — архиепископом Вольнским. Высокое духовное служение увязывал архипастыр с активной «мирской» деятельностью: был членом 2-й и 3-й Государственной думы. В годы первой мировой войны он был назначен управляющим церковными делами на оккупированных территориях. В послеоктябрьское время, а точнее, с января 1920 г. В.С.Георгиевский оказывается в эмиграции. В том же 1920 г. он назначается управляющим всеми западноевропейскими русскими церквами на правах епархиального архиерея (это решение было утверждено патриархом Тихоном — *Авт.*). В мае 1921 г. на съезде русских монархистов в Германии он вошел в состав Высшего монархического совета, а со временем — был избран заместителем председателя совета. 17 января 1922 г. указом патриарха Тихона архиепископ Евлогий был возведен в сан митрополита. А с 5 мая 1922 г. (указ

Патриарха Тихона №349 — *Авт.*) он назначается временно управляющим православными приходами в Западной Европе. В силу начавшихся трений с Архиерейским Синодом Русской Православной церкви за рубежом (РПЦЗ), митрополит Евлогий прерывает в 1926 г. контакты с ним. В силу этого, РПЦЗ запрещает ему в 1927 г. священнослужения. Однако он не подчинился решению Архиерейского Синода РПЦЗ. Эти его «разногласия» с последним закончились в 1931 г. для него увольнением митрополитом Сергием (Страгородским) от управления Русской Церковью в Западной Европе. После этого митрополит Евлогий перешел со своей паствой под юрисдикцию Вселенского патриарха. В 1945 г. он пишет на имя Патриарха Алексия ходатайство о воссоединении с Московским патриархатом и получает от Владыки соответствующий указ. Одновременно с этим, он дважды обращался в Константинополь с просьбой разрешить ему вернуться под юрисдикцию Московского патриархата, но ответа из Константинополя он так и не получил. Поэтому митрополит Евлогий до конца жизни формально остался экзархом Вселенского патриарха.

Говоря о воспоминаниях митрополита Евлогия, следует отметить, что они составлялись Т. И. Манухиной на основе его автобиографических рассказов. Запись воспоминаний продолжалась три года с 1935 г. по 1938 г. «Владыка Евлогий, — напишет со временем Л. А. Зандер, — был удивительный рассказчик: его речь была образна, лилась непринужденно, была пересыпана живописными подробностями и тонкой иронией. Образы, о которых [он] говорил, вставали как живые... Но самым замечательным, однако, при этом был сам Владыка: от него веяло подлинным Гомеровским эпосом: мудростью старца, бесконечно много видевшего, бесконечно много испытывавшего и за всю свою долгую жизнь не разочаровавшегося в людях» [3, с. 186]. Встречи Т.И. Манухиной с митрополитом Евлогием происходили фактически каждый понедельник. Исключение составляли летние каникулы и время поездок митрополита Евлогия по епархии. Т. И. Манухина так рассказывала о своей работе по подготовке мемуаров: «С первых же встреч был выработан порядок занятий. К каждому понедельнику у Владыки в записной книжке уже был готов краткий план очередных рассказов... После понедельника я вручала Владыке мой текст для просмотра и утверждения. Иногда он добавлял к нему то, что забыл или, что я случайно пропустила; вносил более точные детали, а иногда наоборот, опускал какие-нибудь подробности, считая их лишними» [4, с. 12]. При подготовке мемуаров использовались архивные источники. Особенно это делалось при описании возникавших в эмиграции русских храмов и приходов. Документы им извлекались из Епархиального архива. Работа над воспоминаниями была завершена весной 1938 г. В течение двух лет (1938—1940 гг. — *Авт.*) текст был незначительно дополнен данными, которые касались церковно-приходского строительства и экуменического движения. События второй мировой войны, германская оккупация Франции не оставила никаких следов в тексте, так как уже в 1938 г. митрополит Евлогий считал текст законченным. Необходи-

мо отметить, что митрополит Евлогий не хотел публиковать воспоминания при своей жизни. Более того, он взял слово с Т. И. Манухиной о том, что до его смерти о существовании мемуаров никто не будет знать. Именно этим объясняется тот факт, что мемуары были изданы спустя год после его смерти и спустя 8 лет после окончания работы над ними.

Хронологически воспоминания митрополита Евлогия охватывают период с 1868 г. по 1940 г. Он описывает первые детские впечатления, учебу в духовном училище, семинарии и в Московской духовной академии. Именно в Академии произошло его знакомство с будущим митрополитом и предстоятелем зарубежной Церкви, а тогда — архимандритом и ректором Академии Антонием (Храповицким). Владыка Евлогий вспоминает, что влияние архимандрита Антония на него и других студентов Академии было огромно. Владыка пишет: «Очень импонировала нам высокодаровитая личность архимандрита Антония, его широкое богословское и философское образование, а также его дружественные отношения с Владимиром Соловьевым, Грогом, Лопатиным, с группой мыслителей и философов, объединившихся вокруг журнала «Вопросы философии и психологии». Через него мы как бы тоже соединялись с ними» [5, с. 242].

В дальнейшем митрополит Евлогий рассказывает об основных этапах своего пути в дореволюционной России: о службе в Ефремовском духовном училище Тульской, Владимирской и Холмской семинариях; служении епископом Люблинским, викарием Холмско-Варшавской епархии, архиепископом Холмским (с 1912 г.), архиепископом Вольнским (с 1914 г.). Интересны главы воспоминаний, посвященные участию митрополита Евлогия в работе 2-й и 3-й Государственной думы, в которых он представлял население Люблинской и Седлецкой губерний (т.е. Холмский край — *Авт.*).

Вторая часть воспоминаний посвящена жизни владыки в эмиграции. Архиепископ Евлогий навсегда покинул Россию 16 января 1920 г. на пароходе «Иртыш», отплывшем из Новороссийска в Константинополь. После кратковременного пребывания в Константинополе, митрополит через Грецию прибыл в Сербию. Именно в Сербии архиепископ Евлогий получил известие о том, что по постановлению Высшего Временного Церковного Управления (ВВЦУ) он назначен Управляющим русскими православными церквями в Западной Европе. После назначения, Владыка совершил поездку по Западной Европе, посетив Вену, Прагу, Берлин, Париж, Лондон и другие западноевропейские города. Этот период его жизни подробно описан в двадцатой главе воспоминаний «Архиепископ — митрополит Православной Русской Церкви в Западной Европе». В этой главе владыка рассказывает о попытках восстановления церковной жизни в Праге. Интересны сведения о Русском Доме в Тегеле, деятельности его основателя протоиерея Алексея Мальцева. В этой же главе повествуется об участии митрополита Евлогия в Рейхенгальском монархическом съезде. Здесь же опубликован Указ Патриарха Тихона, подтверждавший назначение архиепископа Евлогия управляющим русскими православными приходами в Западной Европе.

Архиепископ Евлогий вспоминает, что этот указ укрепил его каноническое положение: с этого момента источником своих церковных полномочий он уже имел не Временное Заграничное Церковное управление, а высшую власть Русской Церкви. Архиепископ Евлогий сообщает о получении письма от Патриарха Тихона, в котором Патриарх предлагал ему отправиться в Америку для ревизии Североамериканской епархии. Владыка Евлогий весьма сожалеет о том, что послушался тогда Патриарха: «...надо было слушаться Патриарха не рассуждая...». Причинами своего непослушания воле Патриарха архиепископ Евлогий называет получение им писем от правящего архиерея Североамериканской епархии епископа Александра (Немоловского) и митрополита Платона (Рождественского), в которых они говорили о нецелесообразности его приезда. Другой причиной отказа от поездки в Америку была необходимость участия в первом Всезарубежном Церковном Собрании, впоследствии переименованном в Собор. Архиепископ Евлогий подробно описывает свое участие в Собрании, состоявшемся 21 ноября — 2 декабря 1921 г. Он пишет: «Конституция Съезда была такая. В него вошли все члены высшего Церковного Управления; пребывающие за границей русские епископы; члены Всероссийского Церковного Собора; и делегаты: а) от русских приходов в разных странах, б) военно-морских церковных кругов, в) от Штаба Главнокомандующего русской армией, г) от монашеского духовенства; и кроме того, от ряда лиц, приглашенных по личному усмотрению митрополита Антония как заведующего русскими православными общинами в Сербии, митрополита Евлогия — как управляющего церквами в Западной Европе, архиепископа Анастасия — как управляющего русскими православными общинами в Константинополе и епископа Вениамина — как управляющего военно-морским духовенством» [6, с. 362].

На Соборе 1921 г. был заслушан Наказ Собору и принят ряд документов. В частности, «Послание чадам Русской православной Церкви, в рассеянии и изгнании сущи», «Послание к мировой Конференции» (Генуэзской), «Обращение к воинам русской армии». Так, в «Послании чадам Русской Церкви» говорилось о восстановлении на всероссийском престоле законного православного царя из дома Романовых: «Да вернет (Господь) на всероссийский Престол Помазанника, сильного любовью народа, законного Православного Царя из Дома Романовых» [5, с. 82-83]. Это вызвало возражения части членов Собора. Архиепископ Евлогий призывал: «Поберегите Церковь, Патриарха, Заявление несвоевременно. Из провозглашения ничего не выйдет. А как мы отягчим положение. Патриарху и так тяжело!». 34 члена Собора сделали письменное заявление с осуждением послания, указав, что постановка вопроса о восстановлении монархии носит политический характер и не может обсуждаться на церковном Собрании. Тем не менее, послание было принято двумя третями голосов. Архиепископ Евлогий комментирует это так: «Мои опасения за Церковь и Патриарха, увы, впоследствии оправдались. Митрополит Антоний, в политических вопросах детски наивный, не мог учесть последствий рокового Обращения к православным русским беженцам за

границей», которое было явно монархическим по содержанию и продиктовано эмигрантскими политическими страстями некоторых лиц» [2, с. 362].

Как бы там ни было, но призывы «Всеамериканского Собора» существенно осложнили положение русской церкви за рубежом. В России же они породили раскол русской церкви. 5 мая 1922 г. в Москве на соединенном присутствии Священного Синода и Высшего церковного совета под председательством Патриарха Тихона было обсуждено постановление, которое затем (в виде указа Патриарха — *Авт.*) было выслано возведенному в сан митрополита Евлогию для последующей передачи в ВЦУ. В связи с важностью данного документа для судеб Русской Православной церкви за рубежом, приведем его содержание. Он же гласил: «Председателю Высшего Церковного Управления за границей Преосвященному Антонию, Митрополиту Киевскому и Галицкому.

По благословию Святейшего Патриарха Священный Синод и Высший церковный Совет в соединенном присутствии, слушали: предложение Святейшего Патриарха от 28 марта (10 апреля) сего года следующего содержания: «Предлагаю при сем №№ «Нового времени» от 3 и 4 декабря 1921 года и 1 марта 1922 года. В них напечатаны послания Карловацкого Собора и обращение к мировой Конференции. Акты эти носят характер политический и, как таковые, они противоречат моему посланию от 25 сентября 1919 года. Посему:

1. Я признаю Карловацкий Собор заграничного русского духовенства и мирян не имеющих канонического значения и послание его о восстановлении династии Романовых и обращение к Генуэзской Конференции не выражающим официального голоса Русской Православной Церкви;

2. В виду того, что заграничное Русское Церковное Управление увлекается в область политического выступления, — а с другой стороны, заграничные русские приходы уже поручены попечению проживающего в Германии Преосвященного Митрополита Евлогия, Высшее Церковное Управление за границей упразднить;

3. Священному Синоду иметь суждение о церковной ответственности некоторых духовных лиц за границей за их политические от имени Церкви выступления.

По обсуждению изложенного предложения Святейшего Патриарха,

Постановлено:

1. Признать «Послание Всеамериканского Церковного Собора чадам Русской Православной Церкви в рассеянии и изгнании сущим», о восстановлении в России монархии с царем из дома Романовых, напечатанное в «Новом времени» от 3 декабря 1921 г., №184, и «Послание мировой Конференции от имени Русского Всеамериканского Собора», напечатанное в том же «Новом времени» от 1 марта сего года за №254, за подписью Вашего Преосвященства, — актами, не выражающими официального голоса Русской Православной Церкви и, в виду их чисто политического характера, не имеющими церковно-канонического значения,

2. В виду допущенных Высшим Русским Церковным Управлением за границей означенных от

имени Церкви выступлений и принимая во внимание, что, за назначением тем же Управлением Пресвященного Митрополита Евлогия заведующим русскими православными церквями за границей, собственно для Высшего Церковного Управления там не остаётся уже области, в которой оно могло проявить свою деятельность, означенное Высшее Церковное Управление упразднить, сохранив временно управление русскими заграничными приходами за Митрополитом Евлогием и поручить ему представить соображения о порядке управления названными церквями,

3. Для суждения о церковной ответственности некоторых духовных лиц за границей за их политические от имени Церкви выступления озабоченность получением необходимых для сего материалов, и самое суждение, в виду принадлежности некоторых из указанных лиц к епископату, иметь по возобновлению нормальной деятельности Священного Синода, при полном, указанном в соборных правилах, числе его членов. О чем, для зависящих по предмету данного постановления распоряжений, уведомить Ваше Пресвященство.

5 мая (22 апреля) 1922 года. №348

Член Священного Синода Архиепископ Фаддей Делопроизводитель Н. Нумеров».

Указ Патриарха, подчеркнет впоследствии Митрополит Евлогий в книге своих воспоминаний [2, с. 369-370], произвел на него ошеломляющее впечатление. Он сразу же написал письмо митрополиту Антонию и приложил к нему копию указа. В ответ он получил телеграмму следующего содержания: «Волю Патриарха необходимо выполнить немедленно, приезжайте». Но из-за болезни митрополит Евлогий не смог сразу же приехать в Карловцы. Это он сделал только спустя четыре недели. Приехав в Карловцы, Владыка сразу отметил, что настроение здесь заметно изменилось. Вопреки «разуму», здесь сформировалась оппозиция указу Патриарха. Следуя положению, Митрополит Евлогий выступил с докладом об указе Патриарха на заседании Высшего Церковного Управления. Его содокладчиком был секретарь Управления Махараблидзе, который привел доводы относительно того, почему с указом можно не считаться. Однако Митрополит Евлогий (как он пишет в своих воспоминаниях — *Авт.*) тут же вынужден был заявить, что в отношении Патриарха взят недопустимый тон, а потому он и покинул заседание.

На следующий день (2 сентября 1922 г. — *Авт.*) состоялся Архиерейский Собор, который решил — правда, формально — исполнить волю Патриарха. Собор упразднил ВЦУ и образовал Временный Заграничный Священный Синод (ВЗСС) РПЦ. Последующие свои действия митрополит Евлогий, с сожалением, называет самой главной ошибкой своей жизни, самым большим своим грехом перед Богом, перед матерью Русской Церковью и перед Святейшим Патриархом Тихоном. «Тут мне, — напишет он в своих воспоминаниях, — следовало и проявить власть, заявить, что отныне указы Карловацкого Синода для меня силы не имеют, что я исполню волю Патриарха... Но я, ради братского отношения к собратьям-архиереям, закинутым в эмиграцию, во имя любви к митрополиту Антонию,

старейшему зарубежному иерарху, с которым меня связывала долголетняя духовная дружба, ради всех этих сердечных, может быть сентиментальных побуждений... пренебрег Правдой — волей Патриарха». Именно в этой «слабости» увидел митрополит Евлогий причину не только своих личных бед, но и источник всех дальнейших «нестроений» в жизни зарубежной Церкви [2, с. 371].

Весьма интересна в этом плане глава его воспоминаний «Митрополит Православной Церкви в Западной Европе» (XXI-я), в которой Владыка описывает русские православные приходы в Западной Европе. При работе над ней, как уже упоминалось выше, он, не полагаясь на свою память, использовал документы из архива Епархиального управления. Глава разбита на подразделы, в которых показано состояние русских приходов и храмов в Германии, Франции, Англии, Бельгии, Чехословакии, Австрии, Италии, Швейцарии, Голландии и других странах. Значительное место в ней уделено истории и деятельности Сергиевского Подворья и Богословского института в Париже. Рассказывая о приходах, митрополит Евлогий приводит интересные данные об их основании, первых священниках, строительстве храма, о наиболее влиятельных приходжанах. Говоря о настоятелях и священниках приходских храмов, митрополит Евлогий ценит в последних способность завоевать авторитет среди прихожан, стать «своим для прихода», жить жизнью своей паствы. Таких священников он называл «старыми священниками-бытовиками» и считал их деятельностью наиболее успешной и продуктивной. Отрицательно относился митрополит к неоправданно строгим и амбициозным священникам, а также к священникам, впадавшим в экзальтированный мистицизм и «младостарчество». Таким пастырям митрополит предпочитал «простых, но преданных пастве всей душой священников». С иронией относится митрополит Евлогий и к снобизму некоторых прихожан, придавших непомерное значение своему аристократическому происхождению, прошлым чинам и титулам.

Завершая характеристику данной главы воспоминаний, следует подчеркнуть, что она посвящена отражению локальной истории конкретных церквей и приходов, времени их основания и об основателях. Именно такого рода сведениями и ценны для исследователей воспоминания митрополита Евлогия, ибо без такой «приходской истории», они вряд ли смогут воссоздать и понять во всей полноте историю православия. Ведь история церкви — это не только история Соборов и съездов, это и история повседневной жизни прихожан и рядовых священников той или иной церкви.

Предпоследняя глава воспоминаний (22-я — «Экуменическое движение» — *Авт.*) была записана Т. И. Манухиной по рассказам митрополита Евлогия в 1938 г. В начале ее автор обращает внимание на то, что ему всегда было особенно трудно общаться с католиками, хотя с ними у Русской Церкви гораздо больше общего, чем с протестантами. Отрицательно оценивает Владыка так называемый «Восточный обряд», считая его реставрацией старой унии, какканом для несознательных или невежественных православных. В силу этого, он и считал

невозможным объединение Православной и Католической церковью из-за «папского империализма», который идею вселенского объединения христиан подменяет идеей подчинения всего мира Католической Церкви. Потому-то митрополит Евлогий и оценивал отношения с протестантами более позитивно, подчеркивая, что с ними за годы эмиграции у него установились «простые и сердечные отношения». В этой же главе им дан — пусть поверхностный, — но обзор наших сношений с протестантами и особенно с Англиканской Церковью.

И завершает воспоминания Владыки, наиболее интересная, на наш взгляд (особенно для исследователей русского зарубежного православия — *Авт.*) заключительная — 23 — глава: «Церковная смута», в которой автор повествует, достаточно аргументировано, об истоках и причинах своих разногласий с Архиерейским Синодом РПЦЗ, конфликте с Московской Патриархией, приведшем к разрыву в 1930 г., а также об обстоятельствах и побудительных мотивах его перехода под юрисдикцию Вселенского Патриарха.

Свое повествование он начинает с Собора зарубежных архиереев, состоявшегося в 1922 г. По прошествии времени, он осознает, что должен был в тот период целиком сосредоточить в своих руках всю полноту власти, а не делиться, по братски, вопреки воли Патриарха, с другими епископами. Этот свой шаг и признал митрополит Евлогий, как уже было отмечено выше, ошибочным.

В мае 1923 г. митрополит Евлогий принял участие в очередном Архиерейском Соборе РПЦЗ. На нем он представил его членом проект плана управления Русской Церковью за границей. Как пишет он в своих воспоминаниях, этот проект предусматривал организацию за рубежом четырех автономных церковно-административных округов: 1) Западно-европейский, 2) Восточноевропейский, 3) Дальневосточный и 4) Североамериканский. В качестве высшего органа управления Зарубежной Церковью им предлагался ежегодный Собор епископов и делегатов епархий. В силу этого, справедливо полагал митрополит Евлогий, Карловацкий Синод (как постоянный церковно-административный орган — *Авт.*) делался излишним. К сожалению, Владыка не смог сохранить в памяти все детали своего проекта по реорганизации церковной жизни за рубежом. Сделать это, помогают архивные материалы Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), в частности, копия доклада митрополита Евлогия. Согласно ей, главная суть его предложения состояла в том, чтобы «немедленно просить Вселенского Патриарха о созыве Церковного Собора с участием в нем представителей и других автокефальных церквей». Представленный на нем Владыкой доклад включал следующие основные предложения: а) твердое признание Патриаршей воли, изложенной в указе №348; б) будущий Собор не должен быть чисто эмигрантским, а должен проводиться под эгидой Вселенского Патриарха с участием всех православных церквей; в) идея объединения должна быть согласована с принципом внутреннего самоуправления; г) новый орган не должен быть простым повторением прежнего ВЦУ с простой перемены названия. Мое предложение, —

напишем со временем митрополит Евлогий, — основывалось на том, что все находящиеся за пределами России епархии [это] неразрывная часть автокефалии Московского Патриархата. Означенные епархии в церковно-административном отношении представляют из себя группу автономных митрополий-архиепископий, Североамериканскую, Японскую, Китайскую, Харбинскую, Западно-европейскую, Забайкальскую и др. Центральный орган — ежегодный собор епископов, [на котором] председательствует старейший по сану из архипастырей» [6, л. 5-15].

Для понимания умонастроений митрополита того периода весьма показательно его положение о том, что «в деле церковном мы должны умереть, конечно, временно в этом политико-национальном отношении именно для того, чтобы воскреснуть и церковно, и государственно, и национально».

Представленный митрополитом Евлогием на Собор доклад вызвал на нем горячие споры. Предложенные докладчиком положения не нашли, к сожалению, поддержки у членов Архиерейского Собора. Так, секретарь Синода Махарабалидзе считал, что «в докладе...есть данные совершенно не соответствующие действительности или недостаточно обоснованные, проектируемый Синод сводится к положению простой канцелярии за спиной Митрополита Евлогия». В выступлении управляющего русскими православными общинами в Болгарии епископа Серафима внимание слушателей акцентировалось на «осторожном отношении» к указу №348 и на «необоснованность претензий» митрополита Евлогия на управление всей зарубежной церковью. Анализ анкет и выступлений русских иерархов также показывает, что Владыка остался в меньшинстве: ни один из иерархов не поддержал его в вопросе о созыве Собора всех православных церквей под эгидой Вселенского Патриарха. Только два епископа поддержали организацию Собора с участием мирян. В соответствии с этим, на Соборе был принят проект, согласно которому Синод не упразднялся. Более того, ему подчинялись все русские церкви на Балканах и Дальнем Востоке. Западно-европейский автономный округ предоставлялся митрополиту Евлогию. Также предлагалось назначение епископов в Западно-европейский митрополический округ, прежде всего в Германии и Италии. Оценивая этот проект в целом, митрополит Евлогий особо подчеркнул, что он являлся очень удобным для «ведения борьбы» против него и к тому же очень далеко отходил от указа Патриарха Тихона.

В этой же главе митрополит Евлогий рассказывает и об окончательном разрыве с Архиерейским Синодом РПЦЗ, который произошел в 1926 г., во время заседания очередного Собора РПЦЗ. Митрополит Евлогий пишет, что он предчувствовал «это недоброе» и очень не хотел ехать на Собор, но братские чувства и преданность митрополиту Антонию пересилили все, и он принял участие в заседаниях Собора. Уже в самом начале заседания, свидетельствует Евлогий, разгорелась острая полемика: выяснилось, что митрополиты Евлогий и Платон признают за Синодом лишь морально-общественное значение, но отнюдь не каноническое и не судебно-административное. После обсуждения доклада митрополита Платона об

устройстве Русской Церкви в Америке, последний отказался подписать протокол, в котором его обвиняли в сепаратизме. В силу возникших противоречий, он вынужден был покинуть заседание Собора. На следующий день покинул Собор и митрополит Евлогий, не признавший решение Собора (как противоречащее воле Патриарха Тихона) о выделении германских приходов в самостоятельную епархию.

В этой связи, необходимо отметить, что главное противоречие, возникшее между митрополитом Евлогием и зарубежным Синодом, заключалось в различном толковании пункта указа Патриарха № 348, гласившего, что «назначение... Управлением Преосвященного Митрополита Евлогия заведующим русскими православными церквями за границей» не оставляет Высшему Церковному Управлению области, где бы последнее «могло бы проявить свою деятельность». Из этого вытекало, что «означенное Высшее Церковное Управление [следует] упразднить, сохранив временное управление русскими заграничными приходами за Митрополитом Евлогием». В этой связи, последнему поручалось представить свои «соображения о порядке управления названными церквями». Если митрополит Евлогий полагал, что этот пункт указа даёт ему законное основание для неподчинения зарубежному Синоду и возглавления всей зарубежной церкви, то зарубежный Синод толковал этот пункт лишь только, как подтверждающий постановление ВЦУ за границей о назначении Архиепископа Евлогия управляющим заграничными русскими церквями в Западной Европе. Последний сообщил в 1927 г. митрополиту Сергию (Страгородскому) о своих разногласиях, возникших между ним и Архиерейским Синодом РПЦЗ. «Коренная разница наших взглядов, — писал он, — состояла в следующем. Архиерейский Синод стремился под новым наименованием остаться прежним Заграничным Высшим Церковным Управлением. Он желал иметь всю полноту прав прежнего Святейшего Правительствующего Синода по отношению к заграничному епископату и церквам. Не довольствуясь этим, он искал [возможность] воспринять [всю] полноту прав Всероссийской Церковной власти как за рубежом, так и по отношению к России», и этот вопрос стоял в повестке «Архиерейских Соборов 1923, 1924 и 1926 гг. Архиерейский Синод и Собор стремился стать законченной церковной организацией типа поместной Церкви с полнотой соответствующих прав. Моя точка зрения была противоположной. Я видел и вижу основное условие нашего церковного бытия за рубежом в органической связи с матерью Церковью Всероссийской, в безусловном признании авторитета власти Московского Патриаршего Престола и безоговорочном ему подчинении. Посему я не допускаю ни автокефалии заграничной Церкви, ни восприятия ею тех прав, кои принадлежат лишь центральной Всероссийской Церковной власти. Я почитаю заграничные наши церковные учреждения второстепенными, подчиненными органами, обладающими меньшим объемом канонических прав и более узким кругом действия. В частности, я не допускаю изменений положений, установленных властью Патриарха, как, например, изменение пределов епархии без волеизъявления законных

правопреемников Патриарха, т.е. его Местоблюстителя или Заместителя Местоблюстителя» [6, л. 22].

После постановления Архиерейского Собора РПЦЗ от 26 января 1927 г. о запрещении в служении митрополита Евлогия, его разрыв с Собором дошел до крайней точки. На запрещение последнего, митрополит Евлогий ответил «Обращением к духовенству и приходам», в котором объявил запрещение и другие меры по отношению к нему не имеющими канонической силы. О наложенном на него запрещении, Владыка Евлогий оповестил митрополита Сергия в письме от 12 сентября 1927 г. На это его послание митрополит Сергей ответил Постановлением №104 от 9 мая 1928 г., в котором, в частности, подчеркнул, что «запрещение, наложенное на Преосвященного Митрополита Евлогия и других архипастырей и клириков, [следует] признать не имеющим силы и неподчинение такому запрещению — не подлежащими взысканию» [7, с. 85-86].

Параллельно с конфликтом с РПЦЗ возник у митрополита Евлогия и конфликт с Московской Патриархией. Летом 1927 г. РПЦЗ получила Постановление Митрополита Сергия (Страгородского) (№95 от 14 июля) с требованием, чтобы заграничное духовенство предоставило письменные обязательства о своей лояльности к советской власти. Согласно вышеназванному постановлению, последнее должно было быть написано по следующей форме: «Я, нижеподписавшийся, даю настоящее обязательство в том, что ныне состоя в ведении Московской Патриархии, не допущу в своей деятельности общественной, в особенности же церковно-пастырской, ничего такого, что может быть принято как выражение моей нелояльности к Советскому Правительству». Митрополит Евлогий пишет в своих мемуарах, что это требование вызвало в его пастве бурю политических страстей. Но, не взирая на это, Владыка заверил митрополита Сергия, что он отказывается от политических выступлений. Такого же рода «обязательства», он собрал и у большинства подчиненного ему духовенства, став, таким образом, единственным эмигрантским лидером, приславшим письменное обязательство о политической лояльности к советской власти. Это подтверждает и письмо Владыки Евлогия митрополиту Сергию от 12 сентября 1927 г. «В осознании своего долга пред Матерью-Церковью и во имя моей безграничной любви к ней, — писал он, — я обязуюсь твердо стоять на установившемся уже у нас, согласно заветам Святейшего Патриарха Тихона, положении о невмешательстве Церкви в политическую жизнь и не допускать, чтобы в подведомых мне храмах церковный амвон обращался в политическую трибуну» [14]. Митрополит Сергей счел условия и форму обязательства митрополита Евлогия приемлемыми. Но это лишь не надолго отсрочило окончательный разрыв меж ними. В 1930 г. митрополит Сергей за участие в межконфессиональных молениях в Англии за гонимых в СССР верующих уволил митрополита Евлогия (указ №1518 от 11 июля 1930 г. — *Авт.*) от управления РПЦ в Западной Европе, с предписанием передать все дела архиепископу Владимиру. После отказа архиепископа Владимира принять управление на себя, это было поручено митрополиту Литовскому Елевфрию. Пос-

ле своего увольнения, вспоминает митрополит Евлогий, он сделал подробный и обстоятельный доклад митрополиту Сергию, в котором доказывал несправедливость решения последнего, а посему просил его отменить свой указ до решения церковного суда. Однако митрополит Сергей не внял доводам Владыки и подтвердил его увольнение. Лишь только после этого, пишет митрополит Евлогий, он и принял решение перейти под юрисдикцию Константинопольского Патриарха. 17 февраля 1931 г. состоялась его встреча в Константинополе с Вселенским Патриархом Фотием. Во время ее митрополит Евлогий получил грамоту Вселенского Патриарха о приеме Западноевропейских русских церквей под юрисдикцию последнего, а также о своем назначении Экзархом Вселенского Патриарха. Свое решение Владыка Евлогий объяснял следующим образом: «Каждая церковь и каждый епископ имеют право апеллировать ко Вселенскому Патриарху в тех случаях, когда они не находят справедливости у своей церковной власти». Однако, с нашей точки зрения, канонических оснований у митрополита Евлогия для перехода под омофор Вселенского Патриарха все же не было. Это, похоже, понимал и сам митрополит Евлогий. В своих воспоминаниях он, кстати, обращает внимание на то, что этот новый порядок управления русскими церквями, подчинение Константинопольскому престолу носил временный характер и после восстановления общепризнанной церковной власти и нормальной церковной жизни в России, русские приходы в Европе вернутся в лоно Матери-Церкви.

Несмотря на «расхождения», митрополит Евлогий, как явствует из воспоминаний, не оставлял попыток примирения с митрополитом Антонием и другими русскими зарубежными иерархами. В частности, в своих письмах к последнему он предлагал меры к объединению и преодолению «церковной разрухи» за рубежом. Его план предусматривал создание Управления Русской Зарубежной Церковью, которое должно было начать действовать после канонического благословения Вселенского Патриарха и признания всеми автокефальными православными Церквями. Однако этот проект объединения не нашел поддержки у представителей РПЦЗ.

Заканчиваются мемуары, по определению Т. И. Манухиной, «заветами пастве», которые были подготовлены митрополитом Евлогием (по её просьбе — *Авт.*) в 1938 г. В них он высказал свои мысли об истории и судьбах Русской Церкви. Синодальный период в её истории он оценивал как период «пленения Церкви и подчинения её государству». В это время она утратила, как известно, «дар свободы и независимости», поступилась тем, чем поступаться было нельзя. Такое положение и привело ее к потере авторитета в народе, к сильной ее зависимости от государства. Именно эти «нестроения» и привели церковь к серьёзным потрясениям после революции. Говоря о будущем Русской Церкви, митрополит Евлогий предостерегал ее об опасности католического и сектантского влияния. И в то же время он уверен, что в этих «битвах победит в конце концов правда Церкви Христовой — Истина и Свобода».

Не упустил возможности митрополит Евлогий и дать ответ на извечные вопросы своих оппонен-

тов: «Почему он, сторонник государственно-националистической линии в России, “полевел” в эмиграции, уклонился в сторону либерализма? Отвечая на них, — писал он, — я спрашивал свою совесть и должен искренне сказать, что в разные периоды исторической жизни я действовал и боролся на разных позициях и в разных направлениях, но неизменно за единый нерушимый идеал — за Церковь. Церковь — [это] центральная идея моей жизни. Сила, величие, достоинство Церкви, любовь к ней — вот та нить, которая связывает воедино всю мою биографию и обуславливает все мои «позиции», все изгибы и повороты на моем пути» [2, с. 598].

И заключает воспоминания митрополита Евлогия послесловие («Памяти митрополита Евлогия» — *Авт.*), написанное Т. И. Манухиной, в котором ею приведено предсмертное признание Владыки. В нем, как писала Т. И. Манухина, он сознался ей, что не может жить только Высшим христианским идеалом, а посему и живет идеалами национальной Русской Церкви. На ее вопрос, а что же делать тем, кто стремится к Высшему христианскому идеалу, митрополит Евлогий, якобы, ответил: «Пусть остаются во Вселенской Патриархии». Эти свидетельства Т. И. Манухиной впоследствии часто служили и служат оправданием действий иерархов Русской Архиепископии в Европе по сохранению «временного», но уже ставшего постоянным пребыванием под омофором Константинопольского Патриархата, а силу этого — и отделением их от Русской Православной Церкви.

Таким образом, мемуары митрополита Евлогия, без преувеличения, представляют большую ценность как исторический источник, так как написаны они одним из наиболее авторитетных и осведомленных иерархов РПЦ и русской православной диаспоры, в силу обстоятельств оказавшимся в центре трагической истории русского православного рассеяния. Многие из затронутых в мемуарах вопросов сохранили свое значение до наших дней. В их числе — взаимоотношения Церкви и государства, участие Церкви в политике, единство Церкви, канонические основы русских церковных разделений за рубежом и др. Словом, мемуары митрополита Евлогия содержат богатейший материал не только по истории РПЦ, но и о первой волне русской эмиграции в Европе.

Но отдавая им должное, как историческому источнику, необходимо постоянно помнить, что воспоминания митрополита Евлогия представляют собой специфическую форму мемуарной литературы — литературную запись. С другой стороны, их автор не имел возможности ознакомиться с текстом перед публикацией, который увидел свет спустя год после смерти Владыки (т.е. спустя 8 лет после окончания работы над ними — *Авт.*). Поэтому вопрос о соотношении того, что рассказал в своих беседах митрополит и что было добавлено позднее при публикации, увы, до сих пор остается открытым. А такие добавления несомненно были. В этой связи, крайне важен сравнительный анализ записей: собственноручно написанных митрополитом Евлогием, записей, сделанных Т. И. Манухиной и заверенных подписью митрополита, и опубликованного текста. На сегодняшний день это, естественно, не сделано,

поскольку пока неизвестно, сохранились ли записи, на основании которых митрополит рассказывал свою биографию, и записи Т. И. Манухиной. Сегодня можно с уверенностью утверждать только лишь одно: мемуарист передал в целом вполне достоверно детали событий тех лет. Знакомясь с его сочинением, мы воочию видим человека с его сомнениями и тревогами, глубже воспринимаем причины, обусловившие его действия и поступки. Наконец, мемуары митрополита Евлогия помогут, что, вне всякого сомнения, исследователям восстановить объективную историю русского православия за рубежом.

К этой же категории исторических источников относятся и **воспоминания митрополита Вениамина** (в миру Иван Афанасьевич Федченков) [8, с. 145-152].

Он родился 2 сентября 1880 г. в селе Ильинка Кирсановского уезда Тамбовской губернии, в семье бывшего крепостного крестьянина и дочери дьячка. В 1903 г. Иван Афанасьевич закончил Духовное училище и Тамбовскую духовную семинарию, в 1907 г. — Санкт-Петербургскую духовную академию. В 1907 г. принял монашество с именем Вениамин. В том же году (10 декабря — *Авт.*) он был рукоположен в иеромонаха. В 1907—1908 гг. являлся профессорским стипендиатом на кафедре библейской истории Санкт-Петербургской духовной академии. В 1910—1911 гг. был личным секретарём архиепископа Финляндского Сергия (Страгородского). С декабря 1911 г. работал ректором Таврической духовной семинарии, с 1913 г. по 1917 г. — ректором Тверской семинарии, с 1917 г. по 1919 г. — ректором Таврической духовной семинарии. В 1917—1918 гг. И. А. Федченков состоял членом Поместного Собора Православной Российской Церкви. В 1919—1921 гг. был епископом Севастопольским, викарием Таврической епархии. После назначения Главнокомандующим Русской армией генерала П.Н. Врангеля, Федченков был назначен епископом армии и флота, а также представителем от Церкви в Совете Министров. После эвакуации из Крыма в Константинополь возглавил Подготовительную Комиссию по созыву Заграничного Русского Церковного Собрания. Он стал одним из организаторов и вдохновителей созыва в Сремских Карловцах Всезарубежного Церковного Собора. В 1922—1923 гг. служил настоятелем православного монастыря в Петковице, недалеко от сербского города Шабаца, с 1923 г. — викарным архиереем в Карпатской Руси (Чехословакия). В 1924 г. Был выслан из Чехословакии в Сербию, где работал законоучителем в Донском кадетском корпусе в г. Билеча и в Русском кадетском корпусе в г. Бела Церква. В 1925 г. по приглашению митрополита Евлогия переехал в Париж, где работал в качестве инспектора и преподавателя Богословского института. В 1927 г. вместе с митрополитом Евлогием остался в юрисдикции Русской Православной Церкви Московской Патриархии, выполнив требование митрополита Сергия о подписке обязательств о лояльности к советской власти. Перед подписанием заявления о лояльности он отслужил 40 литургий с целью «вопрошения воли Божией».

В 1931 г. после разрыва митрополита Евлогия с РПЦ и переходом его под юрисдикцию Вселенс-

кого Патриарха, митрополит Вениамин сохранил верность русскому православию и остался в юрисдикции Московского Патриархата. К нему примкнули два иеромонаха: Федор (Текучев, впоследствии епископ — *Авт.*) и Стефан (Светозаров, впоследствии архимандрит — *Авт.*). После разрыва с митрополитом Евлогием, епископ Вениамин был вынужден оставить пост инспектора Православного Богословского института и уже не смог служить в храме Сергиевского подворья. Объединив вокруг себя небольшую группу прихожан, он образовал первый приход Московской Патриархии в Париже — Трехсвятительское подворье. В 1933 г. архиепископ Вениамин с благословения митрополита Сергия отправился с циклом лекций в США, получив от митрополита Сергия, Патриаршего Местоблюстителя, поручение: выяснить позицию митрополита Платона в Америке и в случае его отделения от Православной Церкви остаться там управляющим, а потом и правящим архиереем. Во время пребывания в Америке он был назначен временным американским экзархом, архиепископом Алеутским и Северо-Американским. 14 июля 1938 г. архиепископ Вениамин был возведен в сан митрополита. В январе-феврале 1945 г. митрополит Вениамин впервые после долгого отсутствия побывал на Родине, участвовал в Поместном Соборе РПЦ в Москве. В 1946 г. он получил советское гражданство.

Вернувшись в 1947 г. в Россию, он занимал кафедры в Риге (с 1947 г.), в Ростове на Дону (в 1951—1955 гг.), Саратове (в 1955—1958 гг.). В 1958 г. он был уволен на покой и сослан на жительство в Свято-Успенский Псково-Печерский монастырь. Кстати, в литературе часто указывается, что Владыка удалился на покой в монастырь по своему прошению. Однако он воспринимал своё удаление в него, как ссылку. Об этом свидетельствуют и его дневниковые записи. Покинуть Саратов и уехать на «отдых» в монастырь, пишет митрополит, его понудило постановление Патриарха, а точнее стоящих за ним лиц. Восприняв все это «промыслительно», а, следовательно, «спасительно... я и принял все это послушно, смиренно, а не гордо» [9, с. 36]. Скончался митрополит Вениамин 4 октября 1961 г. в Псково-Печерском монастыре и был погребен в его пещерах.

Свои воспоминания (точнее, большую их часть — *Авт.*) митрополит написал в 1943 г. в США. Но в 1954 г., уже, будучи в СССР, им, похоже, были сделаны незначительные дополнения к тексту. Так, в предисловии митрополит Вениамин подчеркивает, что намерен описать преимущественно общественную сторону пережитого. На церковных же «событиях», замечает автор, он будет останавливаться лишь только для того, чтобы уяснить их связь с «общественными течениями». Характер своих записей Владыка определяет как общественно-социальный. При подготовке своих мемуаров, признается он, им не использованы какие-либо архивные документы, автор всецело полагался только на свою память. «Разумеется, — писал митрополит Вениамин, — я не придаю своим записям какого-нибудь особого значения... [поэтому не буду]... подтверждать свои воспоминания какими-либо справками,.. буду писать так, как это представлялось мне теперь, в данный момент» [10, с. 125].

Словом, воспоминания — и это надо помнить все время — предназначались, в первую очередь, для «красного» читателя, что, естественно, необходимо учитывать при их изучении и использовании как исторического источника [11, с. 124-126].

Мемуары же митрополита Вениамина были опубликованы в 1994 г. (издательством «Отчий дом», по машинописному варианту, хранящемуся в библиотеке Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря — *Авт.*) [12]. Они охватывают время с момента рождения автора и до 1943 г. В первых двух главах (Владыка называет их разделами — *Авт.*), митрополит Вениамин подробно рассказывает о своих предках, родителях, первых детских впечатлениях. Последующие две главы посвящены описанию революций 1905 г. и 1917 г., отношение автора к ним, а также о «белом движении» и своем участии в нем. Последнее он объясняет, прежде всего, антицерковным характером новой власти. «И не нужно удивляться [тому], — заявляет Владыка Вениамин, — что Церковь [с самого] сначала стала против советской власти... дальнейшие притеснения и преследования духовенства, и даже веры, еще сильнее восстановили нас против неё». И в то же время, он верит в Промысел Божий и говорит, что в соответствии с ним «произошла и Революция, и пришла большевистская безбожная власть!» [12, с. 159]. При этом митрополит твердо убежден, что церковь не должна вмешиваться в светские дела, она должна помогать советскому правительству.

Две главы своих воспоминаний Владыка посвящает «белому движению», в том числе и генералу П. Н. Врангелю. При этом автор не скрывает своих симпатий и к «белому движению», и к генералу Врангелю. Однако с высоты прожитых лет, жизненного опыта и накопленных знаний он пытается понять причины победы большевиков и крушения «белого движения». Оглядываясь назад, автор с сожалением говорит, что не может припомнить какой-либо политико-социальной программы, положительных принципов в «белом движении». «Я хочу пожаловаться, — пишет он, — на общую духовную бедность нашу. У нас почти не было руководящих идей». При этом он несколько не умаляет героизма белых. «...Несомненно, — пишет он, — белых можно считать героями, которые все же отдали жизнь свою [ради своих идеалов]. Пусть мы ошибались, пусть не понимали еще многого, но субъективно белые заслуживают исторического признания, как люди любившие Родину и павшие за неё... Но какой объективный смысл был в этой борьбе? Ответить нелегко» [12, с. 196]. Будучи активным участником белого движения, главой военного духовенства в армии генерала Врангеля, автор, естественно, не скрывает своих побудительных мотивов, которыми он руководствовался в те годы. Главной причиной, приведшая его в «белое движение» состояла в том, как он заявил сам: «Очень уж не хотелось уступать Родину «космополитам-интернационалистам», евреям (так было принято думать и говорить про всех комиссаров), социалистам, безбожникам, богоборцам, царевубийцам, чекистам, черни. Ну, пусть и погибнем, а все же — за единую, великую, неделимую Россию. За неё и смерть красна!».

Для историков русского зарубежного православия наиболее важны те страницы воспоминаний, где их автор говорит о своей жизни в эмиграции. Это, ни много, ни мало, а целых два заключительных раздела воспоминаний, озаглавленных «За границей. Ближний Восток» и «Европа», занимающие, по своему объёму, около трети всего текста воспоминаний. Раскрывая эти и другие проблемы, митрополит настойчиво ищет ответы на глубинные вопросы бытия, историсофского смысла событий. Эти свои философские размышления он старается подкреплять конкретными деталями, зарисовками из повседневной жизни. Такой подход к собственному бытию был характерен для многих выдающихся русских мыслителей, волею судеб оказавшихся в эмиграции и задававших себе вопросы о значении русской эмиграции, о смысле русского рассеяния и т.д. Задавал себе такого рода вопросы и митрополит Вениамин. «Какой исторический смысл, — читаем мы в его воспоминаниях, — в этом рассеянии нас по миру? Ведь это повторение еврейского переселения. Там был смысл: подготовка мира к принятию Мессии Христа. А у нас? Если сказать лишь, что мы несем Божие наказание за отпадение от веры, но ведь мы не такие уж и безбожники? Если, как многие белые думали про себя, будто мы — соль национальной России и обязаны теперь вести борьбу против большевистского безбожного интернационализма через словесную и печатную пропаганду, то это действовало лишь только до критического исторического момента — до начала войны. Когда же она началась, то вся пропаганда белых разлетелась, как дым. Следовательно, и не в этом смысл беженства. Так в чем же он? Откровенно сказать: неясно это мне еще. И, разумеется, он не в том, что русский балет при Мечето-Карло славится по миру танцорами и танцовщицами. И не в том, что два-три казачьих хора ездят по миру и поют церковные песнопения и светские песни... И уж, конечно, не в том, что принесли «безбожной Европе» и «материальной Америке» свет православия и святую жизнь. Где уж там! Кто будет судить по нас о «Святой Руси», тот быстро разочаруется и в нас, и в России. Так в чем же смысл? А он должен быть и с точки зрения Божественного Провидения, и даже с рациональной исторической причинности. Сейчас я придержусь [пока] от ответа».

В разделе «За границей. Ближний Восток» Владыка описал свое пребывание в Константинополе, Болгарии и Сербии. Несколько страниц воспоминаний посвящено раздумьям митрополита Вениамина о Греческой церкви и её взаимоотношениях с РПЦ. Владыка обращает внимание на то, что между Церквями нет настоящего сердечного единства. «Греческая Патриархия за годы революции в России, — пишет он, — сделала много фальшивых шагов, которые едва не привели к разрыву между ней и Русской Патриархией». В числе их митрополит Вениамин видит признание живоцерковников, оправдание откола православных епархий в Польше, Латвии, Эстонии, Финляндии, Русской Западной европейской епархии митрополита Евлогия. По его мнению, история Константинопольской Патриархии, как первой среди равных, подходит к концу. Причина этого ему видится в том, что греки осла-

бели в хранении канонической истины и стали при-способляться к ложным путям.

Подробно описывает Владыка и свое участие, осенью 1921 г., в первом Всезарубежном Церковном Собрании, переименованного впоследствии в Собор. Он подчеркивает, что последний имел огромное значение не только для судеб русской эмиграции, но для жизни Церкви в Советском Союзе. Характеризуя состав Собора, митрополит Вениамин подчеркивал, что большинство его участников из числа мирян оказались, к сожалению, крайне правыми. В то время как духовенство, наоборот, было в своем большинстве «весьма благоразумно». Подводя итоги Собора, Владыка пишет, что прошел он под знаком политического насилия, что «привело к большому вреду» для Церкви как в России, так и за рубежом. Наконец, Собор оказал существенное влияние на все центры русского рассеяния: на Европу, Азию, на обе Америки, где в конце концов возобладали карловчане, то есть группа митрополита Антония. Причиной этого, как считает Владыка, были не церковные каноны, а политическая ситуация. Антисоветская политика Синода РПЦЗ, без преувеличения, всецело отвечала ориентации японского, немецкого и отчасти американского (в особенности Южноамериканского) правительств, которые были, как известно, настроены против СССР.

В этом же разделе владыка Вениамин дает сравнительную характеристику двум самым видным русским зарубежным церковным иерархам — митрополитам Евлогию (Георгиевскому) и Антонию (Храповицкому). Первого он характеризует как архиерея, отличающегося способностью к компромиссам, старающегося занимать срединное положение. Вместе с тем, автор обращает внимание и на то, что митрополит Евлогий отнюдь не был слабым по природе человеком. Это был (при необходимости) властный и настойчивый при достижении своих целей митрополит. Совершенно по-другому описан Владыка Антоний. В противовес своему коллеге, он, согласно автору воспоминаний, отличался резкостью и торопливостью своих суждений, зачастую отвергающим (почитая себя умнейшим человеком) чужие, нередко правильные, советы.

Не обошел своим вниманием митрополит Вениамин и указа Патриарха Тихона (№348) о роспуске Зарубежного Синода. Его отношение к нему принципиально не отличается от характеристик, приводимых другими источниками. В частности, он пишет, что на заседании Синода только двое (он и митрополит Евлогий — *Авт.*) выступили за безоговорочное выполнение воли Патриарха. И как результат этого, — последовавшие «бедствия» в жизни Зарубежной церкви. Именно с тех пор, подчеркивает Владыка Вениамин, и «началась борьба двух заграничных течений: правого и умеренного. В сущности, последнее отличалось от первого лишь степенью, а не в корне: оба были противосоветские и личносамочинные. Та верность Патриарху, о которой было торжественно заявлено на Карловацком Соборе, испарилась мгновенно при первом же столкновении двух волей — эмигрантской и российской» [24].

В заключительном разделе воспоминаний — «Европа» — автор поделился своими впечатлениями

от посещения Австрии, Англии, Венгрии, Германии, Италии, Испании, Франции, Чехословакии и других европейских государств. В нем нет практически сведений о русской православной жизни за рубежом. В этой части Владыка пытается, в первую очередь, проникнуть в психологию других народов. При этом он тут же предупреждает читателя, что сделанные им «зарисовки» носят поверхностный характер, и читающему их нужно относиться к ним как к его личному восприятию. Такого рода «умонастроение» митрополита Вениамина красной нитью проходит через его рассказ о попытке вернуться в конце 1920-х гг. на Родину. Он пишет, что эта мысль появилось у него сразу же после Карловацкого Собора. С этой целью он обратился тогда в Париже, в советское торгпредство с просьбой, чтобы оно посодействовало его возвращению в Россию. В ответ ему было предложено заполнить анкету с осуждением «белого движения». Владыка отказался это сделать, согласившись лишь заявить о признании советской власти и о том, что в церковном отношении будет подчиняться митрополиту Сергию. Далее он пишет, что свои действия по возвращению на Родину он предпринимал с согласия митрополита Евлогия, который сказал ему, что и сам хотел бы вернуться в Россию. Торгпредство, проконсультировавшись с Советским правительством, согласилось дать просителю въездную визу в СССР. Однако его отъезд на родину не состоялся: митрополит Евлогий, опасаясь большой смуты среди русских православных эмигрантов, упрямил Владыку Вениамина повременить с отъездом. К сожалению, эта «задержка» растянулась не на одно десятилетие. Потом митрополит Вениамин с сожалением напишет, что он всю свою жизнь казнил себя за то, что пошел тогда, в 20-х гг., навстречу Владыке Евлогию, ибо считал, что не уступил он последнему, многое в его жизни пошло бы совершенно иначе.

Словом, читая мемуары Владыки Вениамина, человеку сразу видится яркая и целеустремленная натура, пытавшаяся в непростых для себя исторических условиях сохранить верность Православию и РПЦ, смело открывающая читателю тайны своей души,веряющая ему сомнения, зачастую мучительные, относительно правильности выбранного ею пути. И, видимо, не случайно, что после разрыва РПЦЗ с митрополитом Евлогием, он получил в зарубежных русских православных кругах репутацию масона и советского агента. Но в это верили далеко не все, в частности, епископ Григорий Грабе. «Что касается Митрополита Вениамина, — писал он в своем письме священнику С. Я. Красовицкому, — то я не думаю, чтобы он был масоном. Скорее всего, он был в прелести, а прелесть часто приводит ко лжи вообще и даже приводит к ненормальности. Я случайно был у митрополита Антония (еще до поступления своего в Синод), когда Вениамин пришел заявить ему, что подписал лояльность Советам и переходит к Митрополиту Сергию. Митрополит сказал на это: «Иные ему изменили и продали шпагу свою», предложил ему чаю, но разговор, конечно, не клеился, и он скоро ушел».

Сегодня трудно сказать, хотел ли митрополит Вениамин публиковать свои воспоминания или же нет. Можно лишь предположить, что хотел, по-

сколькx их писать он начал еще в 1943 г., пусть и по просьбе советского консула в США Е. Д. Киселева. В силу этого, можно предположить, что предназначались они все же для «красного» читателя. Видимо, только этим можно объяснить некоторые весьма резкие оценки деятельности отдельных эмигрантов и эмигрантских церковных группировок. В тоже время им с симпатией описано белое движение, хотя и не без значительной критики. С особой теплотой, рассказывает в своих воспоминаниях Владыка о П. Н. Врангеле, другом которого он был. Но, несмотря на отдельные «шероховатости», мемуары митрополита Вениамина являются, бесспорно, ценным источником по истории русского зарубежного православия, хотя многие моменты собственно церковной жизни описаны в них бегло, а порой, фрагментарно, что, естественно, снижает их ценность для исследователя.

И, тем не менее, мемуары Владыки Вениамина, равно как воспоминания митрополита Евлогия, дают нам немалую информацию о жизни и деятельности РПЦЗ и Русского экзархата в Западной Европе. Тот и другой, особенно митрополит Евлогий, были свидетелями и активными участниками важнейших событий, имевших место в истории русского зарубежного православия. В силу своего высокого положения, отличающего последнего от других мемуаристов, он является наиболее информированным автором, что и нашло свое отражение в его воспоминаниях.

Однако сравнивая два вышеназванных источника, — воспоминания митрополитов Евлогия и Вениамина — можно с полным правом утверждать, что они хорошо дополняют друг друга, ибо написаны они были, примерно в одно и тоже время, и в одних и тех же исторических условиях. Правда, задачи у их авторов были разные. К примеру, митрополит Евлогий лишь после настойчивых уговоров окружения согласился на запись своих устных рассказов. И, по всей видимости, его мемуары в большей степени были нужны окружению Владыки для укрепления его позиции: сохранения раскола с Матерью-Церковью и для ее дальнейшего пребывания под юрисдикцией Константинопольского Патриархата. В свою очередь, митрополитом Вениамином двигали несколько иные мотивы: последний хотел вернуться в Россию и в силу этого он стремился показать в своих мемуарах личную лояльность к со-

ветской власти. Влияние на характер мемуаров несомненно оказали и личности их авторов. Если митрополит Евлогий был, по признанию современников, искусным администратором, человеком, жившим больше разумом, чем сердцем, то митрополит Вениамин являлся талантливым церковным писателем и человеком, больше жившим сердцем, нежели разумом. Потому-то в его мемуарах присутствует много философских отвлечений, размышлений на абстрактные темы, правда, поданных читателю талантливо и с большим литературным вкусом. Пример тому — его эссе о цветах и их символическом значении в жизни человека. Излагая свою точку зрения по тому или иному предмету, он не стесняется показать и движения своей души, сомнения и тревоги. Ничего подобного нет в мемуарах митрополита Евлогия.

Завершая речь о написании полной и объективной истории зарубежного русского православия, снова подчеркнем, что это трудно сделать, не прибегая к привлечению без мемуаров, которые, по свидетельству историографов, являются специфическим жанром литературы, характерной чертой которого является их документальность. Их использование, в не сомнения, позволяет восстановить факты и события, которые не нашли должного отражения в других источниках. Вместе с тем, мемуары всегда были и будут весьма субъективным источником. Их отличительной особенностью (особенно вышедших из-под пера зарубежных иерархов и священников — *Авт.*) будет то, что в них почти всегда просматривается принадлежность авторов к той или иной юрисдикции (ветви) русского зарубежного православия и связанная с этим определенная авторская пристрастность. Наконец, надо учитывать также и то обстоятельство, что мемуары создавались спустя некоторое время после описываемых событий. В силу этого, авторы при написании своих воспоминаний часто интерпретировали события в угоду своим «побудительным мотивам», но отнюдь не тем, какие были им свойственны в описываемое время, а теми, которые всецело определяли их жизнь и деятельность на время подготовки мемуаров. Потому-то используя их при изучении тех или иных фактов, нашедших отражение в воспоминаниях, необходимо проверять их, сопоставляя с данными, почерпнутыми из других источников.

Библиографический список

1. Евлогий митрополит. Путь моей жизни: Воспоминания Митрополита Евлогия: изложенные по его рассказам Т. Манухиной / Предисловие и послесловие Т. И. Манухиной. — Париж: YMKA-Press. — 1947. — 678 с.
2. Путь моей жизни: Воспоминания митрополита Евлогия (Георгиевского), изложенные по его рассказам Т. Манухиной — М.: Издательский отдел Всецерковного православного движения, 1994. — 621 с.
3. Зандер Л. А. Наш дорогой Владыка // «Церковно-исторический вестник». — 2002. — №9.
4. Манухина Т.И. По поводу воспоминаний // Путь моей жизни: Воспоминания митрополита Евлогия (Георгиевского) изложенные по его рассказам Т. Манухиной — М.: Издательский отдел Всецерковного православного движения. — 1994.
5. Деяния Русского Всеамериканского церковного собора, состоявшегося 8-20 ноября (21 ноября — 3 декабря) 1921 года в Сремских Карловцах в Королевстве СХС. — Сремские Карловцы. — 1922.
6. ГА РФ, Ф.Р-6343. Оп. 1. Д. 5. Л. 5-15.
7. Из переписки заместителя Патриаршего Местоблюстителя митрополита Нижегородского Сергея (Страгородского) и митрополита Евлогия (Георгиевского), управляющего Православными Русскими Церквями в Западной Европе. 1927-1928. (Документы из архива Отдела внешних сношений Московского патриархата) // «Церковь и время» — М. — 1998. — №2(5).
8. Попов А. В. Зарубежное православие: обзор источников и литературы. Литература // «Трибуна русской мысли». — №4. — 2002.
9. Светозарский А. Митрополит Вениамин: жизнь на рубеже эпох // Вениамин (Федченков), митрополит. На рубеже двух эпох. — М.: «Отчий Дом». — 1994.

10. Вениамин (Федченков), митрополит. За Православие помилует меня Господь. Дневниковые записи. — СПб.: Царское дело. — 1957.
11. Бычков С. П. Воспоминания митрополита Вениамина (Федченкова) как источник по изучению Всероссийского Поместного собора Русской Православной Церкви (1917—1918 гг.) // Проблемы историографии, источниковедения и исторического краеведения в вузовском курсе отечественной истории: Тезисы докладов, сообщений Третьей региональной научно-методической конференции / Под ред. А. П. Толочко. — Омск: Омский университет. — 1997.
12. Вениамин (Федченков), митрополит. На рубеже двух эпох. — М.: Отчий дом. — 1994.

Горно-Алтайский государственный университет,
Российский государственный гуманитарный университет
Получено 27.06.09.

N. S. Modorov, A. V. Popov

THE MEMOIRS OF METROPOLITANS EVLOGIA (GEORGIESKEY) AND VENIAMINA (FEDCHENKOVA) COMPARATIVE AND HISTORIAN ANALYSIS

In article, the paper written on the basis of analyzed publications and archive materials throw light the course of life metropolitans Evlogia Georgieskey and Veniamina Fedchenkova and history of creation they his of memoirs and his importance for study the history Russian Christian of church.

Russian Christian church, Patriarch, Sinod, spiritual academy, spiritual seminary, West Europe, life metropolitan, memoirs, state archives

УДК 902

Н. А. Павлова, Т. С. Пустогачева

ОБРАЗОВАНИЕ АВТОТРАНСПОРТНОЙ КОНТОРЫ В ОЙРОТСКОЙ АВТОНОМНОЙ ОБЛАСТИ И ЕЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В 1937—1940 ГГ.

В статье на основе архивных источников рассматривается процесс создания автотранспортной конторы в Ойротской автономной области в 1937—1940 гг..

Автотранспортная контора, пассажирские и грузовые перевозки, водители, маршруты

В любых исторических условиях развитие и совершенствование экономики, немыслимо без хорошо налаженного транспортного обеспечения. От его четкости и надежности во многом зависят: трудовой ритм предприятий промышленности и сельского хозяйства, настроение людей, их работоспособность. В единой транспортной системе России пассажирский автомобильный транспорт занимает ведущее место в обслуживании населения. Именно этим и продиктован наш интерес к данной теме.

Развитие автомобильной промышленности создало материальную основу для формирования автомобильного транспорта как новой отрасли хозяйства, имеющей важное значение для экономики страны.

Уже в 1936 г. СССР вышел на первое место в Европе и второе место в мире по производству грузовых автомобилей. В стране выпускали и легковые автомобили. Ими снабжали автотранспортные тресты, конторы, предприятия, которые в свою очередь осуществляли перевозки пассажиров и доставку грузов по всей стране [1, с. 244]. По этим причинам возникла объективная необходимость создания в регионе предприятия, которое выполняло бы все эти функции. Им стала Ойротская автотранспортная Контора. Точная дата её основания не известна. По разным источникам, работа Ойротской Автотранспортной Конторы начинается с тридцатых, а если быть точнее, то с 1934 г. или с 1938 г. [2, с. 8].

Предприятие было организовано на основании приказа Барнаульского транспортного управления. Первоначально оно носило название «Хозяйство гужавтотранс». Контора предприятия находилась по адресу ул. Б. Головина 6 [3, л. 84]. В его распоряжении находились деревянные постройки, в том числе гаражи, склады, 32 конные повозки. Позднее контора была оснащена 2 автомобилями марки «АМО-Ф-15» и 7 тракторами. Первоначальная численность работников на предприятии составляла не более 58 человек [2, с. 8].

Основная деятельность предприятия заключалась в перевозке грузов по области, а так же ближайшим населённым пунктам соседнего Алтайского края по установленным ранее маршрутам. Были известны такие маршруты, как Ойрот-Тура — Усть-Кан, Коргон — Усть-Кан, Нижний Уймон — Усть-Кокса, Ойрот-Тура — Кош-Агач, Ойрот-Тура — Онгудай, Улаган, Бийск, Акташ. [3, л. 146].

Городских маршрутов было не так много. Их линия проходила по главным улицам города. Таких маршрутов было 6, но постоянное их количество менялось в зависимости от природных условий [3, л. 79].

Для постоянного и беспереывного выполнения поставленной работы, производились наборы работников. Набирались разнорабочие, сторожа, уборщики, бухгалтеры, экономисты, секретари и многие другие. Таким образом, формировался постоянный состав работников АТК.

Людям, принимаемым на работу, начислялась заработная плата, в зависимости от сферы их рабо-

ты, цеха, стажа и ранга. Для более наглядного представления обратимся к таблице.

Таблица 1

Смета на выдачу заработной платы рабочим и служащим капитального строительства Ойротской АТК в 1939г. [4, л. 8].

Должность	количество	Заработная плата
Начальник строительства	1	281 руб.
Кладовщик	1	134 руб.
Уборщик	1	57 руб. 50 коп.
Сторож	2	85 руб.
Чернорабочий	13	От 4 руб. до 158 руб.
Столяр	1	144 руб.
Плотник	27	От 60 руб. до 130 руб.
Всего рабочих	43	
Всего выплачено		3595 руб. 57 коп.

Данные таблицы показывают, что заработная плата рабочих напрямую зависела от их занимаемой должности. Так, заработная плата рабочих была в несколько раз ниже оплаты труда начальника предприятия. Чтобы иметь представление о нормах заработной платы шоферов, обратимся к следующей таблице.

Таблица 2

Смета на выплату заработной платы шоферам в 1939 г. [4, л. 8]

Должность	Количество	Заработная плата
Шофер Газ АА	3	Сред. з/пл. 109 руб.
Шофер пассаж. автобуса	2	Сред. з/пл. 290 руб.
Шофер Зис-5	13	От 62 руб. до 270 руб.
Шофер Яг-6	2	От 62 руб. до 185 руб.
Стажер		62 руб. 50 коп.

Заработная плата шоферов была не всегда постоянной. Она изменялась в зависимости от стажа работы водителя и выполненного им месячного плана работы. Наиболее оплачиваемой категорией кадров считались водители пассажирских автобусов. Заработная плата шоферов работавших на машинах ГАЗ АА, напротив, была самой низкой. Это объясняется, в первую очередь, степенью ответственности и сложности работы водителя на разного вида маршрутах. Заработная плата водителя зависела и от времени года. В летнее время плата труда шоферов и кондукторов возрастала, так как увеличивалось количество рейсов, дополнялся список маршрутов. Так, летом кондуктор в среднем получал 175 руб., а заработная плата шофера доходила до 658 руб. Новички и стажеры получали от 21 р. до 42 руб. [4, л. 21].

Заметим, что далеко не каждый желающий мог работать водителем. Для более качественного отбора шоферов для работы на предприятии были установлены определенные требования. Водитель не должен был иметь вредных привычек, прописан в черте города, и обязательно быть не моложе 17 лет [3, л. 167].

Приняв на работу водителей, им выделяли имеющиеся в парке машины. Так в распоряжении предприятия в 1939 г. находились машины марки: ГАЗ АА, ЯГ-6 и ЗИС-5, который в настоящее время находится на постаменте близ здания Республиканского дома молодежи и является памятником той эпохи.

Все нововведения, распоряжения на предприятии фиксировались в специальной книге приказов, которая впервые была заведена в 1939 г. Запись велась самим начальником предприятия, а в его отсутствие их вел его заместитель.

Проведенный анализ книги приказов АТК позволил определить функциональные обязанности её работников. Так, из приказной книги стало известно, что дежурный шофёр был обязан принимать пришедшую машину из рейса, замерять остаток бензина и отмечать это в путевом листе, ставя при этом свою роспись. В случаи его отсутствия данная процедура поручалась сторожу.

Книга фиксировала не соблюдение работниками конторы установленных дисциплинарных норм, в число которых входили случаи отлучки дежурных шоферов из гаража без уважительной причины, разного рода поездки отдельных лиц по хозяйственным делам предприятия, что противоречило внутреннему распорядку работы гаража. Нередко рабочие нарушали общественно-правовые нормы предприятия. Так в приказе №76 указывалось «Уволить шофера М. И. Глазырина с 15 мая 1939 года за приход на работу в пьяном виде, в результате чего получился простой автобуса». За преждевременное отправление пассажирского автобуса № 88-96 в с. Онгудай кондуктору был объявлен выговор [3, л. 123].

Продолжая избранный анализ книги приказов, мы констатируем, что работа пассажирского парка, руководством Ойротии неоднократно оценивалась отрицательного. «Парк работает ни куда не пригоден: машины выходят с опозданием, что повторяется ежедневно, очень часто. Пассажирские машины выходят на линию технически не исправными, что приводит к несвоевременному пребыванию машины к месту назначения и сопровождаются постоянными поломками.» [3, л. 165].

Для более эффективной работы автотранспортного предприятия руководство области рекомендовало: кондукторам завести книгу проданных билетов и хранить их в билетной кассе, следить за своевременной сдачей учетных книг, составлять таблицу проданных билетов; шоферам, работавшим на автобусах по маршруту Ойрот-Тура — Майма предлагалось делать обеденный перерыв; шоферам работающим на линии Онгудай — Ойрот-Тура необходимо было сдавать выручку от продажи билетов кассиру после каждого рейса [3, л. 174].

Согласно анализа источника можно сделать вывод о том, что на предприятии стала проводиться строгая проверка работы кондукторов, был заведен журнал для точного учета выручки, полученной в ходе работы за полный рабочий день, предпринимались попытки регулирования социальных прав рабочих. Так, на различного уровня заседаниях руководства Ойротии, неоднократно рассматривались

предложения о сокращении рабочего дня в цехах. На основании решения ВЦСПС и приказа НККК о работе во вредных цехах предлагалось перевести на семи часовой рабочий день: медицинский, электроцех, аккумуляторный цех [4, л. 56].

Руководство АТК проявляло заботу не только об улучшении социальных условий работников, но и о повышении их профессионального уровня. Такая забота была обусловлена, в первую очередь, обеспечением максимальной безопасности перевозок пассажиров и их багажа.

Так, для повышения качества работы водителей и обеспечения безопасности перевозки пассажиров, предприятие заключило договор со школой повышения квалификации шоферов в городе Бийске. Отправленные на учебу шофера не только проходили обучение, но и за это получали стипендию. О ее количестве дает представление ниже приведенная таблица.

Таблица 3
Стипендии обучаемых в зависимости от профессии [3, л. 230]

Должность	Количество	Сумма
Шофер 2 класса	5	160,00 руб.
Газогенераторщик	20	120 руб.

Данные таблицы показывают, что обучаемые в «Школе шофера» обеспечивались стипендией, назначавшейся в зависимости от спецкурса обучения, т.е. стипендия шофера была значительно выше, чем у газогенераторщика.

Учеба продолжалась и в летнее время года. Так, летом 1940 г. на повышение квалификации были отправлены 5 человек. Они получали стипендию в размере 100 руб. В это же время учебу проходили и газогенераторщики. Эти курсы от остальных отличались своей массовостью. Только из г. Ойрот-Туры в Бийске проходили обучение 19 газогенераторщиков. Всем им выплачивали стипендию в размере 75 руб.

Анализируя производственную деятельность предприятия приходится констатировать, что не всегда благополучные погодные условия и эксплуатация машин на износ, приводили к необходимос-

ти замены старых деталей и запчастей на новые. Ремонтным бригадам приходилось собирать запасные части из того, что было, т.е. из старых уже списанных машин, из подручных материалов.

Отсутствие запасных частей являлось далеко не одним негативным моментом в деятельности нового предприятия. По истечению времени парк предприятия приходил в частичную негодность. Машины технически не контролировались, обязательных профилактических ремонтов не производилось. Машины в мастерскую на ремонт сдавались без оформления необходимых документов, а при приёме от туда не ходовых машин нередко отсутствовали детали, имевшиеся при сдаче в ремонт. Отсутствие резины на машинах относило их к числу сломанных. Заменить старую резину на новую в быстрые сроки не представлялось возможным. Поэтому техника длительное время находилась на вынужденном ремонте, а шофера без работы [3, л. 94].

Для улучшения работы предприятия в целом и поднятия стимула у рабочих, занятых в сфере обслуживания потребностей населения, проводились мероприятия по поощрению лучших рабочих. Так, в 1939 г. «за высокие показатели выполнения производственного плана и сохранение машины, в июне 1939 года шоферу Дидочкину была объявлена благодарность и выдана денежная премия в размере 60 рублей к основной заработной плате» [3, л. 56].

И такие поощрения были не единственными, т.к. предприятие проявляло заботу о своих работниках, способствовало более качественному выполнению рабочими своих должностных обязанностей. Именно от их ежедневного труда зависела экономическая жизнь как внутри региона, так и за его пределами.

В России с ее огромной территорией именно транспорт объединяет в единый комплекс буквально все отрасли экономики. Именно транспорт обеспечивает не только нормальную жизнедеятельность государства, но и его национальную безопасность и целостность. Транспорт в России занимал особое место, и на рубеже веков мы имеем право с полным основанием говорить об его исторической роли в становлении и развитии нашей страны.

Библиографический список

1. Баева А.Н. Экономическая и социальная география Республики Алтай. Горно-Алтайск, 1994.
2. Колдырин, С. От лошадки до икаруса. / С. Колдырин // Звезда Алтая. — 1997. 12 мая.
3. КПДА РА Ф. Р-207. Оп. 1. Д. 1.
4. КПДР РА Ф. Р-207. Оп. 1. Д. 2.

Горно-Алтайский государственный университет
Получено 15.06.09.

N. A. Pavlova, T. S. Pustogacheva

THE FORMATION THE MOTOP TRANSPORT OF OFFICE AT OYROTSCOY AUTONOMY OF REGION AND HIS ACTIVITY IN 1937—1940 YEARS

In article, the paper written on the basis analyzed publications and archive materials the connections of formation the motop transport of office at Oyrotcoy autonomy of region and his activity in 1937-1940 years.

motor transport office, passenger and weight transport, drivers, itinerary

УДК 902

В. А. Скубневский

ПОЛЯКИ В АДМИНИСТРАЦИИ И ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА АЛТАЕ В XVIII—НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Статья посвящена исследованию деятельности поляков на Алтае в XVIII — начале XX в. в сфере управления и экономики.

Поляки, диаспора, горнозаводское производство, предпринимательство, Алтайская железная дорога

В постсоветский период заметно расширилось изучение польской диаспоры Сибири, несмотря, кстати, на охлаждение польско-российских отношений. Причины этого охлаждения в целом понятны. Если после Второй мировой войны СССР и ПНР были союзниками по Варшавскому договору и партнерами по Совету экономической взаимопомощи, то в настоящее время Польша — член НАТО. Мешают сближению двух стран и народов память о прошлом и взаимные обиды [1, с. 6-7].

Но в то же время усилились контакты историков обеих стран, о чем свидетельствуют издание совместных трудов и ряд российско-польских научных конференций [2; 3; 4]. Если в советской историографии особенно были популярны такие сюжеты как польская ссылка в Сибири, русско-польские революционные связи, то тематика современных исследований значительно шире. В частности, стали рассматриваться вопросы добровольных миграций поляков в Сибирь, их вклада в хозяйственное освоение и культуру региона.

Но если историки Иркутска, Томска, Абакана, Тюмени и ряда других городов уже давно занимаются историей польских общин своих регионов, то на Алтае сложилась иная ситуация. Польская диаспора остается слабо исследованной. Этим и объясняется выбор темы данной статьи.

Алтай рассматривается в границах округа Колывано-Воскресенских заводов (с 1834 г. — Алтайский горный округ, с 1896 по 1917 г. — Алтайский округ).

Как и в других районах Сибири заметный след в освоении и хозяйственной деятельности дореволюционного Алтая оставили поляки. Хотя по численности польская диаспора этого региона была заметно меньше, сем, например, в Томске или Иркутской губернии.

В освоении Сибири большую роль сыграли казаки. В составе сибирского казачества второй половины XVII в. насчитывалось до 5-6 тыс. человек так называемого «Литовского списка», т.е. бывших подданных Польско-Литовского государства, в их числе были поляки, литовцы, белорусы и украинцы [5, с. 52]. По данным ряда историков, польского происхождения была известная в Сибири семья Собанских (Сабаньских) [6, с. 58].

Петр Собанский (Сабаньский) томский «сын боярский» фактически стал одним из первых исследователей Алтая. В 1633 г. он с отрядом казаков дошел от города Кузнецка (ныне — Новокузнецк в Кемеровской области) до реки Бии и Телецкого озера, собрал сведения о северо-восточной части Гор-

ного Алтая. В 1637 г. он принимал участие во встрече послов Алтын-хана в Томске, в 1639 г. встречал посольство Алтын-хана и Мерген-Даги [7, с. 41]. Второй поход к Телецкому озеру он совершил в 1642 г. В 1646 г. П. Собанский возглавил дипломатическую миссию в «Телеутскую землицу» (т.е. в Горный Алтай) [8, с. 334].

Исследование Т.С. Мамсик показывает, что от ссыльных XVII в. в Сибирь поляков со временем произошли целые кланы. Так, согласно окладным книгам 1841 г. в Бурлинской волости Алтайского горного округа числилось 12 семей Соболевских (32 души мужского пола). А всего на Бурле потомство «литвы» насчитывало 60 семей: 150 мужских душ и 330 душ обоего пола, проживали они в 10 селениях [9, с. 91].

Обратим внимание на группу крестьянского населения Змеиногорского края (юго-западная часть горного округа), которых русские старожилы называли «поляками». Дело в том, что в некоторых трудах ошибочно к этой группе относят не только русских крестьян старообрядцев (староверов), но и польских шляхтичей, т.е. этнических поляков. В частности, такое утверждение есть в известном труде С. В. Максимова «Сибирь и каторга» и работе Б. Пилсудского «Поляки в Сибири» [10, с. 14]. Между тем, историю появления «поляков», т.е. старообрядцев на Алтае прояснили еще дореволюционные исследователи, в их числе М. Швецова. Она отметила, что «поляки» Змеиногорского округа — это «русские староверы, жившие раньше в Польше» [11, с. 425]. Название это им дали местные алтайские крестьяне, а позже и сами прибывшие из Польши русские старообрядцы стали так себя называть. Переселение русских староверов из Польши было организовано при Екатерине II по указам Сената 1762, 1763 и 1765 гг. Период водворения «поляков» на Алтае — с 1763 по 1769 г. К концу XIX в. (1897 г.) «поляки» (староверы) жили в 18 селениях, их численность составляла 27 410 человек [11, с. 443].

В то же время исследователи отмечают определенное воздействие польской культуры и традиций на русских староверов в результате их проживания на польских землях. Это, в частности, нашло отражение в одежде, интерьере жилищ и прочем [11, с. 425-494].

Католический миссионер Марцелий Каменский, совершая в 1816 г. поездку по Томской губернии, отметил, что в Барнауле «из местных мы нашли здесь только одного католика», но в Бийске «больше католиков, чем где-либо... Они рассеяны здесь по

всем форпостам и происходят из тех военнопленных, которые добровольно остались в этих краях» [12, с. 82]. К сожалению, миссионер не уточняет национальность бийских католиков. Например, есть данные, что сюда ссылали и солдат Наполеоновской армии после войны 1812 г., в составе пленных были и французы католики. Так, в числе пленных были французы Пьер Камбэ, Александр Венсан, Луи Альбер, они остались на Алтае, женились на русских, перешли в российский подданство и их потомки до настоящего времени живут на Алтае [13].

Р.В. Оплаканская отмечает наличие поляков в Барнаульском округе во второй четверти XIX в. [14, с. 94].

В 1830-е гг. в составе батальона №10, расквартированного на Алтае, находился 41 пленный поляк — уроженцы Царства Польского [15, с. 101]. Возможно, они были участниками восстания 1830—31 гг.

Следует пояснить, что после перехода алтайских рудников и заводов в «ведомство Кабинета Его Императорского Величества» здесь сложился крупнейший за Уралом горнозаводской комплекс. Во второй половине XVIII — первой половине XIX в. на Алтайских горных заводах выплавлялось до 90% российского серебра, до 80% свинца, 10% меди, с 30-х годов XIX в. стало добываться золото. Здесь также была единственная в Сибири Кольванская камнерезная фабрика, которая изготавливала уникальные изделия из камней — вазы, торшеры, камни. Они до настоящего времени украшают многие залы Государственного Эрмитажа, многих дворцов Петербурга и Москвы. Барнаульский и другие серебродолавильные заводы были закрыты в 1893 г., так как после отмены в 1861 г. крепостного права в России они стали убыточными. Ведь основную рабочую силу на них составляли именно крепостные рабочие (мастеровые). Ряд польских фамилий встречается в составе служащих горного ведомства, т.е. горных инженеров, чиновников, военных.

Достоверно известно о польском происхождении горного инженера Павла Ястржембского и чиновника Антона Рауба.

Павел Ястржембский был сыном дворянина, хорунжего «бывших польских войск», родом из Каменец-Подольской губернии, выпускник Горного кадетского корпуса в Петербурге, прошел практику на Петербургском монетном дворе, а в 1830 г. переведен на службу на Барнаульский серебродолавильный завод, с 1845 г. занимал должность помощника управляющего казенными золотыми промыслами [16, л. 131-140]. Далее занимал ряд крупных должностей: управляющего Сузунской горной конторой (1850—1851 гг.), Томской заводской горной конторой (1854—1855 гг.), Локтевской горной конторой (1859—1862 гг.), в 1856—1859 гг. был управляющим казенными золотыми промыслами [15, с. 183, 186, 187, 189]. (Поясним, что Томская заводская контора не в г. Томске, а в Томском железодобывающем заводе на реке Томи, в современной Кемеровской области). Умер он в 1867 г. в возрасте 55 лет, имел награду — Орден Святой Анны 3-й степени.

Антон Тадеуш Рауба, выпускник Ошмянского уездного училища на правах гимназии, с 1826 по

1842 г. был на военной службе в Российской армии, дослужился до чина штабс-капитана, в 1842 г. вышел в отставку, в 1848—1851 гг. был барнаульским городским (нижний чин городской полиции), с 1851 г. — белоярский земский управитель (с. Белоярское на территории Барнаульского округа) [17, л. 262 об.-268 об.].

Далее обратим внимание на ряд лиц с польскими фамилиями, но уже обрусевшими, на что указывают русские имена и православное вероисповедание.

В Алтайском горном округе работали три горных инженера из рода Давидовичей-Нащинских: Николай Андреевич, Валериан Андреевич (возможно, брат первого) и Николай Игнатьевич. По данным энциклопедии Брокгауза—Ефрона, Давидовичи были польским родом герба Турбы, восходящего к XVI в. Род внесен в VI часть родословной книги Волынской и Подольской губерний. Но существовало еще два рода Давидовичей: гербов Любич, внесенного в VI часть родословной книги Виленской, Ковенской и Новгородской губерний и Стрела — татарского происхождения [18, с. 487].

Николай Андреевич Давидович-Нащинский (1830-1914) был дворянином Вятской губернии, выпускник Горного института в Петербурге [19, л. 214 об.]. На Алтае занимал должности управляющего Барнаульской заводской (горной) конторой в 1862—1863, 1866 гг., Павловской горной конторой (1869—1870 гг.), был младшим, а затем и старшим советником Горного правления. В 1877 г. он был избран на 4 года на должность городского головы Барнаула. При этом проявил себя умелым управленцем [20, с. 40].

Валериан Андреевич Давидович-Нащинский был выпускником Горного института, в 1847 г. прибыл на службу на Алтайские горные заводы [21, л. 559-560].

Николай Игнатьевич Давидович-Нащинский, из дворян Пермской губернии, также выпускник горного института, на службе на Алтайских заводах с 1848 г., работал на Барнаульском серебродолавильном заводе [16, л. 250 об. — 251].

Известны на Алтае и четыре представителя рода Карпинских: Александр М. Карпинский, бергмейстер (20-е гг. XIX в.), П. А. Карпинский — в 1855—1857 гг. — председатель Змеиногорской военно-судной комиссии, в 1861 г. — подполковник, управляющий Змеиногорской горной конторой, В. А. Карпинский — губернский секретарь, в 1866—1867 гг. руководил барнаульской полицией, Л. А. Карпинский — подполковник., статский советник, в 1861—1862 гг. — управляющий Змеиногорской горной конторой, в 1870-1871 гг. — управляющий Барнаульской заводской (горной) конторой [15, с. 179, 181, 186, 212; 16, с. 215-220 об; 21, л. 310-311, 495 об.-502].

Назовем еще ряд служащих в Алтайском горном округе с польскими фамилиями: В. В. Белицкий — маркшейдер, младший советник Горного правления в 1842—1845 гг., Вроблевский — поручик, военный офицер (1848 г.), Зелинский — прапорщик, военный офицер (1866 г.), И. Гуторович — дворянин Минской губернии, католик, с 1845 г. на службе в Алтайском горном округе, Ф. Корженевский — горный инженер, в 1864—1870 гг. — управ-

ляющий казенными золотыми промыслами, Л. В. Порецкий — управляющий Барнаульской горной конторой в 1869—1870 гг., Николай Нехведович — дворянин, выпускник Петербургского университета, на Алтае жил с 1849 г., губернский секретарь, коллежский секретарь, М. Снетковский — военный офицер, член Салаирской военно-судной комиссии, А. Рошковский — писарь, Стефановский — военный офицер, Слупский — военный офицер, Петр Миклашевский — родом из Черниговской губернии, выпускник Горного института, с 1845 г. на службе в Алтайском горном округе, работал на Барнаульском и Томском заводах, на Зыряновском руднике, в 1856-1859 гг. являлся управляющим Томской заводской горной конторой, дослужился до чина подполковника, А. Циолковский упоминался как управляющий Томской заводской горной конторой в 1845 г. [15, с. 176, 179, 187, 219, 220].

Во второй половине XIX в. польское население на Алтае росло не только за счет ссыльных, но и в результате добровольной миграции. Одни ехали на восток в поисках земель и работы, другие направлялись по службе. Приведем сведения о численности поляков на Алтае, по данным всеобщей переписи населения 1897 г. Напомним, что в анкетах переписи не было вопроса о национальности, но был вопрос о родном языке. Назвали польский язык родным в Барнауле — 61, в Бийске — 37, Кузнецке — 31, поселке Новониколаевском (будущий город Новосибирск, который в то время размещался на территории Алтайского округа) — 60, на железнодорожной станции Кривошеково, которая позже вошла в черту города Новониколаевска — 36 человек. В сельской местности Алтайского округа — 397 человек, в том числе в Барнаульском округе — 206, Кузнецком — 104, Змеиногорском — 49, Бийском — 38 человек, а всего — 622 человека, в том числе мужчин — 398, женщин — 224 [22, с. 132, 166].

Судя по косвенным данным, численность поляков продолжала расти в регионе и в начале XX в., т.е. после пуска Сибирской железной дороги. Как и в других районах Сибири в это время основу католической общины составляли именно поляки.

По данным Томского губернского статистического комитета, в 1904 г. численность католиков составляла в городах: Барнауле — 482 человека (1,6% населения города), Новониколаевске — 253 чел. (1%), Бийске — 129 чел. (0,7%), Кузнецке — 26 чел. (0,6%), в сельской местности Барнаульского уезда — 214, Бийского — 33, Кузнецкого — 9, всего — 1146 чел.

В Змеиногорском уезде источник католиков не указал [23, с. 2-3]. Процент католиков в сельской местности не подсчитан, так как показатели — мизерные.

В 1910 г. численность католиков составила в Барнауле — 87, Новониколаевске — 2339, Бийске — 79, Кузнецке — 27, Кольвани — 9, в сельской местности: Барнаульского уезда — 239, Бийского — 81, Кузнецкого — 24, всего — 2876 [24, с. 308].

Обращает на себя внимание снижение показателя численности католиков в Барнауле и, наоборот, рост в Новониколаевске. В первом случае причина заключалась, вероятно, либо в передвижении воинских частей, либо в недоучете в 1910 г. воен-

ных в составе населения. Известно, что в составе Барнаульского полка было много католиков, например, в 1908 г. — 200 человек [25, л. 537, 537об.] Рост численности католиков в составе населения Новониколаевска связан с ростом города. Если в 1904 г. население Новониколаевска составляло 24,3 тыс. чел., то в 1910 г. — 63,5 тыс. чел. [26, с. 286].

В составе польской диаспоры Алтая второй половины XIX — начала XX в. были представители разных социальных слоев и разных профессий, от простых рабочих до начальника Алтайского округа Адама Кублицкого-Пиоттуха (Должность начальника округа кабинетских земель сопоставима с должностью губернатора для губернии).

Кублицкий-Пиоттух занимал должность начальника Алтайского округа с 1900 по 1904г., в дальнейшем стал директором Департамента государственных имуществ, а после 1917г. профессором лесного института, умер в 1932 г. [27, с. 241-245].

Встретить польские фамилии среди служащих Главного управления Алтайского округа можно было довольно часто. Так, в «Памятной книжке Томской губернии на 1908г.» указаны топографы, работающие в управлении Алтайского округа — Ричард Хещиловский, Николай Желязовский, Исидор Чарнецкий, Рене Квецинский, чертежник Густав Реферовский и др. [28, с. 20, 22, 23]. Желязовский упоминается в архивном документе как землемер (13 декабря 1917 г.) [29, л. 101].

Константин Ленкшевич прибыл на Алтай из Петербурга, здесь он был назначен на должность управляющего лесным имением Кабинета Его Императорского Величества в селе Спирино в 1893 г. Вскоре он удачно женился на единственной дочке местного купца Ольге Зориной. Позже переезжает в Новониколаевск, где стал управляющим на паровой мельнице своего тестя [30, с. 299, 303].

Довольно много поляков работало на Алтае, впрочем, как и в других местах Сибири, в лесном хозяйстве, в их числе были лесничие Анатолий Поникаровский, Яренский, Александр Веронский, Платон Кучинский [29, л. 37, 44, 104, 105].

Очень отрывочные сведения о крестьянах переселенцах из Польши, на Алтае их было немного, но все же встречались. Здесь в начале XX в. было несколько польских крестьянских семей, которые стали заниматься производством сливочного масла. В Западной Сибири маслоделие стремительно стало развиваться в конце 90-х годов XIX — начале XX в. Началась поставка датских, немецких, английских сепараторов, в эти же страны экспортировалось масло. Так, если в 1901 г. в Алтайском округе масла было произведено на 400 тыс. руб., то в 1912 г. на 20 732 тыс. руб. [31, с. 84-85].

В 1902 г. в числе владельцев маслодельных заводов Змеиногорского уезда были Франц Павловский (его завод был в деревне Байсагол, основан в 1899 г., в 1902 г. произвел масла 1,6 тонны) и Казимир Юшкович (завод на Поповой заимке, основан в 1900 г., производительность 4,8 тонны масла) [32]. Кстати, составитель «Указателя маслодельных заводов» Иосиф Окулич также был поляком, занимал должность правительственного агронома по Томской губернии и старшего специалиста по сельскохозяйственной части при Департаменте земледелия.

Маслодельное производство имелось в хозяйстве переселенца из Люблинской губернии Мариана Аксамерского. На Алтай с семьей он прибыл в 1912 г., поселился на Романовском хутора Сросгинской волости Бийского уезда, у него было три сына — Сигизмунд, Стефан и Фадей. Семья получила в надел 70 десятин земли. Известно также, что Мариан был грамотным, католик. В годы Первой мировой войны сыновья Мариана были призваны в российскую армию [33, л. 1-4 об.].

Польские крестьяне на Алтае больше (в процентном отношении) чем русские или украинские занимались промыслами. Так, В. Н. Разгон при разработке материалов переписи населения 1917 г. подсчитал, что процент поляков, занятых в сельской местности Алтая промыслами, составлял 16,7, в то время как аналогичный показатель у русского крестьянства Алтая составлял 5,3%, украинцев — 3,5%, но у литовцев — 28,5%, алтайцев — 21,9% [34, с. 145].

Представители польской диаспоры Сибири играли значительную роль в предпринимательской деятельности второй половины XIX — начале XX в. В числе традиционных направлений предпринимательства поляков были торговля, винокурение и пивоварение, колбасное, кондитерское производство, гостиницы, фотоателье и ряд других.

В 60-х годах XIX в. в Бийске проживали купцы 2-й гильдии Стефан Казимирович Яблонский (родился в 1791 г.) и его брат Григорий (родился в 1808 г.) [35, с. 106].

Пытался заниматься предпринимательством уже упоминавшийся выше Павел Ястржембский. В начале 1860-х годов он в компании с барнаульским купцом Григорием Бадьным построил сахарный завод, который оказался убыточным и тогда указанные предприниматели обратились к винокурению. Правда, винокуренный завод в Бийском округе (Иткульский) был открыт в 1868 г., когда Ястржембский уже умер.

К числу довольно крупных предпринимателей Барнаула, да и всей Томской губернии относились Ипполит Игнатъевич Андроновский и трое его сыновей.

Архивные и статистические источники, к сожалению, дают в основном информацию о коммерческой деятельности этой семьи и практически ничего не известно о происхождении И.И. Андроновского, когда он оказался в Сибири, о его личности.

Андроновские были потомственными дворянами, католиками. Ипполит Андроновский в середине 80-х гг. XIX в. уже проживал в Барнауле. Так, начиная с 1884 г. он являлся членом Общества попечения о начальном образовании в городе Барнауле, при этом входил в список местных членов общества. В этом же списке была и Андроновская Екатерина Петровна, скорее всего жена Ипполита Игнатъевича [36, с. 11].

Сферой предпринимательской деятельности Ипполита Андроновского являлись винокуренное и пивоваренное производства. Во второй половине XIX в. эти группы производства получили в Сибири значительное развитие, активно в этой сфере предпринимательства проявили себя предприниматели польского происхождения, из них самым из-

вестным был, конечно, Альфонс Поклевский-Козелл. Размах деятельности Андроновских был намного скромнее.

В 1890 г. И. И. Андроновский в Томске купил винокуренный завод у Горбатовского. Основан этот завод был в 1884 г. Казимиром Зеленецким [37, с. 58]. В Барнауле Андроновский в конце 80-х гг. XIX в. (точная дата не известна) открыл пивоваренный завод и сеть торговых заведений, в их числе — трактир, пивные лавки, через которые и сбывал собственную продукцию. В 1892 г. обороты пивоваренного завода составили 4,7 тыс. руб., 2 оптовых складов пива и вина — около 18 тыс. руб., 2 харчевен (т.е. трактиров) — около 4 тыс. руб., «ренского погреба» (заведения для продажи виноградных вин) — 3,5 тыс. руб. и 6 пивных лавок — более 10 тыс. руб., а всего — более 40 тыс. руб. [38, л. 55].

О производительности барнаульского пивоваренного завода за 1895 г. наглядно свидетельствует анкета, заполненная самим владельцем. В указанном году завод изготовил пива 8000 ведер на сумму 12,8 тыс.руб., на что было израсходовано ячменя 3000 пудов, хмеля — 95 пудов, занято производством было всего 5 рабочих [39, л. 6].

Обнаружены сведения о стоимости недвижимого имущества Андроновских в Барнауле на начало 90-х гг. XIX в. — 4,5 тыс. руб. [40, л. 137].

В 1905 г. Ипполит Игнатъевич умер и в том же году его наследники (три сына) основали торговый дом «И.И. Андроновский и сыновья» с основным капиталом в 30 тыс. руб. и конторой в Барнауле [41, с. 21]. Размеры коммерческой деятельности семьи увеличились. В Барнауле в 1913 г. Андроновские владели пивоваренным заводом, производство пива превышало 60 тыс. ведер в год, обороты составляли 110 тыс. руб., 23 торговыми заведениями, в числе которых были ресторан «Метрополь», трактир, пивные лавки [42, л. 52-72]. Ресторан размещался на центральной улице города Московским проспекте. Это двухэтажное здание Андроновские арендовали у обедневших купцов Мальковых. Здание сохранилось до настоящего времени, сейчас в нем размещается Дворец бракосочетаний. Но Андроновские и сами являлись крупными владельцами недвижимого имущества, которое в 1914 г. оценивалось в 51 тыс. руб. [43, л. 103-103об.]. Около их жилого дома находился известный сиреневый сад.

Коммерческая деятельность этой семьи существенно сократилась в годы Первой мировой войны. В России, как известно, был введен «сухой закон», т.е. запрещена торговля алкогольными напитками, включая пиво. Торговый дом Андроновских специализировался только на этом виде предпринимательства, что и подорвало его бизнес. Однако, в одном из архивных документов за 30 июня 1917 г. [44] — указывается, что в Томске был «завод Андроновского по выработке виноградного сахара» с 16 рабочими и служащими. Но известно, что в 1920 г. в Томске шла национализация частных предприятий, а многие владельцы либо эмигрировали, либо были арестованы. Судьба сыновей И. И. Андроновского нам неизвестна.

В числе прочих предпринимателей польского происхождения на Алтае отметим владельцев колбасных мастерских Закржевского в Барнауле, Крав-

чика и Ястрежемскую в большом торговом селе Камень Барнаульского уезда (ныне город Камень-на-Оби). Такие заведения, как правило, имели вывески «Варшавская колбасная». Подобная вывеска была и над колбасной Закржевского в Барнауле. В уже упомянутом селе Камень видной фигурой стал в деловых кругах Всеволод Петкевич, сын польского ссыльного и зять самого богатого здесь купца Адриана Винокурова. Петкевич хорошо вписался в большую купеческую семью, ему было доверено стать управляющим паровой мукомольной мельницей, он торговал лесом и открыл первый в данной местности кинематограф, что стало возможным после открытия частной Винокуровской же электростанции [45, с. 54].

В период колчаковщины В. Петкевич был избран председателем Каменской городской думы. По постановлению коллегии Алтайской губернской чрезвычайной комиссии от 1 августа 1920 г. он как контрреволюционер был расстрелян [46, с. 169-170].

В годы Первой мировой войны в Барнауле имелась булочная В. Мыдлярчика (занято 8 рабочих) и посудная лавка Юзефы Оранской. Известным человеком в Барнауле был коллежский советник Всеволод Моравский, он приехал сюда в 1910 г. в связи с открытием в городе отделения Государственного банка и возглавил его барнаульское отделение, в 1915 г. он был избран гласным городской думы [47, л. 245-250].

Обратим внимание на планы варшавской фирмы «Миклашевский, Мушинский и К^о» построить в Барнауле механический завод производительностью 300 тыс. пудов железных изделий и с планируемой численностью рабочих 300 человек. 1913 г. городская дума отдала этой компании участок земли в аренду, но завод построен не был, видимо, помещала начавшаяся мировая война [48, л. 255-256].

В Новониколаевске к числу крупных предпринимателей относились братья Рудзинские, дворяне, владельцы большой паровой мельницы, ее производительность составляла 1,5 млн. пудов муки в год (сведения 1910 г.), а также Станислав Соколовский — владелец колбасной мастерской, где в 1908 г. работало 10 рабочих, имелся паровой двигатель, а стоимость продукции составляла 18 тыс. руб. [35, с. 85].

В городе Кузнецке проживали купцы Красимовичи — Иван Максимович и его супруга Софья Фабиановна, дети Альберт, Антонида и Софья. Эта купеческая семья владела пивоваренным заводом и вела торговлю. После смерти И. Красимовича наследники доверили вести дела мужу дочери Софьи Францу Корытковскому [35, с. 61].

Зачастую занятие ремеслом или обращение к рабочим профессиям было единственной возможностью для ссыльных как-то прожить. И. Н. Никулина уже останавливалась на вопросе о хозяйственной деятельности на Алтае ссыльных поляков, участников восстания 1863 г. Например, в Кузнецке Феликс Ковальский стал сапожником, Домановский изготавливал колбасу и выпекал хлеб, торговлей спиртными напитками в Барнауле и Усть-Каменогорске смогли заняться С. Петкевич, С. Новицкий, Р. Путвинский, С. Смольский [49, с. 35-38].

Неизвестно, был ли ссыльным варшавский помещанин Ф. Новаковский, но из документов Томского губернского жандармского управления следует, что с 1892 по 1903 г. он находился под негласным надзором полиции, а работал он на больших мельницах Федулова и Платонова в Барнаульском округе (уезде) столяром [50, л. 9-10; 51, л. 7; 52, л. 4-6].

Немало выходцев из Польши оказалось на Алтае в годы строительства Алтайской железной дороги, ее строили в 1913—1915 годах. Это линия Новониколаевск — Барнаул — Семипалатинск, с веткой от станции Алтайской до Бийска. На строительстве работали многие рабочие из польских губерний, особенно много из Седлецкой [53, с. 97].

Первым управляющим дороги стал инженер Н. Вейтс, переведенный в Барнаул с Варшавско-Венской железной дороги. В ведомственном архиве Алтайского отделения Западно-Сибирской железной дороги (фонд Барнаульского локомотивного депо) хранятся списки всех работников с 1915 по 1960 г., к сожалению, без точного указания времени работы. В этих списках оказалось не менее 80 польских фамилий. У многих польские имена, у других — русские, что отражало процесс русификации многих семей. Много однофамильцев, что указывало на формирование трудовых династий. (Василевские, Муравские, Ковальские, Землянские и др.). Приведем также следующие фамилии: Станислав Врублевский, Станислав Кржемешевский, Бронислав Корчевский, Владимир Дзержинский, Станислав Гаевский, Александр Войцеховский и др. [54].

Таким образом, незначительная по численности польская диаспора Алтая внесла большой вклад в хозяйственное освоение региона. Поляки и лица польского происхождения были здесь представлены горными инженерами и чиновниками, лесничими, предпринимателями, рабочими, ремесленниками, крестьянами. Специфика Алтая по сравнению с другими районами Сибири проявлялась в том, что большая часть поляков на Алтае не относилась к ссыльным, а являлась лицами на службе и добровольными мигрантами.

Библиографический список

1. Сибирь в истории и культуре польского народа. М., 2002.
2. Сибирская полония: прошлое, настоящее, будущее: Материалы международной научно-практической конференции. Томск, 20-23 мая 1999 года. Томск, 1999.
3. Сибирско-польская история и современность: актуальные вопросы. Сборник материалов международной научной конференции (Иркутск, 11-15 сентября 2000 г.). Иркутск, 2001.
4. Польская интеллигенция в Сибири XIX—XX вв.: Сборник материалов межрегиональных тематических чтений «История и культура поляков Сибири». Красноярск, 2007.
5. Резун Д. Я., Васильевский Р. С. Летопись сибирских городов. Новосибирск, 1989.
6. Волков В. Г. Фамилии польско-литовского происхождения в истории Томска // Сибирская полония: прошлое,

- настоящее, будущее: материалы международной научно-практической конференции. Томск, 20-23 мая 1999 г. Томск, 1999.
7. Болонев Ф. Ф., Люцидарская А. А., Шинковой А. И. Ссылные поляки в Сибири: XVII, XX вв.: Исследования и материалы. Новосибирск, 2007.
  8. Булыгин Ю. С. Собанский Петр // Энциклопедия Алтайского края. Т. 2. Барнаул, 1996.
  9. Мамсик Т. С. Бурлинская волость: население и хозяйство. О некоторых аспектах этнокультурных трансформаций по документам XVII — первой половины XIX в. // От средневековья к новому времени: этносоциальные процессы в Сибири XVII — начала XX в. Сборник науч. трудов. Новосибирск, 2005.
  10. Пилсудский Б. Поляки в Сибири // Сибирь в истории и культуре польского народа. М., 2002.
  11. Швецова М. «Поляки» Змеиногорского округа // Алтай в трудах ученых и путешественников XVIII — начала XX в. Т. 2. Барнаул, 2007.
  12. Вернерова В. Сообщения польских миссионеров о Сибири (начало XIX века) // Сибирь в истории и культуре польского народа. М., 2002.
  13. Лушников А. Откуда у парня французская грусть? // Алтайская правда. 2003, 8 августа.
  14. Оплаканская Р. В. Польская диаспора в Сибири в XIX веке // Польская интеллигенция в Сибири XIX—XX вв. Красноярск, 2007.
  15. Пережогин А. А. Военизированная система управления Кольвано-Воскресенского (Алтайского) горного округа (1747—1871 гг.). Барнаул, 2005.
  16. Центр хранения архивного фонда Алтайского края (ЦХАФАК). Ф. 2. Оп. 1. Д. 5994.
  17. ЦХАФАК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 5995.
  18. Энциклопедический словарь Брокгауз и Ефрон. Биографии. Т. 4. М., 1993.
  19. ЦХАФАК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 722.
  20. Барнаульская городская Дума 1877—1996. Сборник документов. Барнаул, 1999.
  21. ЦХАФАК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 6254.
  22. Патканов С. Статистические данные показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев (на основании данных специальной разработки материала переписи 1897 г.). Т. 2. СПб., 1911.
  23. Памятная книжка Томской губернии на 1904 год. Томск, 1904.
  24. Памятная книжка Томской губернии на 1910 год. Томск, 1910.
  25. ЦХАФАК. Ф. 51. Оп. 1. Д. 7.
  26. Горюшкин Л. М., Бочанова Г. А., Цепляев Л. Н. Новосибирск в историческом прошлом (конец XIX — начало XX в.). Новосибирск, 1978.
  27. Гришаев В. Ф. Алтайские горные инженеры. Барнаул, 1999.
  28. Памятная книжка Томской губернии на 1908 год. Томск, 1908.
  29. ЦХАФАК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 533.
  30. Кочнев П. Ф. Жизнь на Большой Реке: Записки сибирского приказчика. Новосибирск, 2006.
  31. Скубневский В. А. Маслоделие и маслоторговля на Алтае в конце XIX — начале XX в. // Предпринимательство на Алтае в конце XVIII в. — 1920-е годы. Барнаул, 1993.
  32. Окулич И. К. Указатель маслодельных заводов Западной Сибири в 1902 году. Томск, 1903.
  33. ЦХАФАК. Ф. 65. Оп. 1. Д. 1.
  34. Разгон В. Н. Промысловые занятия сельского населения Алтая по материалам сельскохозяйственной переписи 1917 г. // Историческое профессиональное: Сборник науч. статей. Барнаул, 2004.
  35. Скубневский В. А., Старцев А. В., Гончаров Ю. М. Предприниматели Алтая 1861—1917: Энциклопедия предпринимательства. Барнаул, 1996.
  36. Общество попечения о начальном образовании в городе Барнауле за 1884 год. (год первый). Барнаул, 1885.
  37. Дмитриенко Н. М. День за днем, год за годом. Хроника жизни Томска в XVII—XX столетиях. Томск, 2003.
  38. ГАТО (Государственный архив Томской области). Ф. 3. Оп. 4. Д. 2408.
  39. ГАТО. Ф. 3. Оп. 19. Д. 1150.
  40. ГАТО. Ф. 3. Оп. 4. Д. 2408.
  41. Сборник сведений о действующих в России торговых домах (товариществах полных на вере). СПб., 1912, с. 21.
  42. ЦХАФАК. Ф. 52. Оп. 1. Д. 36.
  43. ЦХАФАК. Ф. 219. Оп. 1. Д. 50.
  44. ГАТО. Ф. Р63. Оп. 1. Д. 86.
  45. Скубневский В. А., Зенухина Т. Н. Винокуровы // Деловая элита старой Сибири: Исторические очерки. Новосибирск, 2005.
  46. Камень-на-Оби: прошлое и настоящее. Барнаул, 2005.
  47. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1288. Оп. 6. Д. 6.
  48. ЦХАФАК. Ф. 51. Оп. 1. Д. 12.
  49. Nikulina Irina. Dzialalnosc gospodarcza Polskich zeslancow na Altaju (lata 60 XIX w.) // Wroclawskie Studia Wschodnie. 9 (2005). Wroclaw 2005.
  50. ГАТО. Ф. 411. Оп. 2. Д. 9.
  51. ГАТО. Ф. 411. Оп. 2. Д. 17.
  52. ГАТО. Ф. 411. Оп. 2. Д. 114.
  53. Коновалов П. С. Рабочая сила на строительстве Алтайской железной дороги // Исторический опыт хозяйственного освоения Сибири XVIII—XX вв. Томск, 1994.
  54. Архив Алтайского отделения Западно-Сибирской железной дороги (Барнаул). Ф. Барнаульского локомотивного депо. Д. 39, 45.

Алтайский государственный университет
Получено 21.07.09.

V. A. Skubnevskiy

POLES IN THE ADMINISTRATION AND ECONOMIC ACTIVITY OF THE ALTAI REGION IN THE 18TH — THE BEGINNING OF THE 20TH CENTURIES

The article is devoted to the research of the Poles' activity in the 18th — the beginning of the 20th centuries in the administration and economy fields.

Poles, diaspora, mining industry, entrepreneurship, Altai railway

УДК 902

М. Г. Тарасов

ФОРМИРОВАНИЕ ИНСТИТУТОВ САМОУПРАВЛЕНИЯ ЕНИСЕЙСКОГО КАЗАЧЬЕГО ВОЙСКА: БОЛЬШИЕ КРУГИ (СЪЕЗДЫ) ЕНИСЕЙСКОГО КАЗАЧЕСТВА

В статье исследуется работа Больших кругов (съездов) Енисейского казачьего войска в 1917—1920 гг. Основное внимание уделяется тематике рассматриваемых на съездах вопросов и их роли в формировании структуры органов войскового самоуправления.

Гражданская война, енисейское казачество, самоуправление, социальный статус

Казачье население на территории Приенисейской Сибири сформировалось в начале XVII в. Однако в силу разных причин, прежде всего относительной немногочисленности и дисперсного проживания среди крестьянского и инородческого населения, енисейское казачество даже к началу XX в. не имело войскового статуса и, как следствие этого, институтов войскового самоуправления. После февральской революции 1917 г., в условиях относительной политической свободы, енисейские казаки получили возможность самостоятельно определять свой статус и формировать институты сословного самоуправления. Одним из таких базовых институтов, во многом определившим процесс формирования других органов казачьего самоуправления и оказавшим большое влияние на политическую позицию енисейского казачества в революционных событиях 1917 г. и последовавшей за этим Гражданской войны стали Большие круги (Съезды) Енисейского казачьего войска (ЕКВ), функционировавшие в 1917—1920 гг. Накопленные ими материалы по праву представляют огромный интерес для исследователей. Их изучение даёт возможность ему получить информацию о характере политического и социально-экономического развития енисейского казачества в указанное время, господствующих в среде енисейских казаков настроений и политических взглядах, стоящих перед ними проблемах и задачах.

Однако вплоть до настоящего времени, съезды ЕКВ не стали темой специальных исследований. Среди работ, посвящённых истории енисейского казачества в начале XX в., в которых, в той или иной степени, затрагивается тема съездов ЕКВ следует назвать работы: Н. С. Ларькова «Начало Гражданской войны в Сибири. Армия и борьба за власть» [1], Г. И. Романова «Казачье население Восточной Сибири (конец XIX—начало XX века)» [2]. Но наибольшее внимание данной проблематике, бесспорно, уделит А. П. Шекшеев. Его работы посвящены не только общему анализу роли енисейского казачества в социально-политических процессах этого времени, но и отдельным политическим и военным лидерам из числа енисейских казаков: «Енисейское казачество в период революции и Гражданской войны» [3, с. 48-51], «Атаман Сотников: трагедия казачьей интеллигенции» [4, с. 64-72] и др. В последнее время эту тему (особенно участие енисейского казачества в Гражданской войне) активно разрабатывает А. Е. Богуцкий. Порукой тому — написанные им статьи («Взаимоотношения казачества и Советской власти в 1917—1922-е гг.» [5, с. 237-239], «Одиссея есаула Г. К. Бологова»)

[6, с. 35-37] и защищённая в 2007 г. диссертация («Енисейское и иркутское казачество в 1917—1925 гг.») [7]. Но, несмотря на это, съезды ЕКВ и по сей день не нашли пока должного освещения: они упоминаются исследователями, чаще всего вскользь и зачастую это связано с описанием какого-либо исторического события или деятельностью отдельного исторического персонажа.

Это же явно недостаточно для того, чтобы определить роль и место Съездов (Больших кругов) в процессе формирования органов самоуправления учрежденного в 1917 г. Енисейского казачьего войска, а также понять какие задачи решали съезды ЕКВ, насколько эффективна была их деятельность, как отражались в решениях съездов политические взгляды енисейских казаков, как, наконец, влияла ситуация в Енисейской губернии и страны в целом на работу съездов.

При анализе деятельности и значения Кругов (Съездов) ЕКВ следует, прежде всего, помнить, что Енисейское казачество (в отличие большинства казачьих обществ России) не имело к 1917 г. войскового статуса, войсковой территории и собственных казачьих органов власти. В гражданской сфере енисейские казаки управлялись администрацией Енисейской губернии, в военной — подчинялись командованию Иркутского военного округа. Таким образом, к моменту падения монархии и связанной с нею старой системы власти, енисейские казаки не имели, по сути дела, ни опыта самоуправления, ни традиций проведения общевоинских Съездов (Кругов), функционировавших в других казачьих обществах России.

Первый съезд енисейских казаков прошёл в Красноярске в период с 25 мая (8 июня) по 3 июня (17 июля) 1917 г. На нем присутствовало 69 делегатов от всех населённых пунктов Енисейской губернии, в которых проживали енисейские казаки. Начиная работу своего съезда, его делегаты послали приветственные телеграммы «Военному министру Керенскому, Командующему войсками Иркутского военного округа Г. Н. Потанину, Петроградскому Совету Солдатских, Казачьих, рабочих и Крестьянских Депутатов, Всероссийскому Съезду Крестьянских Депутатов и казакам — енисейцам, находящимся в действующей армии» [8, с. 2-23].

Специальная резолюция была направлена съездом в адрес в поддержку Временного правительства и вхождения в его состав представителей социалистических партий. Одновременно с этим, енисейские казаки поддержали и Советы. В той же резолюции, которой казаки выразили поддержку Временному правительству, они заявили и о необходимости со-

здать «Всероссийский Совет Рабочих, Солдатских, Крестьянских и Казачьих депутатов», который взял бы «на себя роль революционного Парламента по отношению к Временному Правительству» [8, с. 2]. Одновременно с этим, съезд высказался против заключения сепаратного мира и проголосовал за продолжение войны, итогом которой, по его мнению, должен был стать мир без «захватов и контрибуций» и на основе «самоопределения народов» [8, с. 3-4].

Съездом была дана оценка свершившимся в стране политическим изменениям и высказывалась точка зрения казаков на будущее устройство государства. В особой резолюции было заявлено: «Первый Съезд Енисейского свободного казачества, с чувством глубокого душевного облегчения приветствует крушение царского самодержавия, господство которого было истинным проклятием для народа... Только народ через свободное Учредительное Собрание... может установить окончательную форму Государственного строя в России». В свою очередь: «Съезд решительно высказывается за введение в России полного господства народной воли в форме народной Автономно-Федеративной Республики с одной палатой с выборными чиновниками сверху до низу». Кроме того, Съезд высказался за автономию Сибири и создание Сибирской областной думы [8, с. 5].

В отличие от других регионов, где сильны были тенденции к «расказачиванию», енисейские казаки на съезде приняли постановление, в котором говорилось, что «енисейское казачество не отказывается от названия «казак», но вкладывает в содержание этого слова старый смысл «свободный человек» [8, с. 13].

По вопросу о земле на Съезд было заявлено что: «Все земли должны быть достоянием всего народа, должна быть уничтожена частная собственность на землю...заведывание и распоряжение землями должно принадлежать самоуправляющимся общинам» [8, с. 14]. Одной из таких общин и должно было стать «исторически сложившаяся» енисейская казачья община. Было заявлено, что «В этой казачьей общине остаются все казаки, составляющие, в обитаемых ими поселениях главную или подавляющую массу населения». Казаки, не составляющие большинства в тех населённых пунктах, где они проживали, должны были или переселиться в казачьи станицы или слиться с крестьянским населением, потеряв статус казака. Одновременно, казачья община могла принять в свой состав, в качестве полноправных членов, лиц, «живших совместно с казаками и в одинаковых хозяйственных условиях». Земельный надел должен был сохраниться за казаками по старым общероссийским нормам — 30 десятин на казака. Кроме того, на Съезде было заявлено, что до момента окончания войны казаки будут нести службу на старых основаниях, а после её окончания казаки будут нести военную службу «на общих (для всех сословий — *М. Т.*) основаниях, установленных Учредительным Собранием» [8, с. 14, 18].

Самым значительным решением, принятом на 1-м Съезде енисейских казаков, стало преобразование енисейского казачества в Енисейское казачье

войско. Тогда же съезд постановил переименовать Красноярский казачий дивизион в «Енисейский» [8, с. 19]. На 1-м Съезде ЕКВ было решено по телеграфу связаться с енисейским казаком, урядником Мокридиным, находившимся в Петрограде, с тем, чтобы он представлял енисейских казаков на общеказачьем Съезде, проходившем в это время в столице. Тогда же было принято решение послать двух делегатов от ЕКВ в Иркутск, на Съезд всех Сибирских казачьих войск. На 1-м съезде была организована новая система власти ЕКВ, в рамках которой были проведены выборы Войскового Совета, состоявшего из 18 действительных членов и 6 кандидатов, а также выборы Войскового правления [8, с. 23]. Временное правительство, однако, не поддержало енисейцев и не признало организацию ЕКВ. Только 10 июня 1919 г. постановлением Совета Министров правительства адмирала Колчака «Енисейская казачья община» получила официальный статус «войска» [9, с. 121-122].

2-й съезд ЕКВ прошёл в Красноярске 20-24 сентября 1917 г. На съезде присутствовало 34 делегата с правом решающего голоса. В начале работы Съезда было принято решение послать приветственные телеграммы Временному правительству, Донскому Войсковому Правительству, Совету Казачьих войск и Демократическому Совецанию [10, с. 1]. Интересно, что как адресат, исчезает Петроградский Совет Рабочих и Солдатских Депутатов, но появляется созданное под эгидой Временного Правительства, Демократическое Совецание. Характерно внимание, оказанное сословным казачьим Органам: Совету Казачьих войск и Донскому правительству. Это явно говорит об усилении консервативных настроений среди енисейских казаков. В первый день с отчётом о деятельности Войскового Управления выступил его Председатель И. Г. Казанцев. Войсковому Управлению Съездом было поручено разработать законопроект о пользовании войсковым капиталом ЕКВ. Постановлением съезда И. С. Макридин был утверждён членом Совета Союза Казачьих Войск [10, с. 3]. Также, в первый день Съезда был рассмотрен и вопрос об участии делегатов от ЕКВ в Сибирском Областном (областническом — *М. Т.*) съезде в Томске, созыв которого был намечен на 8 октября 1917 г. По этому вопросу был заслушан доклад А. Г. Шахматова, который заявил о том, что «Сибирь есть громадная территориальная область, резко отличающаяся от Европейской России многими особенностями...[и, вследствие этого необходимо] предоставление Сибири самостоятельности (автономии — *М. Т.*) Съезд решил послать на Областной Сибирский Съезд 3 делегатов, избранных тайным голосованием: П. Д. Шуваева, А. Г. Шахматова и И. Г. Казанцева [10, с. 3-4].

Во время работы 2-го Съезда Енисейского казачества 22 сентября 1917 г. был принят Законопроект о самоуправлении ЕКВ, который предусматривал формирование таких органов самоуправления, как Станичный Суд и высший орган казачьего самоуправления в ЕКВ — Войсковой Съезд. В компетенции Съезда были «все дела, касающиеся как гражданского, так и военного быта казаков». Съезд избирал: Войсковой Совет, Войсковое Управление на годичный срок и Войскового Атамана на трёхлет-

ний срок. Избранному всеобщим, прямым, равным и тайным голосованием Войсковому Атаману «подчиняются все казачьи части в пределах и за пределами Войска». Войсковой Совет состоял из 25 человек, включая Атамана, и является «высшей инстанцией по отношению, как Войскового Атамана, так и войскового Управления, и их контролирующим органом». Войсковое Управление должно было стать исполнительным органом Войскового Съезда и Совета и состоять из Председателя и пяти членов. В сфере компетенции Войскового Управления должны были быть вопросы мобилизации казаков и хозяйственные дела Войска. Станичное Управление должно было состоять из станичного схода, выборного атамана и управления. Аналогичным образом должно было строиться и поселковое управление, создаваемое в казачьих населённых пунктах, имевших менее 30 дворов. Определялся штат офицеров Енисейского казачьего полка (формируемого в военное время — *М. Т.*) и дивизиона (существующего в мирное время). Полк должен был иметь 18 офицеров и 551 строевого казака, дивизион — 12 и 196 казаков. Согласно Проекта каждый казак войска получает надел в 30 десятин [11, с. 74-76, 83-88, 91-108]. Особое внимание делегатов съезда привлёк к себе земельный вопрос. В результате споров и по итогам голосования было решено, что земля «составляет неотъемлемую и неприкосновенную собственность Иркутского и Енисейского войск» [10, с. 6]. Не смотря, на то, что законопроект не получил утверждение верховной властью Белой Сибири, в дальнейшем его положения лягут в основу принятого на 6-м Круге ЕКВ положения о Войсковом устройстве енисейского казачества.

Особое внимание делегаты 2-го Съезда уделили введению земства. Было принята резолюция, в которой было заявлено, что ЕКВ, как вновь организуемое, должно подойти под закон о земском самоуправлении в казачьих войсках» [10, с. 8].

По вопросу об «организации станиц в административном порядке» Съезд принял решение закрепить официально статус 14 станиц ЕКВ: Таштыпскую, Саянскую, Алтайскую, Нижне-Суэтуцкую, Каратузскую, Бузуновскую, Камчатскую, Солёноозёрскую, Белоярскую, с входящим посёлком Преображенским, Таргошинскую, Арбатскую, с входящим посёлком Большой Луг, Монокскую, посёлок Имекский, входящий в станицу Таштыпскую и Красноярскую». Кроме того, Войсковому Совету было предоставлено «право принимать в казаки селения и отдельных лиц» [10 с. 8, 9].

Рассматривая вопрос о выборах в Учредительное собрание съезд принял решение голосовать за социалистические партии, кроме «архи-левых», к которым, безусловно, были отнесены большевики. Кроме того, было принято решение наметить собственное «чисто казачье делегата» в Учредительное собрание. В результате голосования, таковым был избран меньшевик А. В. Байкалов. Съездом было принято избрать делегатом на Общеказачий съезд от енисейских казаков И. Г. Казанцева [10, с. 9, 11]. По некоторым сведениям, на 2-м Съезде был избран атаман ЕКВ, которым стал хорунжий А. А. Сотников, однако в материалах съезда информации об этом не зафиксировано. По другим сведе-

ниям А. А. Сотников был избран войсковым атаманом только в октябре — ноябре 1917 г. [7, с. 60].

3-й Чрезвычайный Съезд (Круг) ЕКВ был созван 15 (28) февраля 1918 г. Условия, в которых проходила работа съезда на самом деле были чрезвычайными. Атаман ЕКВ и, одновременно, командир Красноярского (Енисейского) казачьего дивизиона А. А. Сотников после Октябрьского переворота 1917 г. в Петрограде и захвата власти большевиками отказался подчиниться Красноярскому Совету. Вследствие угрозы силового разоружения со стороны верных Совету частей, Сотников в декабре 1917 г. вывел дивизион из Красноярска и направился вместе с ним на юг Енисейской губернии, где проживало большинство енисейского казачества. Здесь Сотников надеялся заручиться поддержкой енисейских казаков и начать вооружённую борьбу против большевиков. Стремясь получить санкцию на свои действия от высшего органа самоуправления енисейского казачества, Сотников провёл 3-й Чрезвычайный Съезд ЕКВ. Ввиду чрезвычайной обстановки, в которой проходила работа съезда, его материалы до нас не дошли. Ход работы съезда, так же как и его повестка могут быть частично восстановлены только на основании косвенных данных. По воспоминаниям участников событий, на созванном в Каратузе 3-м Большом Круге (Съезде), было вынесено постановление казакам отряда Сотникова не разоружаться, а «отправиться в южные станицы: Монок, Арбаты, и Таштып, где и ожидать последующих событий» [12, с. 146-147]. На 3-м Съезде ЕКВ в феврале 1918 г. был принят дисциплинарный устав войска, во многом копирующий старый устав царского времени [13, л. 46-46 об.]. По некоторым сведениям, на съезде было принято решение считать землю, находящуюся в распоряжении енисейских казаков, собственностью ЕКВ [14]. Какой-либо другой информации о работе 3-го Съезда ЕКВ не сохранилось.

После свержения летом 1918 г. «первой» Советской власти, по инициативе А. А. Сотникова 4-7 августа 1918 г. в Минусинске был проведён 4-й съезд ЕКВ. В работе съезда приняли участие 34 делегата [13, л. 49]. В первый же день работы съезда была выработана его повестка, включавшая следующие пункты: 1. Доклады с мест, 2. Деятельность войскового управления, 3. Деятельность Войскового Совета, 4. Текущий момент: Брестский мир, Возрождение России, Автономия Сибири, Сибирское и Всероссийское учредительные собрания, 5. Мобилизация казаков: строевая часть, их подчинённость и дисциплина, 6. Установление управления войском по законопроекту, принятому 2-м Съездом [Енисейского казачества] 25 сентября 1917 г., 7. Землепользование в Войске и охрана земель, 8. Земство, 9. Выбор должностных лиц, 10. Текущие дела [13, л. 45]. Доклады по первым трём вопросам делегатами были приняты к сведению, и резолюции по ним не были вынесены. По четвёртому вопросу была единогласно принята резолюция, в которой резко осуждалось заключение Брестского мира. Здесь же было заявлено о необходимости получения Сибири автономного статуса, в составе «Российской федеративной демократической республики». Кроме того, говорилось о необходимости провести созыв Сибир-

ского Учредительного собрания и через него Всероссийского Учредительного Собрания. На съезде было принято решение признать Сибирское правительство и всячески содействовать его работе. Было принято решение «уничтожить» во Временной Сибирской областной Думе представительство от Советов, с заменой их представительством от групп и народностей Сибири [13, л. 45 об.].

Обсуждение пятого вопросу повестки дня съезда — мобилизации казаков, их подчинённости и дисциплине, выявило среди енисейских казаков тенденцию к изоляции. Так, было заявлено, что прикомандирование или откомандирование всех военнообязанных казаков должно иметь место только по постановлению Малого Круга или Войскового Управления. Прикомандирование офицеров к Енисейскому казачьему полку необходимо избегать, кроме условий фронта. Здесь же были определены правила воинской службы лица, перешедшие в казачье звание «из других граждан». В разделе «О строевой казачьей службе» было заявлено о необходимости начать подготовку из енисейских казаков специальных команд (пулемётной, связи и др.). [13, л. 47].

Секция по самоуправлению войска и земству в ЕКВ, работавшая в рамках 4-го Съезда вынесла постановление о необходимости организовать орган самоуправления войском, каковым должно было стать Войсковое Управление. Войсковое Управление должно было состоять из Председателя, 1-го товарища председателя (он же заведующий военным отделом), 2-го товарища председателя (он же казначей), заведующего гражданским и статистическим управлением, Секретаря Управления. По мнению членов секции, Войсковое управление должно было включать в себя «две отрасли управления»: военную и гражданскую. Военная область находится исключительно в распоряжении Войскового Управления, гражданская же область находится также в ведении Войскового Управления, но в области чисто земской (школы, больницы и т. п.) принадлежит Уездной и Губернской земским управам. Последнее положение было связано с отсутствием отдельной войсковой территории. В особо важных случаях Войсковое Управление может собрать Малый Круг из числа представителей станиц, по одному человеку от станицы или посёлка [13, л. 48].

В рамках Земельной секции 4-го Съезда были разработаны радикальные меры для снижения конфронтации с крестьянским населением губернии. В частности было принято решение о том, что казаки, живущие одиночно среди крестьян и имеющие надел в полные 40 десятин должны или выселиться в более крупные казачьи общества или уравниваться в наделах с окружающими крестьянами. Кроме того, было решено обратиться Войсковому Управлению в Совет Министров с просьбой разрешить вновь вступившим безземельным и всем желающим казакom переселиться в приграничье Урянхайского края на особо выделенные участки, для чего выделить средства для переселения [13, л. 48].

4-м Съездом ЕКВ было решено обратиться во Временное [Сибирское] правительство с ходатайством допустить в Учредительное Собрание депутата от ЕКВ [13, л. 49].

15-21 февраля (по старому стилю — М. Т.) 1919 г. в Минусинске прошёл 5-й Большой круг (Съезд) ЕКВ. На съезде присутствовало 62 делегата с правом решающего голоса [15, с. 1, 38]. Повестка работы Съезда, принятая во второй день работы Съезда включала в себя 12 пунктов: 1. Доклады с мест; 2. Объединение казаков, перегруппировка или переселение; 3. О кустарной промышленности в войске и складе сельхозмашин и др.; 4. О войсковых зданиях; 5. О войсковых долгах; 6. О земстве и земских сборах; 7. О самоуправлении войска; 8. Войсковое Управление и его деятельность; 9. О самообложении на необходимые мероприятия в поддержании войск и станиц, 10. Выборы представителей на общеказачье совещание при Главном Управлении казачьих войск; 11. Полк и служба; 12. Текущие дела [15, с. 9].

На 5-м Съезде было принято «Временное положение о порядке перехода в казаки и образовании посёлков и станиц» [15, с. 17-19]. Комиссия по кустарной промышленности и складе сельскохозяйственных орудий в Войске, сформированная на Съезде, предложила изучить вопрос об уровне сельскохозяйственного производства в войске и необходимости учреждения разного рода сельскохозяйственных и ремесленных школ и курсов [15, с. 30-31].

Особое значение в работе 5-го Съезда ЕКВ имел вопрос о полном переселении енисейских казаков в Урянхайский край [15, с. 1, 38]. При постановке на голосование вопроса о переселении, из 58 участвовавших в голосовании делегатов, 42 высказались за переселение и 16 против. Съездом было принята резолюция, в которой заявлялось, что необходимость переселения вызвана стремлением объединить казаков, разбросанных «на огромных пространствах Енисейской губернии», необходимостью создания войсковой территории, и стремлением защитить Урянхайский край от «притязаний иностранцев». Для более полной разработки вопроса о «способе, средствах и условиях переселения» съезд организовал комиссию в составе 7 человек [15, с. 32, 38-39].

В рамках работы комиссии по рассмотрению наказов делегатам были приведены общие цифры лиц, принятых в состав енисейского казачества к началу работы 5-го Съезда и количество земли, которой располагали вновь причисленные казаки. По всем станицам оказалось «принято в енисейские казаки [с весны 1917 г.] 3263 души обоого пола, из них 1089 душ обоого пола с собственной землёй и 2174 души без земли» [15, с. 34].

5-й Съезд ЕКВ обратился к крестьянам Енисейской губернии с воззванием, в котором виновниками развязывания Гражданской войны объявлялись большевики и представители левых социалистических партий. Кроме того, в воззвании было заявлено, что, причина конфликтов казаков и крестьян лежит в земельных спорах и лучшим выходом из ситуации будет переселение енисейского казачества в Урянхайский край [15, с. 39-42].

На 5-м Съезде ЕКВ был утверждён штат Управления Казачьего войска, а также штат Временного штаба ЕКВ, кроме того было принято постановление о создании «самоохранных станичных дру-

жин», в которые должны были войти «все казаки, способные носить оружие» [15, с. 45-52].

На заседании 5-го Съезда (Круга), прошедшем 20 февраля 1919 г., новым атаманом, после отказа занимать должность атаман ЕКВ А. А. Сотниковым, единогласно был избран сотник А. Н. Тялшинский. Интересно, что сам Тялшинский на Съезде (Круге) не присутствовал, руководя одним из отрядов енисейских казаков, борющемся с антиправительственными выступлениями в районе Енисейска. Об избрании его атаманом ЕКВ и производстве в полковники, Тялшинскому была послана соответствующая телеграмма [15, с. 14, 54]. На том же заседании Съезда, согласовав по телеграфу (! — М. Т.) с вновь избранным атаманом кандидатуры, было переизбрано Войсковое Управление. Кроме того, на этом заседании были избраны представители от ЕКВ в Главное Управление по делам казачьих войск и на Общеказачье Совецание [15, с. 55-57].

Во время последнего заседания 5-го Съезда (Круга) ЕКВ, прошедшем 21 февраля делегатами было принято решение продлить полномочия членов Войскового Управления и делегатов 5-го Съезда до 3-х лет. На этом же заседании было принято решение образовать при Войсковом Управлении «Промышленно-Культурно-Просветительского отдела» в чьей компетенции была бы организация склада сельхозмашин; открытие разного рода школ, мастерских, развитие кооперации [15, с. 58-59, 63]. Тогда же было решено, всех енисейских казаков, «принимавших активное участие в большевистских организациях, или бывших с ними в тесной связи», а также казаков, совершивших поступки порочащие честь казака «исключать из казачьего звания» [15, с. 62].

12-20 августа 1919 г. в Минусинске, а затем в Красноярске, прошёл 6-й Чрезвычайный Большой Круг (Съезд) ЕКВ. На Круге были проведены выборы атамана ЕКВ и Войскового Правления. Вместо уезжавшего во Владивосток на учёбу в Академию Генерального Штаба А. Н. Тялшинского, атаманом был выбран Генерального Штаба генерал-майор В. Л. Попов. На нового атамана, бывшего большим знатоком Урянхайского края, енисейские казаки возлагали большие надежды в связи с планируемым переселением ЕКВ в этот регион [17, с. 5-6]. Съездом было принято «Учреждение гражданского управления Енисейского казачьего войска», утверждённое войсковым атаманом В. Л. Поповым 25 октября 1919 г. [18, с. 3]. Принятое «Учреждение...» зафиксировало отход енисейских казаков от имевшегося у них после Февральской революции взгляда на землю, как на общенародную собственность. В «Учреждении...» было прямо сказано, что «Енисейское Казачье войско занимает земли в пределах Енисейской губернии на праве полной собственности» [18, с. 3]. В «Учреждении...» была зафиксирована структура органов власти ЕКВ. Согласно «Учреждению» ЕКВ управлялось Войсковым Кругом, Атаманом и Правлением. Круг должен был созываться не реже чем два раза в год. Чрезвычайные съезды могли быть созваны по мере необходимости. В работе круга могли принимать участие, как казаки, так и казачки, достигшие

совершеннолетия. Каждое казачье общество, хутор, посёлок, станица, город должны были иметь своего представителя на круге. На Войсковом Круге должны были решаться все вопросы, относившиеся к гражданскому управлению и быту казаков. Решения Круга были обязательны для всех членов войска. На круге избирался на трёхлетний срок Войсковой Атаман, его помощник и Председатель и члены Правления [18, с. 3, 4-6, 8-9]. В соответствии с «Учреждением...» территория ЕКВ в гражданском и военном управлении делилась на отделы, в состав которых входили станицы и посёлки. Для управления отделами избирались атаманы отделов и правления отделов. Станичные управления состояли из станичного схода, станичного атамана со станичным правлением и станичного суда [18, с. 10-11]. Согласно «Учреждению...» все казаки ЕКВ должны были получить надел по 30 десятин удобной земли на душу мужского пола, что соответствовало общероссийским казачьим нормам [18, с. 22-23].

В начале января 1920 г. Енисейская губерния была полностью занята Красной Армией. Значительная часть енисейского казачества, не желая оставаться под властью большевиков, покинула территорию губернии. Большинство казаков, включая оба Енисейских казачьих полка, отступили в Забайкалье. Здесь, в Чите в начале 1920 г. прошёл последний 7-й Съезд (Круг) ЕКВ. Информация о работе Съезда и принятых на нём решениях практически полностью отсутствует. Можно предположить, что одной из причин созыва Съезда (Круга) стала необходимость выбора нового войскового атамана, вместо умершего во время отступления в Забайкалье атамана ЕКВ А. И. Феофилова. Известно, что на 7-м Войсковом Круге (Съезде) атаманом ЕКВ был избран полковник Л. П. Потанин [19, с. 120-121]. В дальнейшем, в связи с политикой расказачивания, проводимой на территории Енисейской губернии с начала 1920 г. и быстро сократившегося, в силу ряда причин, числа енисейских казаков в Забайкалье и на Дальнем Востоке, Съезды (Круги) енисейских казаков больше не проводились.

Давая общую оценку съездам ЕКВ, следует отметить, что енисейскому казачеству, не имевшему опыта местного самоуправления, удалось создать демократический, эффективно работающий институт гражданского общества, чья деятельность оказала значительное влияние как на самих казаков, так и на общую ситуацию в Енисейской губернии в 1917 — начале 1920 гг. Используя демократические процедуры, на съездах енисейскими казаками решались практически все, стоявшие перед ними политические, экономические, социальные задачи. На 1-м Съезде Енисейское казачье общество было преобразовано в войско. Преимущественно на Съездах происходили выборы войсковых атаманов. На 6-м Съезде (Круге) было принято «Учреждение гражданского управления Енисейского казачьего войска», в котором детально была прописана структура органов власти ЕКВ, их компетенция и порядок формирования. В рамках съездов предпринимались попытки решить земельный вопрос, нормализовать отношения с крестьянским населением Енисейской губернии. На 5-м Съезде ЕКВ было принято важнейшее решение о переселении всех енисей-

ских казаков в Урянхайский край и формировании войсковой территории. Анализ материалов Съездов ЕКВ позволяет проследить изменение политических взглядов, преобладающих среди енисейских казаков, от либеральных и, отчасти, даже социалистических, на первых съездах, до открыто консервативных — на последних. В экстремальных ситуациях, Съезды ЕКВ использовались как институт, способный консолидировать казачье общество и принять

легитимное, признаваемое всеми казаками, решение по важнейшим вопросам. В целом, представляется характерным тот факт, что, время существования такого демократического института казачьего самоуправления, каким были съезды ЕКВ, чётко ограничено временным промежутком между господством царской авторитарной и Советской тоталитарной политическими системами.

Библиографический список

1. Ларьков, Н. С. Начало Гражданской войны в Сибири. Армия в борьбе за власть [Текст] / Н. С. Ларьков. — Томск : Изд-во Томск. ун-та. — 1995. — 355 с.
2. Романов, Г. И. Казачье население Восточной Сибири (конец XIX — начало XX века.) [Текст]: дис... канд. ист. наук. / Г. И. Романов. — Иркутск, 1996. — 174 с.
3. Шекшеев, А. П. Енисейское казачество в период революции и Гражданской войны: проблемы истории / А. П. Шекшеев // История Белой Сибири. Тез. 4-й науч. конф. 6 — 7 фев. 2001 года. — Кемерово, 2001.
4. Шекшеев, А. П. Атаман Сотников: трагедия казачьей интеллигенции [Текст] // Белая гвардия. Казачество России в Белом движении. — 2005. — №8..
5. Богуцкий А. Е. Взаимоотношения казачества и Советской власти в 1917—1922-е гг. / А. Е. Богуцкий // Власть и общество: межрег. научн.-практ. конф. окт. 2003. г. г. Абакан. — Абакан, 2003.
6. Богуцкий, А. Е. Одиссея есаула Г. К. Бологова / А. Е. Богуцкий // Земля и люди Красноярья: мат-лы регион. науч. — практ. конф., посвящённой 70-летию Красноярского края. — Шушенское, 2005.
7. Богуцкий, А. Е. Енисейское и иркутское казачество в 1917—1925 гг. [Текст]: дисс. ...канд. ист. наук / А. Е. Богуцкий. — Абакан, 2007. — 180 с.
8. Постановление Первого съезда енисейских казаков, состоявшегося в г. Красноярске 25 мая 1917 года. // Сибирская деревня. 1917. №13.
9. Постановление Совета Министров о признании Иркутского и Енисейского казачьих войск // Енисейские казаки. Их историческое прошлое, быт и служба. По материалам, собранным членом Войскового правления К. И. Лаврентьевым. Составил Н. Н. Князев. Харбин: Издание Енисейской Зарубежной казачьей станицы. — 1940. — 174 с.
10. Постановление Второго съезда Енисейского Казачьего Войска, состоявшегося в г. Красноярске 20 сентября 1917 г. — Б. М., Б. И., 1917. — 13 с.
11. Законопроект о самоуправлении Енисейского казачьего войска // Енисейские казаки. Их историческое прошлое, быт и служба. По материалам, собранным членом Войскового правления К. И. Лаврентьевым. Составил Н. Н. Князев. Харбин: Издание Енисейской Зарубежной казачьей станицы. — 1940. — 174 с.
12. Тялшинский, А. Н. Воспоминания А. Н. Тялшинского [Текст] / А. Н. Тялшинский // Енисейские казаки. Их историческое прошлое, быт и служба. По материалам, собранным членом Войскового правления К. И. Лаврентьевым. Составил Н. Н. Князев. Харбин: Издание Енисейской Зарубежной казачьей станицы. — 1940. — 174 с.
13. Архивное Агентство Администрации Красноярского края (ААА КК) Ф. Р. — 258 (Красноярский Совет). Оп. 1. Д. 48.
14. Рабоче-Крестьянская газета. № 38, 6 марта 1918 г.
15. Протоколы 5-го Большого Круга Енисейского казачьего войска 15-21 февраля 1919 года в г. Минусинске. Ачинск: Типография Ачинского Товарищества печатного дела, 1919. — 64 с.
16. Шекшеев, А. П. Гражданская смута на Енисее: победители и побеждённые [Текст]: Научное издание./ А. П. Шекшеев — Абакан: Хакасское книжное издательство, 2006. — 592 с.
17. Енисейские казаки. Их историческое прошлое, быт и служба. (Сб. док-ов) По материалам, собранным членом Войскового правления К. И. Лаврентьевым. Составил Н. Н. Князев. Харбин: Издание Енисейской Зарубежной казачьей станицы. — 1938. — 174 с.
18. Учреждение гражданского управления Енисейского Казачьего Войска. — Красноярск: Издание Войскового Правления Енисейского Казачьего Войска, 1919 г. — 23 с.
19. Приказ Главнокомандующего всеми вооружёнными силами и Походного Атамана всех казачьих войск Российской Восточной Краины. №36. 27 июня 1921 года. Ст. Гродеково // Енисейские казаки. Их историческое прошлое, быт и служба. По материалам, собранным членом Войскового правления К. И. Лаврентьевым. Составил Н. Н. Князев. Харбин: Издание Енисейской Зарубежной казачьей станицы. — 1940. — 174 с.

Сибирский Федеральный университет
Получено 11.07.09.

M. G. Tarasov

THE INSTITUTIONS OF SELF-GOVERNMENT FORMATION OF THE YENISEI COSSACKS' TROOP: BIG CIRCLES (CONVENTIONS) OF THE YENISEI COSSACKS

The work of Big circles (Conventions) of Yenisei Cossacks in 1917—1920 is investigated in this article. Special emphasis is laid on the agenda of the conventions and their role in the formation of the organization structure of the troop (Cossacks) self-government.

the Civil war, The Yenisei Cossacks, self-government, social status

РЕЦЕНЗИИ

Учебное пособие «Развитие рабочего движения в России в начале 80-х гг. XIX в. Морозовская стачка 1885 г.».

Отмена крепостного права в России способствовала активизации процесса развития капитализма в России. Однако сохранение значительных пережитков феодально-крепостнического строя — крупного помещичьего землевладения, сословного неполноправия, подавленность крестьян крупными выкупными платежами, малоземельем и связанными отработками заметно сдерживали поступательное движение России вперед. Но, несмотря на имеющиеся препоны, страна — в социально-экономическом плане — быстро развивалась. Особенно это просматривалось в развитии ее промышленности. К началу 80-х гг. в России появилось несколько таких центров. Наиболее значимыми из них являлись Петербургский, Центрально-промышленный район и набиравший силу Южный промышленный район.

В связи с усиливавшимся с каждым годом их промышленным развитием, здесь (в стране в целом) начинает формироваться новая общественная сила — рабочий класс, — которая уже в 70-е гг. XIX в. решительно заявила о себе (стихийными забастовками и организованными стачками (на предприятиях Петербурга, особенно на Новой бумагопрядильне в 1879 году — новой формой борьбы рабочих с предпринимателями).

Одной из таковых в начале 80-х гг. XIX в., а точнее, в 1885 г., стала стачка рабочих на Никольской мануфактуре фабриканта Т. С. Морозова, по форме борьбы с предпринимателем, организованности ее участников, выдвинутым требованиям, стойкости и т.д., по праву занявшей видное место в истории развития рабочего класса России и его освободительной борьбы против угнетателей. Освещению всех этих моментов, а также истории зарождения Морозовской фабрики, этапам ее развития, причинам, приведшим к выступлению «морозовских» рабочих против своего хозяина, подготовки стачки, хода ее развития и конечным результатам стачки и посвящена рецензируемая работа, автором которой является профессор кафедры истории России Горно-Алтайского государственного университета Н. С. Модоров. Для решения поставленных перед собою задач, он использовал документальные материалы, опубликованные в сборниках 30—40-х годов XX века, которые на сегодняшний день, без преувеличения, являются раритетами, в силу чего стали недоступными для широкого читателя, особенно для студентов. Использование указанных документов и других материалов, что, вне всякого сомнения, позволило автору убедительно раскрыть заявленную тему, внести в ее изучение некоторые уточнения, исправления, допущенные его предшественниками.

Не продолжая больше разбор достоинств рецензируемой работы, отметим в ней моменты, которые, наш взгляд, надо бы подать, как нам видится, несколько по иному. Наверное, можно было более предметно показать, как реагировали на выступление «морозовцев» их соседи, в частности, рабочие фабрики Смирнова, сказать (двумя-тремя словами), как поступил ее хозяин, чтобы не допустить «беспорядков» на своем предприятии. Не перечисляя другие наши «пожелания» автору (они высказаны ему в личной беседе), можем, в связи с нашими замечаниями, отметить, что автор вправе их учесть или остаться, как говорят, при своем мнении, ибо каждый из нас, решая исследовательские задачи, имеет свое видение путей реализации изучаемых вопросов, которое, естественно, не совпадет с мнением его коллег.

В заключение же можем с полным правом констатировать, что рецензируемая работа — «Развитие рабочего движения в России в начале 80-х гг. XIX в. Морозовская стачка 1885 г.», — написанная на вполне приемлемой источниковой базе, грамотно и на доступном студентам языке, вне сомнения, должна быть опубликована, ибо она, в чем также не приходится сомневаться, окажет помощь студентам в изучении истории России второй половины XIX в., в частности, истории развития рабочего движения в России в этот хронологический период.

Ю. М. Гончаров,
д-р истор. н., профессор кафедры
отечественной истории АГУ

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПИСЬМО

УВАЖАЕМЫЕ КОЛЛЕГИ!

Лаборатория по комплексному изучению истории и культуры народов Южной Сибири Горно-Алтайского государственного университета формирует сборник научных статей «История и культура народов Южной Сибири в прошлом, настоящем и будущем».

Основная тематика сборника

- Мировоззрение древних и традиционных обществ народов Южной Сибири: пути и методы изучения;
- Новые подходы к изучению истории освоения Южной Сибири Русским государством;
- Состояние и изученность материальной и духовной культуры народов Южной Сибири и Центральной Азии;
- Верования и обряды народов Южной Сибири и Центральной Азии в прошлом и настоящем;
- Влияние мировых религий на формирование региональных синкретичных мировоззренческих систем народов в прошлом и настоящем;
- Искусство народов Южной Сибири и Центральной Азии как отражение их религиозных представлений;
- Культура и традиционное мировоззрение народов Южной Сибири (в дорусский и пострусский периоды);
- Религиозная политика российского самодержавия и государств Центральной Азии;
- Этно-конфессиональные процессы в Южной Сибири и на сопредельных с нею территориях в прошлом и настоящем;
- Современная религиозная политика России и государств Центральной Азии.

Авторы, желающие опубликовать свои статьи, могут рассмотреть и другие вопросы, но в рамках обозначенной тематики сборника.

Для публикации статьи в сборнике необходимо **до 15 ноября 2009 г.** прислать ее текст (в печатном и электронном варианте), а также сведения об авторе (фамилия, имя, отчество, место работы, должность, ученая степень, ученое звание, почтовый адрес, телефон, e-mail). Статья может включать текст и иллюстрации до 12 страниц (14 кегль, одинарный интервал, в формате Word: все поля — 2,5 см). К статье обязательно прикладывается полный список использованных работ.

Образец оформления статьи и списка литературы:

И.И. Иванов
Горно-Алтайский государственный университет

СОВРЕМЕННАЯ КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ СИТУАЦИЯ В РЕСПУБЛИКЕ АЛТАЙ

Ссылки в тексте: [1, с. 132]

Библиографический список
(формируется в порядке цитирования)

1. Потапов Л.П. Очерки по истории алтайцев. — М.-Л., 1953. 453с.
2. Иванов И.И. Освоение юга Сибири Русским государством в XVII в. // Горный Алтай. Исторический сборник. Вып.9. — Горно-Алтайск, 2007. С. 27-33.

Статьи следует высылать по адресу:

64900, г. Горно-Алтайск, ул. Ленкина, 1. Горно-Алтайский государственный университет, Исторический факультет, Модорову Николаю Семеновичу.
Электронная почта: nmodorov@yandex.ru или mns@gasu.ru
Контактный телефон: (388 22) 2-68-15 (деканат)

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЬИ в журнале «МИР ЕВРАЗИИ»

Авторы представляют статьи на русском языке объемом от 0,5 до 1 авторского листа (20 — 40 тыс. знаков). Объем сообщений, рецензий, заметок не должен превышать 0,2 авторского листа (8 тыс. знаков).

Рукопись должна быть отредактирована, сопровождается рецензией доктора (кандидата) исторических наук. Редакция оставляет за собой право вносить редакторскую правку и отклонять статьи в случае получения на них отрицательной экспертной оценки.

Статью необходимо печатать в редакторе MS WORD 6-7, формате А4, шрифтом 12 пт. (Times New Roman), межстрочный интервал — 1,5; отступ от сторон листа 2,5 см. Статья оформляется следующим образом:

- Ф.И.О. автора (авторов), название статьи заглавными буквами и аннотация на английском языке (до 300 знаков);
- УДК;
- Ф.И.О. автора (авторов), название статьи заглавными буквами и аннотация на русском языке (до 300 знаков).
- Ключевые слова (на русском и английском языках)
- Примеры в тексте статьи оформляются курсивом.
- Примечания к тексту оформляются в виде постраничных сносок и имеют сквозную нумерацию.
- Все таблицы и рисунки (черно-белые) должны быть встроены в текст статьи.
- Библиографический список (в порядке цитирования) оформляется по ГОСТ 7.1.-2004. Библиографические ссылки в тексте статьи оформляются квадратными скобками. Например, [1, с. 25-27].
- В конце статьи указывается дата ее отправки в редакцию.

Статья (бумажный вариант и электронный вариант на дискете) вместе с заявкой и рецензией, должна быть выслана обычной почтой на адрес редакции или электронной почтой по адресу (E-mail: mns@gasu.ru. Файлы необходимо именовать согласно фамилии первого автора, например «Завьялов, Самара». Нельзя в одном файле помещать несколько статей. В разделе «Тема» указывать «В редакцию журнала». За ошибки и неточности научного и фактического характера ответственность несет автор (авторы) статьи. Поступившие в редакцию материалы возврату не подлежат.

После экспертизы статья может быть отклонена, послана автору на доработку или рекомендована к публикации.

Материалы, не соответствующие данным требованиям, к публикации не принимаются.

Статьи аспирантов публикуются в журнале бесплатно.

МАТЕРИАЛЫ И РЕЦЕНЗИИ НАПРАВЛЯТЬ ПО АДРЕСУ: 649000, г. Горно-Алтайск, ул. Ленкина, 1 Университет, Редакция международного журнала «Мир Евразии» Главному редактору.

Контактные телефоны: 8 (388-22) 2-62-33, 2-68-15. Факс: 8 (388-22) 2-67-35. E-mail: mns@gasu.ru

Образец оформления статьи

Sidorenko D.I. Realization the decree SNK «About separating of church from State and of school from church» on the Altay (1917-1921). In the article, on the basis of documentary sources for the first time introduced into scientific turn the religious policy of Soviet power on the Altay in 1920-1930 years.

Key words: revolution, church, decree, requisition, religious organizations, repression, board of justice, liquidation commission.

УДК 902
Сидоренко Д.И.

КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ НА АЛТАЕ В 1920-1923 ГГ.

В статье на основе впервые вводимых в научный оборот документальных источников анализируется конфессиональная политика Советской власти на Алтае в 1920-1930 гг. ».

Ключевые слова: революция, церковь, декрет, реквизиция, религиозные организации, репрессия, коллегия юстиции, ликвидационная комиссия.

Претворение в жизнь нормативных актов Советской власти, касавшихся религиозных объединений, началось на Алтае только в начале 1920 г. Существовавшие же здесь (с декабря 1917 по июнь 1918 г.) ее органы власти вопросами конфессиональной политики практически не занимались [1, с. 86,88]. Это был результат ТЕКСТ...

Библиографический список

1. Будегечиева, Т.Б. Горловое пение в системе народной культуры тувинцев / Т.Б. Будегечиева // Мелодии «Хоомея» / Материалы I Международного симпозиума «Хоомей-92». — Кызыл: Изд-во КГУ, 1994. — *и т.д.*